

Московский государственный университет
путей сообщения

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 4 (45)

Август — сентябрь

Москва
2014

УДК 008
ББК 71
П 71

Редколлегия журнала:

А.Л. Маршак (главный редактор), А.А. Горбунов,
В.Ю. Минералов, В.В. Сергеев (заместители главного редактора),
В.Н. Ксенофонтов, А.Н. Евлаев (ответственный секретарь)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : МГУ ПС (МИИТ), 2014. — Вып. № 4 (45). — 140 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный
университет путей сообщения

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшей школы Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Сергеев В.К. Действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кретов Б.И. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Политологии, истории и социальных технологий» МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, заслуженный работник высшей школы РФ

- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия
- Лебедев С.Н.** Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы
- Маркович Данило** Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия
- Маршак А.Л.** Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации, член союза писателей России
- Миронов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации, член союза писателей России
- Нарбут Н.П.** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Сосунова И.А.** Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Федоряк Н.А.** Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Чупров В.И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПАРШИН В.В.	Русская армия и военное искусство в Первой мировой войне / Russian army and military art in The First World War.....	7
-------------	--	---

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

МАЙОРОВ Р.Н.	Изменение институционального статуса политической теории как субдисциплины в конце XIX – начале XXI вв. в американской политологии / Political Theory as a Sub-field of American Political Science: Changes Since the Late XIX to the Present Day.....	30
НАРЫКОВА С.П.	Особенности современной методологии исследования политической власти / Features of modern methodology of political power research.....	46
ЗУБКОВ С.А. ЕВЛАЕВ А.Н	Формы и методы научно-экономической политики современного российского государства / Forms and methods of scientific and economic policies of modern Russian state.....	55

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ГАЙКАЛОВ С.И.	Оценка стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР накануне Великой Отечественной войны / Evaluation of the strategic deployment of the Armed Forces of the USSR on the eve of the Great Patriotic War.....	66
---------------	--	----

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

ВОРОНОВ В.В./ АХМЕДЗЯНОВА Р.М.	Отечественные и зарубежные розничные торговые сети: некоторые особенности продвижения и деятельности / Domestic and foreign retail chains: some features of the promotion and activities.....	73
-----------------------------------	---	----

АСПЕКТЫ

КОЧЕТКОВ Е.Е.	Проблемы адаптации асимметричного федерализма в современной России / Adaptation problems of asymmetric federalism in modern Russia.....	84
---------------	---	----

ДАНИЛОВ С.В.	Инновационная политика государства в сфере обеспечения жильем молодых семей как фактор институционализации ипотеки региона / Innovation policies in the area of housing for young families as a factor of the institutionalization of the mortgage in the region.....	94
ФЕДЯКИН И.В.	Политика формирования и развития городов и мегаполисов в дореволюционной России: особенности отечественной традиции / Policy of formation and development of towns and megacities in pre-revolutionary Russia: peculiarities of the national tradition.....	100
ФИРСИН С.А.	Социологический анализ отношения школьников к физическому воспитанию / Sociological analysis attitudes of pupils to physical education.....	115
НАРБУТ Н.П./ ТРОЦУК И.В.	Ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере: результаты эмпирического проекта / The expectations and fears of Russian students in the pro-fessional field: the results of an empirical study.....	123
КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....		134
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....		138

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*ПАРШИН Виктор Васильевич,
зав. кафедрой общих гуманитарных
и естественно-научных дисциплин
Национального института им. Екатерины Великой,
член-корреспондент Академии военных наук,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
кандидат исторических наук, профессор
gimiit@gimiit.ru*

Русская армия и военное искусство в Первой мировой войне/ Russian army and military art in The First World War

Аннотация

Статья посвящена столетию начала Первой мировой войны 1914-1918 гг. В статье рассматриваются стратегические планы основных участников войны, военные кампании, вопросы развития тактики и оперативного искусства армий противоборствующих сторон, а также особенности военного строительства в указанный период.

Ключевые слова

Стратегические планы; военные кампании; тактика и оперативное искусство; военное строительство; виды и рода войск.

Summary

The article is devoted to the centenary of the First World War of 1914-1918. This article discusses the strategic plans major participants in the war, military companies, development of tactics and operational art armies opposing sides, and also features military construction during this period.

Keywords

Strategic plans; military campaigns; tactics and operational art; military construction; kinds and types of troops.

Начало XX ст. Ознаменовалось целым рядом войн между ведущими мировыми державами. Особое место среди них занимает первая мировая война, в которой принимало участие 38 государств с населением 1,5 млрд. человек. В ходе войны произошло массовое уничтожение материальных ценностей, общая стоимость которых составила 58 млрд. рублей. Целые районы были превращены в пустыню. 9, 5 млн. человек было убито и умерло от ран, 20 млн. человек – ранено.

Одновременно война дала мощный толчок развитию вооружения и боевой техники, совершенствованию форм и способов вооруженной борьбы. Именно поэтому она продолжает привлекать внимание военных ученых, историков, изучается в военно-учебных заведениях.

1. Краткий обзор военных действий.

Поводом для развязывания войны послужило убийство 28 июня 1914 г. в Сараево (Босния) сербскими националистами наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Германия решила использовать этот случай для развязывания войны.

Под давлением Германии Австро-Венгрия 23 июля предъявила Сербии ультиматум и, несмотря на согласие сербского правительства выполнить почти все его требования, 28 июля объявило ей войну.

1 августа Германия после ультиматума прекратить мобилизацию объявила войну России, а 3 августа – Франции и Бельгии. На следующий день Германия объявила войну Великобритании. Позднее в вооруженную борьбу было вовлечено большинство стран мира. 4 государства воевало на стороне австро-венгерского блока (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция), 34 – на стороне Антанты (Россия, Великобритания и ее доминионы, Франция, США и др.).

Военные действия велись в Европе, Азии и Африке, на всех океанах и многих морях. Основные события происходили на сухопутных театрах: Западноевропейском, Восточноевропейском, Балканском, Итальянском, Ближневосточном, Закавказском, Африканском и Дальневосточном.

Каждая из сторон имела свой стратегический план. **Стратегический план Германии** был разработан начальником генерального штаба Шлиффеном. Основная идея плана заключалась в том, чтобы разгромить последовательно и быстро армии Франции

и России и тем самым избежать затяжной войны на два фронта. Для осуществления этого замысла намечалось первоначально сосредоточить главные силы (пять армий) в полосе голландской границы до крепости Мец, нанести внезапный удар через территорию Бельгии и Люксембурга, обойти с севера и разгромить французские армии, занять Париж и заставить Францию капитулировать.

Учитывая, что Россия при слабом развитии транспорта не сможет быстро осуществить мобилизационное развертывание, Шлиффен предложил в первый период войны прикрыть Восточную Пруссию силами одной армии, а после победы над Францией перебросить все силы с западного фронта на восток и разбить русские армии. Разгром Франции и России предполагалось осуществить в два-три месяца.

Стратегический план Франции (план № 17) был нерешительным и двойственным. Переход французской армии в наступление предусматривался лишь после того, как русские войска отвлекут на себя основные силы Германии. В случае нанесения Германией главного удара на Западе французская армия предполагала обороняться.

Стратегический план России (план А, если немцы главные усилия направят против Франции). Он предусматривал активные и решительные действия одновременно против Германии и Австро-Венгрии. Главный удар планировалось нанести по Австро-Венгрии в обход Карпат с запада. Для достижения намеченных целей создавались два фронта: Северо-Западный (две армии) и Юго-Западный (четыре армии). С началом войны в районе Варшавы формировалась 9-я армия с целью наступления на Берлин.

Русская армия должна была наступать на двух стратегических направлениях одновременно, что совершенно не соответствовало экономическим и военным возможностям страны.

Стратегический план Австро-Венгрии предусматривал решительные действия одновременно против Сербии и против России. Ему отводилась вспомогательная роль в реализации плана Шлиффена.

Стратегический план Англии своей основной целью ставил сохранение и упрочение господства на море. Для действий на суше предусматривалось направить во Францию одну экспедиционную армию (семь дивизий).

Общие недостатки планов воюющих сторон:

- * Не предусматривалась необходимость мобилизации промышленности;
- * Строились из расчета на короткую войну в несколько месяцев;
- * Развертывали свои силы в один стратегический эшелон.

В военно-исторической литературе отдельные авторы делят первую мировую войну на три периода: маневренный (1914-1915 гг.), позиционный (1915-1917 гг.) и завершающий (1918 г.). Однако чаще военные события Первой мировой войны принято рассматривать по кампаниям, ввиду того что стратегические планы и характер боевых действий воюющих сторон каждый год менялись. Всего в ходе войны было проведено пять кампаний – 1914, 1915, 1916, 1917 и 1918 гг.

Кампания 1914 г. На Западноевропейском театре военные действия начались вторжением германских войск в Люксембург и Бельгию. Навстречу им были выдвинуты три французские и одна британская армии. 21-25 августа произошло пограничное сражение, в котором участвовали 5 немецких и 4 союзные армии. Это сражение принесло победу германским войскам. Они сразу же развернули наступление на Париж. Здесь они встречали все более возрастающее сопротивление.

В сражении на р. Марне (5-12 сентября), которое по своему характеру являлось встречным, германские войска потерпели поражение и вынуждены были отойти за реки Эн и Уаза. Стремление противников охватить с севера открытые фланги друг друга привело к маневренным операциям, получившим название «Бег к морю». Войска обеих сторон вышли на побережье западнее Остенде. В середине ноября, полностью исчерпав свои наступательные возможности, обе стороны были вынуждены перейти к обороне. От швейцарской границы до Северного моря установился позиционный фронт протяженностью 720 км. Перед Германией встала сложная проблема ведения затяжной войны на два фронта.

Военные действия на Восточноевропейском театре вылились в четыре крупные стратегические операции: Восточнопрусскую (17 августа—14 сентября), Галицийскую (18 августа—21 сентября), Варшавско-Ивангородскую (28 сентября—8 ноября) и Лодзинскую (11 ноября—19 декабря).

О России, вступившей в войну, следует сказать особо. В 1914 г. власть тешила себя иллюзиями о единстве народа и царя. Неоспоримый факт – 96 % подлежащих призыву явились к воинским начальникам. Русский народ в порыве патриотизма пошел на войну!

Уже 10 августа Ставка приказывает командующему Северо-Западного фронта генералу Жилинскому подготовиться и перейти в «спокойное и планомерное наступление». 17 августа 1914 г. русская армия перешла германскую границу. Началась Восточнопрусская операция. План ее состоял в том, что 1-я армия Ренненкампа, наступая с востока, а 2-я армия Самсонова – с юга разбивают

8-ю немецкую армию Притвица и перехватывают пути ее отступления к Висле.

Уже 20 августа во встречном сражении 1-я русская армия одерживает значительную победу под Гумбиненом. В Германии шок! Но Жилинский и Ранненкампф жестоко ошибаются, не преследуют 8-ю армию немцев, надеются, что с ней справится Самсонов и уходят в направлении Кенигсберга. Воспользовавшись этим, противник оставил против 1-й армии небольшой заслон и всеми силами обрушился на 2-ю армию, угрожавшую ему ударом в тыл. В сражении, которое развернулось 26-31 августа в районе Мазурских озер под Танненбергом (бывший Грюнвальд, где в 1410 г. славяне разбили тевтонов), 2-я армия Самсонова терпит жесточайшее поражение. В плен попали командиры 15-го и 13-го корпусов, несколько генералов. Из 80 тыс. человек вышло лишь 20 тыс. Потери составили: 6 тыс. убитыми, 50 тыс. пленными. Потеряна почти вся артиллерия (до 200 орудий). Генерал Самсонов, подавленный этим поражением, застрелился.

Затем под ударами немцев отступила из Восточной Пруссии и 1-я армия. Тем не менее, данное наступление оказало серьезное влияние на ход и исход кампании 1914г.

Более успешными были действия Юго-Западного фронта в Галиции. Русские войска нанесли поражение австро-венгерской армии, овладели Галицией и вышли в предгорья Карпат. Интересным является тот факт, что обе стороны ставили перед собой решительные цели, причем каждая из них главный удар наносила своим левым флангом: русские – на Львов, противники – на Люблин. Поскольку противоборствующие стороны наступали навстречу друг другу, то их столкновение привело к встречным сражениям. В ходе Галицийской битвы противник потерпел поражение, он потерял 400 тыс. человек (в том числе 100 тыс. человек пленными) и 400 орудий. Русская армия сумела лишь вытеснить его из Галиции. Уничтожить австро-венгерскую армию не удалось. В ходе Галицийской битвы русский Юго-Западный фронт продвинулся на глубину до 300 км. Темп наступления – 8-9 км в сутки. Потери – 230 тыс. человек.

Таким образом, характерной чертой кампании 1914 г. явились маневренные боевые действия. Они отличались:

- * большим размахом;
- * решительностью целей и способов их достижения;
- * участием в них огромных сил;
- * значительными потерями кадровых армий;
- * крахом исходных стратегических планов противников.

Кампания 1915 г. Англо-французское командование решило перейти на своем ТВД к обороне с целью выиграть время для накопления материальных ресурсов и подготовки людских резервов.

Германское командование решило сосредоточить главные усилия на Восточном фронте, разгромить русскую армию и вывести Россию из войны. На Западном фронте планировалась оборона.

Летом 1915 г. германское командование, создав крупную ударную группировку, осуществило прорыв русского фронта под Горлицей. Вскоре оно развернуло наступательные операции в Прибалтике. Русское командование, перейдя к стратегической обороне, сумело вывести свои армии из под удара врага. В историю это вошло как «великое отступление» русской армии. В октябре фронт стабилизировался на линии Рига, р. Зап. Двина, Двинск, Сморгонь, Барановичи, Дубно, р. Стрыпа.

Таким образом, кампания 1915 г. не выявила решающего перевеса ни одной из воюющих сторон. В конце кампании военные действия окончательно зашли в позиционный тупик. Начались усиленные поиски способов прорыва позиционной обороны.

Кампания 1916 г. В основу операций 1916 г. армиями центральных держав был положен план генерала Э. Фалькенгайна, по которому основные усилия намечалось вновь направить против Франции. Главный удар предполагалось нанести в районе Вердена. Прорыв на этом направлении создавал угрозу всему северному крылу армий союзников. Страны Антанты рассчитывали вести наступление также на Восточноевропейском и Итальянском театрах. План союзников явился первой попыткой координации действий войск на различных фронтах. Срок перехода в общее наступление был намечен на лето 1916г.

Германское командование предприняло Верденскую операцию (21 февраля—18 декабря 1916 г.). Ожесточенные бои, в которых обе стороны несли большие потери, окончились безрезультатно. Немцы затратили большие усилия, но прорвать оборону не смогли. Они потеряли 600 тыс. чел., союзники – 358 тыс.

Кроме того, в кампании 1916 г. выделяются операция англо-французских войск на р. Сомма (1 июля—18 ноября) и наступление русского Юго-Западного фронта (лето 1916 г.), вошедшее в историю под названием «Брусилловский прорыв», в которых была решена проблема прорыва позиционной обороны противника.

В целом в кампании 1916 г. ни одна из сторон не смогла выполнить свои стратегические планы. В более благоприятном положении оказалась Антанта. Германия же утратила стратегическую инициативу.

Кампании 1917–1918 гг. Они готовились и протекали в обстановке роста антивоенных настроений. В начале 1918 г. из войны вышла Россия.

Летом и осенью 1917 г. союзные войска провели ряд операций, среди которых наибольший интерес с точки зрения военного искусства представляет операция у Камбре (20 ноября–6 декабря), осуществленная 3-й английской армией.

Особенно большим напряжением отличалась кампания 1918 г. Она продолжалась с 21 марта по 11 ноября и характеризовалась массовым применением танков, химических войск и авиации. Германские самолеты бомбили Париж и Лондон.

Несмотря на отчаянные усилия, к осени 1918 г. центральные государства потерпели поражение на всех фронтах. Германия признала себя побежденной и 11 ноября 1918 г. подписала капитуляцию.

2. Развитие искусства наступления и обороны.

Прежде чем приступить к рассмотрению очередной проблемы зададимся вопросом. Насколько эффективно воевала русская армия в период первой мировой войны? Факты говорят следующее. Русская армия потеряла за период войны убитыми, умершими от ран и не вернувшимися из плена 1,4 млн. человек. Это менее 10% от мобилизованных (15,8 млн. человек) и менее 1% от всего населения (180,6 млн.). Германия потеряла 1,8 млн. человек - это 2,3% от населения. Австро-Венгрия - 0,9 млн. человек - это 2% от населения. На русском фронте немцы и австро-венгры потеряли 1,1 млн. человек. Таким образом, потери были примерно один к одному. И это при значительном отставании русской армии в техническом обеспечении.

В годы Первой мировой войны противоборствующие стороны искали новые приемы и способы оперативных и тактических действий. Основными этапами этих поисков были операции в Шампани и Артуа (1915 г.), операция на р. Сомме (1916 г.), наступление русского Юго-Западного фронта (1916 г.), операции на р. Эн и у Камбре (1917 г.) и др.

Развитие оперативного искусства и тактики определялось борьбой между наступлением и обороной. Основной проблемой, которую решало наступление, был прорыв тактической зоны обороны и дальнейшее развитие тактического успеха в оперативный. Главной проблемой обороны было не допустить продвижение наступающих войск противника и удержать занимаемые позиции.

В рамках второго вопроса мы рассмотрим два блока:

- а). Характерные черты наступления;
- б). Характерные черты обороны.

а). Характерные черты наступления

В области оперативного искусства. В кампании 1914 г. на Западном фронте и в кампаниях 1914-1915 гг. на Восточном фронте большое распространение получили наступательные операции, которые характеризовались широкими маневренными действиями. Они велись в целях разгрома противостоящих группировок противника путем охвата или обхода их флангов. Однако ни одной из сторон не удалось осуществить подобный маневр в оперативно-стратегическом масштабе. Причина заключалась в том, что создаваемое в начале операции на направлении главного удара превосходство в силах и средствах в последующем не поддерживалось, а сила удара не наращивалась. В результате наступательные операции обычно затухали, не достигнув намеченных целей. Противник не уничтожался, а лишь вытеснялся из того или иного района.

Операции отличались значительным размахом. Так, фронт обычно наступал в полосе 180-400 км. Глубина фронтовой операции достигала 60-400 км, продолжительность – от 8 суток до 1,5 месяца. Средний темп наступления составлял 5-13 км в сутки. Средние оперативные плотности в этих операциях достигали 3-8 км на дивизию, а артиллерийские плотности не превышали 20-25 орудий на 1 км фронта наступления.

Начало первой мировой войны ознаменовалось целым рядом встречных сражения. Боевые действия начинались, как правило, непосредственно с марша. Новым в организации и ведении встречных сражений в годы первой мировой войны явилось стремление обеих сторон к широкому маневру силами и средствами в целях нанесения решительного удара во фланг и тыл противнику.

Более характерными для первой мировой войны были операции по прорыву позиционной обороны. Начиная с 1915 г. прорыв позиционной обороны становится основной проблемой военного искусства. Однако при разработке плана операции детально разрабатывался только период прорыва. Развитие успеха намечалось лишь в общем виде.

Формы операций по прорыву позиционной обороны:

- * нанесение удара на одном узком участке шириной 12-15 км (Верден, Камбре);
- * нанесение удара на одном широком участке фронта протяженностью 40-90 км (Сомма, апрельское наступление союзников в 1917 г., немецкое наступление на Марне в 1918 г.);

- * нанесение нескольких одновременных дробящих ударов на широком фронте (Брусиловский прорыв 1916 г.);
- * нанесение нескольких последовательных ударов на широком фронте (общее наступление союзников в 1918 г.).

Особый интерес для нас представляет наступление русского Юго-Западного фронта (Брусиловский прорыв).

После поражений 1915 г. русское командование планировало нанести ответный удар центральным государствам в начале лета 1916 г. Главная задача возлагалась на Западный фронт, который должен был перейти в наступление 15 июня. Однако обстановка на Западе (бои за Верден и в особенности поражения итальянцев) требовала более быстрых и решительных действий. Генерал Алексеев обратился к командующим фронтами с просьбой ускорить подготовку наступления. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов согласился начать наступление 4 июня 1916 г. По мнению Николая II это было «изолированное наступление» для помощи итальянцам.

Не обладая существенным превосходством над противником в силах и средствах, генерал Брусилов решил достигнуть успеха следующим образом:

- тщательной подготовкой наступления;
- массированием сил и средств на избранных участках прорыва;
- внезапностью удара.

Главный удар наносился на правом крыле фронта силами 8-й армии в общем направлении на Луцк. Участок прорыва 8-й армии составлял 21 км. Направления ударов остальных армий определяли сами командующие этих армий. Они прорывали оборону врага на участках 7-11 км. Кроме того, каждый корпус, если он не использовался на направлении главного удара армии, имел самостоятельный участок прорыва. Таким образом, фронт прорывал оборону противника по всей 450-километровой полосе на 13 участках (4 армейских и 9 корпусных). Средние тактические плотности на участках прорыва составляли 3-6 батальонов и 15-20 орудий на 1 км фронта. На направлении главного удара фронта плотности артиллерии достигали 40-50 орудий на 1 км фронта.

В итоге сложилась совершенно новая форма прорыва позиционного фронта противника, которая заключалась в нанесении одновременных дробящих ударов на нескольких направлениях.

Наибольший успех был достигнут на направлении главного удара фронта. За три дня наступления войска 8-й армии прорвали

вражескую оборону на фронте 80 км и продвинулись на глубину 25-35 км овладев Луцком.

Особо следует отметить газовую атаку, проведенную в полосе Юго-Западного фронта. В боях на подступах к г. Станиславу русские войска были остановлены контратакой. Воспрянувшие духом австрийцы всю ночь вели беспокоящий огонь. С утра 12 батарей (72 орудия) 74-й русской пехотной дивизии и 3-й Заамурской бригады открыли частую стрельбу химическими снарядами. Потрясающий эффект – пехота противника бежала, артиллерийская прислуга бросила даже тяжелые орудия. Полевой генерал-инспектор сообщал с Юго-Западного фронта: результаты применения химических снарядов вполне удовлетворительные. Брусиловский прорыв стимулировал их производство. Ежемесячно на фронт отправлялось по 150 тыс. таких снарядов.

В ходе наступательной операции Юго-Западного фронта, продолжавшейся три месяца, русские войска продвинулись на глубину 80-120 км. Противник потерял до 1,5 млн. человек, в том числе около 420 тыс. человек пленными, около 600 орудий. Потери русских войск составили 500 тыс. человек.

Успехи фронта в наступлении достигнуты благодаря:

- * одновременному и дробящему удару на ряде участков прорыва;
- * массированию сил и средств на участках прорыва;
- * внезапности и взаимодействию родов войск;
- * впервые примененному русскими артиллеристами методу поддержки атаки пехоты огневым валом (чаще атаку поддерживали последовательным сосредоточением огня);
- * эффективному использованию авиации (впервые сформирована фронтовая истребительная авиагруппа);
- * созданию инженерными войсками штурмовых плацдармов и др.

Таким образом, к концу войны проблема прорыва позиционной обороны на тактическую глубину была решена. После этого сразу же возникла другая проблема – развитие тактического успеха в оперативный. Решить ее не удалось.

В ходе войны определенное развитие получили оперативные резервы. В 1916 г. в построении армий появляется второй эшелон. Так, в операции на Сомме второй эшелон 6-й французской армии составляли два корпуса (пехотный и кавалерийский). В русской армии оперативное построение оставалось одноэшелонным, но резервы стали более сильными. Кроме того, характерной чертой

является то, что резервы и вторые эшелоны приближаются к переднему краю.

В области тактики. Способы ведения наступательного боя в годы первой мировой войны изменились коренным образом.

В 1914 г. боевой порядок пехоты в наступлении состоял из боевых участков и резервов. Боевой участок представлял собой одну густую стрелковую цепь (интервалы между солдатами – 1-2 шага). В цепь рассыпались передовые роты. За ними в расчлененных строях двигались ротные поддержки, батальонные, полковые и бригадные резервы. Наступление пехоты представляло собой сочетание движения с огнем. Русская дивизия наступала в полосе 6-9 км, у союзников – в полосе 3-5 км. Следовательно, основой боевого порядка служила стрелковая цепь.

В кампании 1915 г. сложилась новая форма боевого порядка – волны цепей. Каждая последующая цепь предназначалась для усиления впереди идущей. Непосредственно за цепями следовали резервы. Впереди полка шли разведчики, а за ними – «чистильщики окопов». Передовая стрелковая цепь в первой траншее не задерживалась. Задачи частей и соединений по сравнению с началом войны уменьшились более чем в два раза.

В кампании 1916 г. боевые порядки в наступлении стали эшелонироваться в глубину. В их составе появились такие новые элементы, как штурмовые группы, артиллерия сопровождения, танки. Задача штурмовых групп заключалась в разрушении уцелевших после артподготовки заграждений противника, разведке результатов артподготовки и обеспечении наступления главных сил. В ходе боя первая волна занимала окопы противника, вторая предназначалась для восполнения потерь, а третья закрепляла достигнутый успех. Особенность в построении боевого порядка русской пехоты в наступлении состояла в том, что дистанция между первыми двумя волнами цепей была увеличена до 200 м, а интервалы между солдатами в цепи – до 5-7 шагов. Глубина боевых порядков в русской армии в 1916 г. возросла и составляла: батальона – 200 м, полка – до 700 м и дивизии – до 1,5 км.

Массовое применение легких орудий сопровождения пехоты, ручных пулеметов, танков и др. привело к стихийному зарождению новой формы боевого порядка – группового. Основой боевого порядка в наступлении (начиная с 1917 г. – сражение у Камбре) становится боевая группа пехоты в составе отделение-взвод, построенная в змейку или в колонну по одному. Боевая группа наступала при поддержке танка, легкого артиллерийского орудия или пулемета.

Положительные стороны группового боевого порядка:

- * позволял осуществлять маневр на поле боя;
- * обеспечивал наилучшее взаимодействие с поддерживающими средствами;
- * давал возможность наступать в более высоких темпах;
- * позволял резко сократить потери в живой силе.

Переход к групповому боевому порядку, а также дальнейшее насыщение армий различными видами новейшего оружия и боевой техники привело к складыванию основ тактики общевойскового боя. Это стало новым шагом вперед в развитии тактики наступательного боя.

б). Характерные черты обороны

В области оперативного искусства. Большое развитие в первую мировую войну получили способы подготовки и ведения оборонительных операций. Кампания 1914 г. показала, что оборона, основанная на удержании крепостей, не может достигнуть поставленных перед ней целей. С началом войны на крепости была возложена задача прикрыть сосредоточение и развертывание главных сил, удерживать объекты оперативно-стратегического значения и облегчить действия полевых армий.

Война скоро показала, что время крепостей прошло. В начале войны немцы обошли бельгийские крепости, осадили их и продолжали наступление вперед. Такое же положение было и с французскими крепостями в Северо-Восточной Франции. На Восточном фронте русские войска также обошли сильную австрийскую крепость Перемышль. Блокированные противником, широко применявшим для овладения крепостями тяжелую артиллерию, не поддержанные полевыми армиями, они быстро прекратили борьбу. В связи с этим с конца 1914 г. все шире стала применяться полевая оборона, основу которой составляла система траншей и позиций. В кампании 1915 г. впервые была применена оборона, сочетавшая долговременные и полевые укрепления. Этим было положено начало созданию укрепленных районов. Высокую устойчивость такой обороны подтвердил опыт обороны русскими войсками крепости Осовец в 1915 г. и французами Вердена в 1916 г.

У Осовца немцы столкнулись с глубоким построением обороны: за предпольем следовали три оборонительные позиции. Первая – на расстоянии около 10 км от крепости. Вторая – в 4-5 км от Осовца. Дальше этой позиции немцы не прошли. Осовец упорно стоял более полугода.

В конце 1914 г. на Западе и в конце 1915 г. на Востоке воюющие стороны перешли к жесткой позиционной обороне.

Причины образования сплошных позиционных фронтов:

- * появление на полях сражений многомиллионных армий и их развертывание на фронтах громадной протяженности без интервалов;
- * ослабление и истощение армий в начальных операциях;
- * влияние на способы боевых действий новых средств борьбы и защиты: пулеметов, скорострельных пушек, железобетонных сооружений и различного рода заграждений.

Развитие обороны в годы войны шло в следующих направлениях:

- * возрастание глубины и эшелонирование оперативного построения;
- * совершенствование инженерного оборудования местности;
- * улучшение и усиление системы огня;
- * возрастание роли маневра силами и средствами;
- * применение контрударов в целях восстановления утраченного положения.

С 1917 г. стала применяться и так называемая «эластичная оборона». Сущность такой обороны заключалась в предоставлении права войскам оставлять на первых позициях только передовые части, а главные силы отводить в глубину. Проведя артиллерийскую подготовку по пустому месту, противник занимал оставленные позиции. После этого обороняющаяся сторона наносила сильный контрудар и восстанавливала первоначальное положение.

Примером эластичной обороны у немцев может служить оборона у Камбре в ноябре 1917 г., во время которой немецкие войска, отойдя в глубь своей обороны, перегруппировали силы и последующим контрударом отбросили англичан почти в исходное положение. Характерным примером такой обороны у французов явилось оставление 4-й армией зоны предполья (15 июля 1918 г.) в районе Реймса перед началом артиллерийской подготовки. Это позволило французам остановить наступление немцев.

Глубина оперативной обороны на протяжении всей войны ограничивалась тактической зоной, занимаемой корпусами первого эшелона армии. Оперативные резервы размещались в глубине и предназначались для нанесения контрударов.

В области тактики. Существенное развитие в годы первой мировой войны получила тактика оборонительного боя. К началу войны ни одна из армий не имела стройной теории его организации и ведения. Обороняться никто не собирался. Но уже в 1914 г. при переходе к обороне войска создавали линию групповых стрелковых окопов или

отдельных опорных пунктов. С этих опорных пунктов возможно было простреливать огнем стрелкового оружия промежутки в 1-1,2 км. Наступление противника обороняющиеся отражали ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Это была очаговая оборона. Ее основу составлял огонь стрелкового оружия, она не имела глубины и не отличалась устойчивостью.

С осени 1914 г. на Западном фронте переходят к траншейной обороне. В траншее находилось максимальное число солдат, поскольку пулеметов было не достаточно и создать плотный огонь можно было только таким способом. Для размещения резервов создавали вторую и третью траншеи. Расстояние между траншеями – 100-150 м. Три траншеи образовывали позицию. Впервые такие позиции появились в сентябре 1914 г. на Западном фронте. С 1915 г. создается вторая позиция. На ней размещались дивизионные резервы.

Особенности развития обороны всех воюющих сторон в 1915 г.:

- увеличение ее глубины;
- повсеместный переход к траншеям полного профиля;
- широкое развитие системы ходов сообщения;
- применение проволочных заграждений.

По своему назначению такая оборона являлась противопехотной и противоартиллерийской.

В кампании 1916 г. полоса обороны дивизии сужается до 8-10 км. Войска, занимавшие оборону, перешли от равномерного распределения сил и средств по фронту к созданию на угрожаемых участках сильных узлов сопротивления и опорных пунктов, приспособленных к круговой обороне. Опорные пункты создавались в шахматном порядке. Промежутки между опорными пунктами прикрывались ружейно-пулеметным огнем. В целях защиты обороняющихся войск от ударов противника с воздуха и от действия химических средств начали создавать специальные укрытия и убежища. С этого времени оборона становится противовоздушной и противохимической.

С 1917 г. немцы начали создавать передовую зону обороны (предполье) глубиной до 1 км. Французы в 1918 г. увеличили глубину предполья (полосы обеспечения) до 3 км. Общая глубина французской обороны возросла до 10-20 км. Одновременно ширина полосы обороны дивизии сократилась до 4-6 км. Предполье занимали части прикрытия, главную полосу – дивизии первого эшелона корпуса, а вторую полосу – резерв или второй эшелон корпуса.

В конце войны произошли серьезные изменения в способах ведения обороны. С этого времени стали допускаться временная

утрата одной или нескольких позиций и перенесение борьбы в глубину обороны. В связи с широким применением в ходе обороны контратак, она становится все более активной и устойчивой. Для отражения танковых атак широко привлекалась артиллерия (включая и зенитную), возводились противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы. Кроме того, появились противотанковые мины. Оборона приобретает новые качества. Она становится противопехотной, противоартиллерийской, противотанковой, противовоздушной и противохимической.

Итак, мы рассмотрели основные проблемы развития оперативного искусства и тактики в годы первой мировой войны. Этими проблемами не исчерпывается многообразие всех сторон военного искусства на оперативном и тактическом уровне. Первая мировая война дала серьезный толчок для совершенствования боевого применения родов войск, особенно новых - танковых, химических, авиации, автомобильных войск и др.

3. Совершенствование родов войск и их применение

В ходе Первой мировой войны развивались старые рода войск и создавались новые. Огневая мощь пехоты за это время возросла в 2,5-3 раза. Число пулеметов во французской армии увеличилось в 20 раз, в германской - в 9 раз, в русской - в 6 раз. Заново были созданы такие рода войск и средства борьбы, как авиация, танки и военная химия. За время войны Россия, Германия, Франция, Англия и Италия произвели 112,7 тыс. орудий, 248,5 тыс. пулеметов, 14,5 млн. винтовок, 526 млн. снарядов, 23,5 млрд. патронов для винтовок и пулеметов, 109 тыс. самолетов, 152,2 тыс. авиамоторов, 8118 танков.

Техническая оснащенность воюющих армий возросла значительно. Сильно возрос и расход боевых средств. Особенно сильно увеличился расход артиллерийских снарядов. Довоенные расчеты генеральных штабов оказались совершенно нереальными. Недостаточным был комплект мобилизационных запасов снарядов и в русской армии. Русское военное ведомство установило норму снарядов на орудие в 1000 выстрелов, но к началу войны на орудие имелось лишь 850 выстрелов. Именно поэтому русская армия уже в начале войны ощущает недостаток в снарядах. К маю 1915 г. этот недостаток стал катастрофическим: 10 снарядов на батарею на день боя. Не хватало снарядов и во всех других армиях.

Были случаи, когда солдаты шли в бой без винтовок. Имели место и курьезы. Так, в августе 1915 г. из штаба Юго-Западного фронта в 9-ю армию поступила телеграмма, в которой предла-

галось вооружить часть пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки. Предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии. Естественно, что такое фантастичное и глупое распоряжение не было выполнено. Попытка ввести таких «алебардистов» лишь характеризует то отчаяние в котором находилась в это время русская армия.

Пехота. Усовершенствования, произведенные в период первой мировой войны в пехотном вооружении и снаряжении, значительно усилили ее. Кроме того, важные изменения претерпели организация пехоты и ее боевое применение на поле боя. В годы Первой мировой войны она продолжала оставаться основным родом войск. С оснащением пехотных частей пулеметами, гранатами и легкой артиллерией она добилась значительной самостоятельности и стала способна собственными средствами осуществлять сложные задачи боя.

Основные направления усовершенствования пехотных частей:

а). Совершенствование пехотного вооружения:

- с 1916 г. на вооружение поступили легкие пулеметы: во французском батальоне – 24, в немецком – 12; с 1918 г. во французском батальоне – 36, а в немецком – до 32.
- в пехотных батальонах были приняты на вооружение малокалиберные пушки и минометы, в германской армии, кроме того, и противотанковые ружья.
- пехотинец в ходе войны получил стальной шлем, противогаз, ручные и ружейные гранаты.

б). Сокращение количества личного состава примерно на 30%. Процент пехоты в общем составе вооруженных сил воюющих сторон также заметно сократился. К примеру, в России удельный вес пехоты уменьшился с 75% в 1914 г. до 60% в 1917 г. Еще более значительная динамика в сокращении доли пехотных частей наблюдалась в немецкой и французской армиях.

в). Возрастание огневой мощи по сравнению с началом войны в два раза.

г). Значительные организационные изменения.

• В начале войны пехотные батальоны всех воюющих стран были четырехротного состава, солдаты имели магазинную винтовку, а в каждой роте насчитывалось – 200-250 человек.

• Батальоны объединялись в полки, которые насчитывали в своем составе до 4 тыс. человек. Пехотные дивизии состояли из 3-4 полков и соответственно имели 12-16 батальонов.

• В результате насыщения пехоты техникой и новым вооружением с 1916 г. число пехотных батальонов в дивизиях сократили

до 9. В русской армии дивизия до конца войны насчитывала 16 пехотных батальонов.

В начале 1918 г. пехота имела следующие организационные формы: немецкая и французская дивизии насчитывали по три полка, а каждый полк имел по три батальона; английская дивизия состояла из трех бригад, а в свою очередь бригады – по три батальона.

Артиллерия. В ходе битв Первой мировой войны артиллерия заслуженно стала именоваться «царицей сражений». Об этом красноречиво говорит следующий факт: в русско-японскую войну от огня артиллерии противники имели 14% от общих потерь, а в Первую мировую эта цифра увеличилась до 75%.

В первоначальный период Первой мировой войны артиллерии были присущи существенные недостатки. Так, во всех армиях, кроме немецкой, ощущался недостаток тяжелой артиллерии. Артиллерия по ряду причин была неспособна к быстрому маневрированию на поле боя и не всегда обеспечивала наступающих пехотинцев своим огнем. Повсеместно отмечалось плохое взаимодействие с пехотой.

В ходе войны непрерывно возрастал удельный вес артиллерии. Например, во французской армии он достигал в конце войны 35,7% против 18,1% в 1915 г. К 1914 г. армии Франции, Германии, Англии, Италии, США и России имели 24,8 тыс. орудий, а к концу войны – более 84,8 тыс. К концу войны артиллерия располагала большим числом тяжелых и дальнобойных орудий, минометов, обладавших сильным фугасным действием.

С переходом к позиционным формам войны в области артиллерии сделано следующее:

1. Введена артиллерийская подготовка наступления. При ней артиллерия своим огнем проделывала проходы в проволочных заграждениях, разрушала окопы и ходы сообщения, а также подавляла огонь обороняющихся.

2. Росло количество тяжелой артиллерии.

3. Значительно увеличилась дальнобойность артиллерии. Появились первые образцы с дальностью стрельбы до 120 км. Такой артиллерией немцы обстреливали Париж.

4. Для ускоренной передислокации тяжелых образцов артиллерии использовались тракторы и железнодорожные платформы.

5. Усовершенствовалась поддержка пехоты огнем артиллерии. Здесь важным является следующее:

- в целях отражения атаки пехоты противника появился заградительный огонь;

- при Брусилловском прорыве русские артиллеристы для сопровождения атаки пехоты в глубине обороны противника применили метод массированного огня артиллерии в виде последовательного сосредоточения огня и артиллерийского огневого вала. С 1918 г. используется и двойной артиллерийский вал.

6. Выработались виды ответного огня (контрподготовка) и заградительного огня по артиллерии противника и по тылу.

7. В целях маневрирования крупными массами артиллерии и ее массированного использования создаются артиллерийские резервы главного командования (АРГК), а в России они получили название тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН).

8. Для борьбы с самолетами противника появляется зенитная артиллерия. Так, в 1917 г. в русской армии для борьбы с самолетами использовались несколько автоматических 40-мм зенитных пушек. Скорострельные зенитные орудия оказались пригодными и для борьбы с танками. Во время операции у Камбре против английских танков немцы применили свою зенитную артиллерию.

В ходе операций первой мировой войны удельный вес артиллерии в составе вооруженных сил возрос более чем в 1,5 раза.

Танки. В течение Первой мировой войны танковые войска превратились в самостоятельный род войск. Первое же применение танков произошло на р. Сомме в сентябре 1916г. Однако эффект от их применения был незначителен. Наиболее успешным было применение танков англичанами в операции у Камбре, которая дала положительный опыт их боевого применения.

В течение первой мировой войны танковые части росли количественно и качественно. К концу войны в армиях Антанты их насчитывалось около 5 тыс. штук. Причем, дальность действия этих танков составляла 100-150 км, а скорость достигала 12 км в час. Немцы танков практически не имели. Однако союзники не сумели найти эффективные формы применения танков. Командование Антанты ограничивалось для танковых частей лишь тактическими задачами. И все же в ходе войны танки оправдали свое назначение.

Эволюция танков шла не в сторону усиления броневой защиты и огневой мощи, а, прежде всего, в сторону улучшения ходовых свойств. В первой мировой войне лучшим танком был не тот, который обладал лучшим вооружением и броней, а тот, который мог наилучшим образом приблизиться к противнику.

Слабые места в применении танковых частей:

- танковая атака была безрезультатной, если ее не сопровождала пехота, в задачу которой входило закрепление на захваченных участках;
- танки часто использовались мелкими группами и их не массировали на направлении главного удара;
- на танки не опирались как на средство оперативного воздействия.

Положительное в использовании танков:

- применение танковых частей привело к появлению нового боевого порядка пехоты – группового боевого порядка;
- при появлении на поле боя танков появилась возможность начинать атаку без артиллерийской подготовки;
- танки успешно проделывали проходы в искусственных препятствиях;
- они успешно обеспечивали поддержку пехоте.

Кроме танков в годы Первой мировой войны (особенно в ее позиционный период) широкое применение получили броневые автомобили и бронепоезда. Броневые автомобили делились на пушечные и пулеметные. Пушечный броневый автомобиль был вооружен 37 и 76-мм пушкой и развивал скорость от 15 до 25 км в час. Пулеметный броневый автомобиль имел на вооружении два тяжелых пулемета и был более подвижен. Действовали броневые автомобили самостоятельно, в группах и совместно с кавалерией.

Кавалерия. Сражения Первой мировой войны показали, что кавалерия как род войск себя исчерпала. Ее численность в вооруженных силах уменьшилась в 2-3 раза. К примеру, немцы в 1918 г. на Западном фронте не имели ни одной кавалерийской дивизии. Все германские кавалерийские соединения были переброшены на Украину. Прежде всего, это было связано с увеличением силы огня на поле боя. В позиционный период войны ее спешили и посадили в окопы. Боевое применение кавалерии ограничивалось лишь ведением разведки. В отдельных случаях она использовалась для преследования противника, но только исключительно в тактическом масштабе.

О неэффективности применения и слабости кавалерии периода первой мировой войны говорит такой пример. В операции у Камбре кавалерийский корпус (2-й эшелон армии) не смог преодолеть изрытое воронками, траншеями и остатками проволочных заграждений поле боя и развить достигнутый успех.

Авиация. В начале войны авиация входила в состав инженерных войск и самостоятельного значения не имела. Ее применение огра-

ничивалось лишь выполнением разведывательных задач. Только с 1916 г. авиация выделилась в самостоятельный род войск. В это время происходит разделение ее на истребительную, бомбардировочную и разведывательную.

С накоплением опыта организации и ведения боевых действий складывались основные принципы боевого применения авиации. К ним относились: сосредоточение усилий на главном направлении; массированное применение авиации при решении боевых задач; внезапность ее действий; непрерывность воздействия на противника; взаимодействие авиации с сухопутными войсками, силами флота и между ее родами; надежное и действенное управление силами авиации; всестороннее обеспечение ее действий.

В начале войны задачи воздушной разведки выполнялись одиночными экипажами с высот, обеспечивавших защиту от поражения огнем наземных войск: 300–700 м. Позднее высота разведки поднялась до 2–3, а затем и 5 км. Ее стали вести не только одиночные самолеты, но и пары: пока один экипаж вел разведку, другой его прикрывал.

С созданием бомбардировочных авиационных подразделений и частей бомбардировка войск и объектов стала производиться систематически. Для увеличения мощи воздействия на противника перешли от одиночного бомбометания к групповому. В ходе войны зародились два способа боевых действий бомбардировочной авиации: эшелонированные действия и сосредоточенные удары. Так, еще в ноябре 1914 г. русская авиация бомбардировала крепость Перемышль по особому плану, предусматривающему использование обоих способов.

С 1915 г. положено начало тактике истребительной авиации. В годы первой мировой войны основными способами боевых действий истребительной авиации явились: при прикрытии войск и объектов – перехват самолетов противника из положения «дежурство на аэродроме» или «дежурство в воздухе» и свободные полеты с целью поиска и уничтожения самолетов противника. Кроме самолетов в войне нашли большое применение управляемые аэростаты различных систем, а также привязные аэростаты.

Химические войска. Первая мировая война положила начало применению химического оружия. Впервые отравляющие вещества применили немцы у Ипра 22 апреля 1915 г. Это была газобаллонная атака с использованием отравляющего вещества – хлора. В результате первой в истории войн химической атаки были отравлены газами 15 тыс. человек. Из них 5 тыс. человек умерли.

В 1915 г. отравляющие вещества применялись в газообразном состоянии методом выпуска газов из баллонов, а затем из газометов. С 1916 г. химическую начинку стали применять в артиллерийских снарядах. Один химический снаряд, снаряженный ипритом, был в 5 раз эффективнее шрапнельного снаряда. Такой способ химической атаки стал преобладающим. Во время артиллерийских подготовок выбрасывались десятки тысяч химических снарядов. Так, в мартовском наступлении 1918 г. немецкая артиллерия только против англичан выбросила до 250 тыс. снарядов с «желтым крестом» (осколочно-химические). Расход химических снарядов достигал 30% всех снарядов, потребляемых артиллерией во время артподготовки.

Для использования отравляющих веществ на поле боя первоначально создавались специальные химические команды и группы. Позднее происходит развертывание химических частей и создаются химические полки и даже бригады.

Автомобильные войска. Автомобильные войска и автомобильная служба сложились в ходе Первой мировой войны. Первоначально они назывались транспортными войсками. Наиболее крупные автоперевозки войск и грузов были произведены в 1916 г. французами в период сражения у Вердена. Здесь было задействовано 6000 автомобилей, которые с 27 февраля по 6 марта доставили в Верден 190 тыс. французских солдат и офицеров, а также 25 тыс. т военных грузов.

Наиболее эффективно применялись автомобильные войска Антантой в 1918 г.

В России первые автороты появились в 1910 г., однако существенного развития в период первой мировой войны они не получили.

Инженерные войска. В годы войны инженерные войска получили заметное развитие. Удельный вес инженерных войск возрос в 1,5–2 раза.

Русская армия имела один саперный батальон на корпус. Из четырех рот батальона одна была телеграфная. В конце 1916 г. при русском корпусе создается инженерный полк из двух батальонов – саперного и технического. Саперный батальон имел две саперные роты и одну дорожно-мостовую, в свою очередь технический батальон – две телеграфные роты и одну прожекторную. Кроме того, в полку имелся полевой инженерный парк.

В ходе войны инженерные войска решали следующие задачи: разрушение оборонительных сооружений противника; производство дорожно-мостовых работ; создание различного рода заграждений; проделывание проходов в заграждениях противника; обуру-

дование исходного рубежа для наступления; ведение инженерной разведки; маскировка войск и объектов тыла.

По мере появления новых технических специальностей, независимо от их характера и значения, их включали в состав инженерных войск. Позднее по мере развития из состава инженерных войск выделились войска связи, железнодорожные, автомобильные, броневые, воздухоплавательные и авиационные части.

Кроме названных родов войск, широкое развитие в годы первой мировой войны получают войска связи и войска противовоздушной обороны. Наибольшего успеха добились технические виды связи – телеграф, телефон и радио. Радиосвязь начинает использоваться и в бою. Основными средствами ПВО являлись зенитная артиллерия и истребительная авиация. Широко применялись зенитные прожекторы и аэростаты заграждения.

Таким образом, рода войск, специальные войска и их способы боевого применения в годы первой мировой войны получили дальнейшее развитие.

Выводы:

1. Первая мировая война 1914–1918 гг. носила на себе отпечаток всех тех громадных социально-экономических и политических изменений, которые происходили в мире в начале XX века.

В ней особенно рельефно нашло отражение действие основного закона развития военного искусства – его зависимость от способа производства, а также влияние на способы и формы вооруженной борьбы основных факторов – вооружения и солдатского материала.

2. Первая мировая война явилась важнейшим этапом в развитии военного искусства.

Вместе с тем война поставила перед военным искусством целый ряд проблем, которые не были решены в те годы военными деятелями и теоретиками. Эти проблемы были решены теоретически и практически в 20–30-е годы и особенно в годы второй мировой войны.

Библиография

1. Верховский Д.В. Первая мировая война 1914 – 1918 гг. – М.:Воениздат, 1954.

2. История военного искусства: - М.: Воениздат, 1984. – С. 33-57.

3. История военного искусства: В 8 т. - Т. 3. Военное искусство эпохи империализма.- М.: ВАФ, 1956.

4. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны.– М.: Наука, 1976.
5. Строков А.А. История военного искусства. - М.: Воениздат, 1967.
6. Фролов Б. П. Развитие военного искусства в Первой мировой войне (1914-1918 гг.): Учебное пособие. - М.: ВАФ, 1979.
7. Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – М.: Просвещение, 1994.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

*МАЙОРОВ Роман Николаевич,
соискатель кафедры истории
и теории политики факультета
политологии МГУ им. М.В. Ломоносова
rnmayorov@gmail.com*

Изменение институционального статуса политической теории как субдисциплины в конце XIX – начале XXI вв. в американской политологии/ Political Theory as a Subfield of American Political Science: Changes Since the Late XIX to the Present Day

Аннотация

Статья посвящена становлению политической теории в качестве субдисциплины в американской политологии. Автором выделены ключевые этапы этого процесса, рассмотрены основные проблемы, определявшие характер отношений политической теории и политической науки в США с конца XIX в. по настоящее время.

Ключевые слова

Политическая теория; субдисциплина; американская политология.

Annotation

The article is devoted to the development of political theory as a subfield of American political science. The author distinguishes the periods of this process and highlights the main problems which determined the relations between political theory and political science in the USA as of the late XIX century to the present day.

Keywords

Political theory; subfield; American political science.

Вопрос о статусе политической теории являлся предметом острых дискуссий среди представителей политической науки и, шире, гуманитарного знания. Пик этих дискуссий был связан с периодом «би-хевиоральной революции» в американской политической науке на рубеже 50 – 60-х гг. XX века. Столкновение сторонников различных исследовательских программ по поводу статуса этого направления исследований было отражением противостояния относительно путей развития всей политической науки и, шире, гуманитарного знания в целом: сторонникам идеалов сциентизма противостояли сторонники традиционных подходов к изучению человека и общества. Вместе с тем, подобные дебаты касались в том числе судьбы самой политической науки как самостоятельной научной и академической дисциплины, затрагивали интересы представителей различных групп профессионального сообщества, различных научных школ и направлений. По мнению некоторых исследователей, рассматриваемый конфликт определялся логикой развития политологии, в ходе которого специализация внутри профессионального сообщества приводила к конфликтам представителей образующих его групп.

Рассмотрение процесса институционализации политической теории в американской политологии представляется важным для лучшего понимания закономерностей развития всей политической науки. Также представляется важным включение анализа данного вопроса в повестку российской политологии, которая, несмотря на наличие богатой традиции анализа мира политики, все еще находится в процессе становления и развития. Закономерности, выявленные в ходе исследования процессов институционализации субдисциплин в рамках зарубежной политической науки, могут быть полезны при последующем анализе развития отечественной политологии.

Анализ современного статуса политической теории требует понимания логики становления и развития дисциплины, изучения предпосылок и процессов, определивших современное состояние субдисциплины, сравнения актуального положения дел с предыдущими этапами эволюции политической теории. Такое рассмотрение должно быть предпринято в контексте развития политической науки, гуманитарного знания в целом.

На наш взгляд, следует выделить три ключевых периода изменений институционального статуса политической теории. В каждый из периодов причины изменений, совокупность предопределивших их факторов были различными.

Первый этап охватывает конец XIX – первую половину XX в. Это период институционализации политической теории как таковой,

совпадающий с моментом институционализации самой политической науки в США. Ключевым фактором изменений в данный период выступало стремление профессионального сообщества политологов США к институционализации политической науки, при этом наличие теоретического подразделения в составе профессиональной ассоциации (Американской ассоциации политической науки, ААПН) виделось необходимым атрибутом науки, претендующей на самостоятельность. Получив статус одной из субдисциплин политической науки, политическая теория не продвинулась в своей институционализации далее, оставшись весьма аморфным подразделом как с точки зрения набора изучаемых проблем и используемых методов, так и в качестве категории самоидентификации для представителей профессионального сообщества. Итоги первого этапа можно охарактеризовать как появление политической теории как субдисциплины.

Окончание первого и начало второго этапа связано с периодом «бихевиоральной революции», 1950 – 1960-ми годами. Ключевым фактором изменений институционального статуса здесь стала критика данной субдисциплины и предложение программы ее реформирования. Ответной реакцией части профессионального сообщества стало ее сплочение с целью защиты статуса политической теории как отдельной отрасли политического знания. Результатом данных дебатов стало сохранение политической теории в качестве одной из субдисциплин американской политологии и ее утверждение в качестве категории самоидентификации для части профессионального сообщества. Итоги второго этапа можно характеризовать как недопущение маргинализации политической теории.

Завершение второго и начало третьего этапа связано с концом 1960-х г. В 1967 г. было образовано Движение за новую политическую науку (Caucus for new political science¹), в 1969 г. в своем президентском послании² к ААПН Д. Истон обозначил необходимость пересмотра доминирующего положения бихевиорального подхода. Основным фактором изменений институционального положения политической теории на этом этапе стало требование методологического плюрализма. Это требование выдвигалось представителями различных групп профессионального сообщества политологов, не согласным с доминированием количественных подходов, и в целом отвечало интересам представителей политической теории.

¹ Barrow C.W. The intellectual origins of new political science // New political science. 2008. vol. 30, № 2.

² Easton D. The New Revolution in Political Science // American Political Science Review. 1969. Vol. 63. №4. P. 1051–1061.

В 1970 – 1990-х гг. стремление части профессионального сообщества к сохранению политической теории в качестве субдисциплины получило институциональное оформление (создание журнала, секции по политической теории в рамках ААПН). Образно третий этап можно характеризовать как контрнаступление сторонников политической теории в борьбе за укрепление статуса субдисциплины. Ключевым требованием представителей политической теории на данном этапе является методологический плюрализм, подразумевающий возможность применения традиционных методов исследования в противовес господствующей ориентации на доминирование количественных методов.

Ниже мы рассмотрим содержание предложенных этапов более подробно с тем, чтобы полнее отразить их различие.

Первый этап, конец XIX – первая половина XX в.

Институционализация политической теории как научного направления и дисциплины произошла в конце XIX – начале XX века в США.

В 1903 г. была создана Американская Ассоциация Политической Науки. К моменту учреждения ААПН уже существовали такие издания, как *Political Science Quarterly* (учрежден в 1886 г.) и *Annals of the American Academy of political and Social Choice* (1890 г.), а также существовала Американская Ассоциация Социальных Наук (ААСН)¹. Тем не менее, группой ученых во главе с В. Уиллогби и Ф. Гуднау было принято решение о создании ААПН и учреждении журнала *American Political Science Review*.

В составе ААПН были образованы шесть комитетов, соответствовавших отраслям политической науки; в качестве одной из отраслей была выделена Политическая теория². Стремление части профессионального сообщества к оформлению политической науки как самостоятельной дисциплины впервые поставило вопрос о природе и характере политической теории.

И хотя секретарь ААПН В.В. Уиллогби говорил о том, что первой из трех составляющих политической науки является «область политической теории или политической философии», Президент ААПН Ф. Гуднау в своей президентской речи в том же году отметил, что следует стремиться быть «политическим ученым», а не «просто политическим философом»³. Важной задачей ААПН Ф. Гуднау

¹ Gunnell J. G. The founding of the American Political Science Association: Discipline, Profession, Political Theory and Politics // *American Political Science Review*. 2006. Vol.100. № 4. P. 479.

² Ганнел Дж. Политическая теория: эволюция дисциплины // *Политическая теория в XX веке: сборник статей* Под ред. А.В. Павлова. М., 2008. С. 47.

³ Gunnell J.G. The founding of the American Political Science Association: Discipline, Profession, Political Theory and Politics // *American Political*

видел непосредственное влияние на политическую жизнь. Таким образом, целью обособления политической науки от остальных гуманитарных дисциплин основателям ААПН виделось повышение влияния ее представителей. Теория, пласт теоретического знания (разработка категориального аппарата, собственных методов) рассматривались как необходимый признак самостоятельности новоявленной науки. Актуальной проблемой для учредителей ААПН виделись оптимизация процессов государственного управления (эту ориентацию на государство указывают в качестве ключевой для рассматриваемого периода многие исследователи, к примеру, Дж.С. Друзек¹), обеспечение работы демократических институтов, и потому для решения этих конкретных проблем они хотели предложить научно обоснованные рекомендации, а не философские размышления. Одна из заметных фигур в ААПН того времени Г. Форд считал, что главной целью Ассоциации было достижение политической наукой влияния в реальной политике. Это влияние должно было быть основано не на моральном превосходстве или артикуляции мнения общества, но на «объективной основе» научных исследований². Вице-президент ААПН П. Рейнш предлагал организовать работу ассоциации в рамках ряда департаментов, включая департамент по политической теории³.

По мнению Дж. Ганнелла, обособление политической науки как самостоятельной дисциплины среди гуманитарных наук было связано с желанием профессионального сообщества утвердить свое влияние, а становление политической теории как субдисциплины было следствием и инструментом этого обособления.

Далее можно отметить, что сам термин «политическая теория» в понимании «субдисциплина» появляется именно в американском профессиональном сообществе. Так, Т. Кауфман Осборн указывает, что «презентуемая как проект столь же давний, как сама западная цивилизация, <...> “политическая теория” создана академическим сообществом, и в частности – американским академическим сообществом»⁴. Также следует отметить, что долгое время его со-

Science Review. 2006. Vol.100. № 4. P. 483.

¹ Druzek J.S., *Revolutions Without Enemies: Key Transformations In Political Science* // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. № 4. P. 487.

² Gunnell J.G. *The founding of the American Political Science Association: Discipline, Profession, Political Theory and Politics* // American Political Science Review. 2006. Vol.100. № 4. P. 483.

³ Kaufman-Osborn T.V. *Dividing the Domain of Political Science: On the Fetishism of Subfields* // Polity. 2006. Vol. 38. № 1. P. 58.

⁴ Kaufman-Osborn T.V. *Political Theory as Profession and as Subfield?* // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 3. P. 658.

держание во многом пересекалось с содержанием понятия «политическая философия».

Изменение содержания понятия и отношения к политической теории как субдисциплине было довольно динамичным, его можно проследить в течение всего XX века. Так, работа У. Даннинга (три части выходили в 1902, 1905, 1920 гг.) «История политических теорий» содержала анализ отдельных работ западных мыслителей, расположенных в хронологическом порядке. Подобный стиль изложения подразумевал существование единой традиции и единой теории политической науки. В 1937 г. работа Дж. Сэйбина «История политической теории» зафиксировала переход к использованию термина в единственном числе. Тем не менее, статус этого направления был неоднозначен. Так, политическая теория не имела собственной секции на ежегодных собраниях ААПН. В 1930 г. такая секция была учреждена, но не просуществовала и десяти лет. Также характерно, что с 1917 по 1944 гг. в издании ААПН, *American Political Science Review*, работы по политической теории выходили в разделе «политическая теория и разное». По мнению Кауфмана-Осборна, «бихевиоральную революцию» в этом свете следует рассматривать как стремление внести большую ясность в состояние дел в политической науке и в политической теории в частности¹.

Второй этап, 1950 – 1960-е гг., дискуссии времен «бихевиоральной революции».

Период 1950-х многие исследователи называют переломным, т.к. в это время началась «бихевиоральная революция» и был дан старт широким дискуссиям о статусе политической теории в политической науке.

Как отмечает Э. Хауптман², существуют различные оценки того состояния, в котором находилось теоретическое знание о политике в 50-е годы XX века. Так, значительная часть исследователей продолжает придерживаться мнения, что в этот период времени субдисциплина находилась в упадке. Данная точка зрения сохраняет свое влияние за счет цитирования работ прошлого. В то же время, некоторые работы, в заголовок которых был вынесен тезис о смерти политической теории (политической философии) содержали не констатацию упадка, а призыв к обновлению, либо вовсе отрицали наличие кризиса в данной сфере. Схожее суждение вы-

¹ Kaufman-Osborn T.V. Political Theory as Profession and as Subfield? // *Political Research Quarterly*. 2010. Vol. 63. № 3. P. 658.

² Hauptmann E. From Opposition to Accommodation: How Rockefeller Foundation Grants Redefined Relations between Political Theory and Social Science in the 1950s // *American Political Science Review*. 2006. Vol. 100. № 4.

сказывает С.К. Уайт¹, отмечая, что подобные статьи были своего рода провокацией, без которой не появилось бы таких работ, как эссе И. Берлина «Существует ли еще политическая теория?», которые могут быть наилучшим образом поняты именно как ответы на подобным образом поставленные вопросы. Для некоторых исследований упоминание о кризисном состоянии политической теории в 1950-е годы является лишь необходимым вступлением, которого требует выдвигаемый ими тезис о последовавшем ее возрождении.

Основываясь на данных Фонда Рокфеллера, финансировавшего исследования по политической теории в 1950-е гг., Э. Хауптман отмечает, что субдисциплину характеризовала довольно высокая активность исследователей и, вместе с ним, крайнее разнообразие направлений и тем, которые они выбирали для разработки. Об этом ярко свидетельствует список ученых и тем, которые получили поддержку в рамках программы «Юридические науки и Политическая философия» (Legal and Political Philosophy, LAPP). В этом списке в качестве представителей политической теории (как и в других случаях, в данной программе четкого разделения между политической теорией и политической философией провести не удалось) соседствовали Л. Штраус (древние основания современных западных ценностей) и Г. Туллок (математические модели политического выбора), Х. Арендт (базовое изучение теории политики) и Г. МакКлоски (эмпирическое изучение психологии политического экстремизма). Таким образом, политическая теория 1950-х годов предстает как субдисциплина, которую многие ученые, видимо, не идентифицировали как свой род деятельности, либо идентифицировали как не основной, дополнительный. Автономизация и формирование идентичности «политического теоретика» произошли позднее и были связаны с «бихевиоральной революцией».

Центральным вопросом, определившим интерес к теме статуса политической теории на десятилетия, стал вопрос о необходимости замены существовавшей на рубеже 50 – 60-х годов политической теории на новую, отвечающую требованиям бихевиоралистов.

При этом первоначально, как это можно заключить из статьи Истона «Упадок политической теории», речь шла именно об изменении направлений исследований при сохранении статуса субдисциплины. Однако, встретив сопротивление со стороны приверженцев традиционных форм анализа политики и обнаружив, что политиче-

¹ White S.K. Pluralism, Platitudes and Paradoxes Fifty Years of Western Political Thought // Political Theory. 2002. Vol. 30. № 4. P. 473.

ская теория перерождаться подобным образом не желает, бихевиоралисты предприняли новую атаку, на этот раз постулируя уже «смерть политической теории», то есть отказывая самой субдисциплине в прежнем статусе. Эта двойственность – критика достижений субдисциплины и критика ее как таковой – сохранялась на протяжении всех дискуссий и сохраняется по сей день среди замечаний тех, кто желает высказаться по данной проблеме. В первом случае речь идет о правомерности применения отдельных методов и подходов – того, что принято называть историческим, или философским подходом, или направления изучения истории концептов, к примеру. Во втором случае речь идет о критике самой субдисциплины. При более внимательном рассмотрении, на наш взгляд, такая постановка вопроса объясняется желанием маргинализировать своих оппонентов, некую часть профессионального сообщества, отказав им в статусе коллег по цеху – а значит, лишив их права высказываться о том, каким образом должна развиваться политическая наука в целом.

Г. Каза называет ориентацию на естественные науки, широкое распространение количественных и дедуктивных методов одной из причин маргинализации политической теории¹. В то же время, Г. Каза указывает на то, что качество исследований, реализуемых представителями субдисциплины, значительно страдает из-за того, что достижения эмпирической науки игнорируются.

В свою очередь, защищаясь, противники бихевиорализма также прибегали к разным приемам. Одни, стремясь освободиться от навязанного им противостояния, провозглашали невозможность полноценного изучения политики без уровня высшей абстракции – теоретического, философского. Такого рода возражения касались, опять же, методов, и были направлены на обоснование познавательной значимости используемых подходов. Одновременно вопрос о статусе политической теории был вопросом о личном статусе, о положении в профессиональном сообществе, и здесь можно выделить две стратегии. Приверженцы первой стратегии – к примеру, Лео Штраус, предпочитали считать, что они работают на ином предметном поле, что избавляет их от необходимости обстоятельных дискуссий с оппонентами. Так, Штраус предпочитал называть себя политическим философом, а в работе «Что такое политическая философия?» проводил четкое разделение политической философии и политической науки с явным предпочтением первой. Иными словами, желая заниматься изучением политики

¹ Kasza G.J. The Marginalization of Political Philosophy and Its Effects on the Rest of the Discipline // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 3. P. 699.

по-своему, приверженцы такой стратегии охотно отказывались от статуса члена профессионального сообщества политической науки. Они предпочитали относить себя к другому сообществу, а свои труды – к другой дисциплине, будь то политическая философия, или философия как таковая. Другая стратегия, напротив, основывалась на стремлении ее приверженцев сохранить свой статус в профессиональном сообществе, при этом не отказываясь и от принятых методов исследования. Сделать это было возможно лишь за счет драматизации роли политической теории в политической науке. Иными словами, для сохранения статус-кво приверженцы данной стратегии стремились всячески подчеркнуть значимость политической теории для развития политической науки в целом. Фактически речь идет о своего рода сепаратизме, когда для удержания статуса симулируют готовность полного отделения, но на деле рассчитывают именно на некие преференции и гарантии сохранения статус-кво. В силу такой защитной стратегии на первый план выступила задача не сближения с остальными коллегами по цеху, но, напротив, обозначения уникальности и самости политической теории как субдисциплины. В этом смысле междисциплинарность, связь с философией, этикой, историей служили приверженцам такой стратегии для защиты также, как их противникам – для критики.

Г. Каза указывает три фактора, определивших современную конфигурацию общественных наук и их подразделов в Америке: «административная целесообразность, тщетная попытка превзойти естественные науки и гиперпрофессионализация американского научного сообщества»¹.

Говоря об административной целесообразности, Г. Каза указывает, что выделению отдельных дисциплин способствовало динамичное развитие американских университетов: количество выпускников выросло с 54 тыс. в 1870 г. до 597 тыс. в 1920, и в таких условиях отделение политической науки и других направлений из общего корпуса гуманитарных наук выглядело оправданным. Таким образом, здесь мы встречаем аргумент против приведенной выше позиции Ганнелла о том, что движущей силой в автономизации политической науки выступали лишь амбиции части профессионального сообщества.

Выделение политической науки и в целом усложнение структуры гуманитарных дисциплин было, по мнению Г. Каза, результатом копирования специализации в естественных науках, что не кажется

¹ Kasza G.J. The Marginalization of Political Philosophy and Its Effects on the Rest of the Discipline // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 3. P. 698.

оправданным с учетом того, что гуманитарные науки имеют общий объект изучения и широко заимствуют методологию друг друга. «Границы между общественными и гуманитарными науками искусственны. То же самое можно сказать и про границы между подразделениями в политической науке»¹ – заключает в этом отношении Каза.

Т. Кауфман-Осборн также приходит к выводу, что автономизация субдисциплины стала не только защитной реакцией, но и эффективным способом отстаивания интересов. При этом последнее утверждение справедливо не только для политической теории: «В силу некоторых значимых причин, в профессии приписывается почти тотемный статус четырем субдисциплинам: политической теории, американской политике, сравнительной политологии и международным отношениям»². Как указывает автор, «Субдисциплины – это механизмы влияния, поскольку они учитываются при распределении наград внутри дисциплины, и, что более важно, поскольку они влияют на структурирование нашего понимания природы политики как таковой»³.

И. Шапиро в своей работе «Бегство от реальности в гуманитарных науках» отмечает, что стремление представителей политической теории к обоснованию значимости и самостоятельности субдисциплины является характерным и для других направлений внутри политической науки: «... постепенная специализация была характерна для большинства академических дисциплин последних десятилетий»⁴, как гуманитарных, так и естественно-научных.

Как указывает А. Де-Шалит, долгие годы политическая философия и эмпирическая политическая наука игнорировали друг друга. «Политическая философия занималась нормативным дискурсом, игнорируя институты, в то время как эмпирическая политическая наука изучала институты, словно нормы не имели никакого значения»⁵, приводит он слова другого исследователя, П. Хирста. И. Шапиро отмечает, что подобная автономизация негативно повлияла на развитие как нормативной, так и эмпирической науки. Первая оказалась в ситуации отрыва от эмпирического знания, что противоречит установкам теоретиков-классиков, и теперь «современные теоретики тратят массу времени на комментирование ра-

¹ Kasza G.J. The Marginalization of Political Philosophy and Its Effects on the Rest of the Discipline // *Political Research Quarterly*. 2010. Vol. 63. № 3. P. 698.

² Kaufman-Osborn T.V. Dividing the Domain of Political Science: On the Fetishism of Subfields // *Polity*. 2006. Vol. 38. № 1. P. 41.

³ Там же.

⁴ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М., 2011. С. 311.

⁵ Цит. по: De Shalit A. Political philosophy and empirical political science: from foes to friends? // *European Political Science*. 2009. № 8. P. 37.

бот друг друга, как если бы они сами были достойным предметом изучения»¹. Эмпирическая наука в данной ситуации, как ни парадоксально, также стала игнорировать актуальные вопросы современности, предпочитая изучение тех случаев и закономерностей, которые подтверждали правомерность применявшихся методов. Такую тенденцию И. Шапиро называет «ориентацией на метод», в противоположность «ориентации на проблему», когда выбор (или разработка) методов происходит в зависимости от целей исследования, от проблемы, изучаемой ученым. По мнению Шапиро, абсолютное большинство проблем может быть рассмотрено с точки зрения самых различных подходов и с использованием различных методов. При этом «ориентация на метод» и «академическая мода» (к примеру, стремление построению работоспособных моделей и сбывающихся прогнозов) будут в значительной мере определять выбор методов, вне зависимости от того, насколько они способствуют поиску истины.

Третий этап, конец 1960-х – настоящее время, контрнаступление сторонников политической теории и требование методологического плюрализма.

Значительный прогресс в деле институционализации политической теории можно отметить уже после периода «бихевиоральной революции»: в 1968 г. в Международной энциклопедии общественных наук политическая теория признана отдельной областью знаний, в 1973 г. был создан журнал по политической теории, в 1988 г. в рамках ААПН создана секция «Основы политической теории».

Как отмечает Р.В. Грант, идентифицирующие себя как политические теоретики исследователи в большинстве случаев (81% по состоянию на 2002 г.) являются сотрудниками кафедр политической науки, а не политической философии. Также приводятся данные о том, что в 1973 г. 11,2% членов ААПН идентифицировали себя в качестве политических теоретиков, а в 1999 г. — 18,9%. Среди философов доля идентифицирующих себя как политических теоретиков меньше: 5,3 % из включенных в Каталог Американских Философов называли себя политическими философами, в 1998-1999 г. их число увеличилось до 6%². Представляется, что такая динамика свидетельствует о том, что в целом статус субдисциплины в рамках политической науки в Америке является довольно стабильным, и на деле на институциональном уровне нельзя говорить

¹ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М., 2011. С. 312.

² Данные приводятся по Grant R.W., Political Theory, Political Science and Politics // Political Theory. 2002. Vol. 30. № 4. P. 577-595.

о разрыве между политической теорией и политической наукой. Автономизация политической теории не означает ее разрыва с политической наукой.

Вместе с тем, представители субдисциплины продолжают демонстрировать осознание неких коллективных интересов. В этом плане интересен разбираемый Т. Кауфманом-Осборном инцидент, имевший место в 2007 г. В 2007 году состоялась встреча на тему «Основы политической теории» ААПН. Участники этой встречи подписали письмо в адрес Государственного университета Пенсильвании (Pennsylvania State University). Причиной для написания письма послужило намерение университета прекратить преподавание курса политической теории для докторантов. Подписавшие письмо ученые настаивали на значимости такого курса при подготовке докторантов и настоятельно рекомендовали сохранить курс. Вскоре последовало второе письмо, подписанное почти тем же составом ученых, в котором, признавая право университета на формирование учебных программ, подписавшиеся прямо указывали, что, если их просьбы не возымеют действия, это будет иметь «определенные последствия». В частности, авторы письма обещали не направлять в данный университет наиболее одаренных молодых ученых, а также оставляли за собой право отказать в рекомендации тем, кто получал образование по учебной программе, из которой исключен курс политической теории. Этот пример служит подтверждением того, что, с одной стороны, в политической теории действительно сложилось собственное профессиональное сообщество, всерьез озадаченное проблемой поддержания статуса субдисциплины, а с другой стороны – то, что такого рода навыки защиты не утрачены и спустя полвека после «бихевиоральной революции».

Защита статуса политической теории, укрепление ее институционального положения в американской политической науке в рамках рассматриваемого этапа связана с противодействием доминированию одной методологической направленности в американской политологии. Положение дел в политической науке на данном этапе описывается как «ограниченный плюрализм» (constrained pluralism)¹: ряду доминирующих подходов (теория рационального выбора, математическое моделирование) противопоставляется широкий ряд других, воспринимаемых как вторичные. Их «вторичность» с подачи ААПН фиксируется в содержании учебных программ, редакционной политике ведущих журналов, грантовой политике фондов.

¹ Caterino B., Shram S.F., Introduction // Making political science matter: debating knowledge, research, and method. N.Y., 2006. P.5.

Интересам развития политической теории отвечает изменение такой ситуации, позволяющее реабилитировать традиционные методы анализа. Также развитие альтернативных доминирующим подходов обещает развитие политической науки в целом, а значит, и новый интерес к политической теории. Первый этап характеризовался появлением политической теории как субдисциплины. Второй этап обозначил ее как категорию самоидентификации «от противного» – отстоящее от доминирующего подхода (в некоторых оценках – маргинальное) направление исследований. Логика развития третьего этапа связана с попытками утверждения позитивной, а не негативной идентификации, при которой представители политической теории не противопоставляли бы себя остальной политической науке, а смогли принять полноправное участие в выработке путей ее развития.

Таким образом, новые изменения положения субдисциплины связаны с более широкими процессами перемен в американской политологии. Эти процессы, инициируемые самим профессиональным сообществом в связи с недовольством характером развития политической науки, дважды за рассматриваемый период принимали форму «движений». В первом случае речь идет о Движении за новую политическую науку (Caucus for new political science), во втором – о движении Перестройка (Perestroika movement), позаимствовавшем русскоязычный термин как символ необходимости перемен.

Оба движения добились некоторых институциональных достижений.

Движение за новую политическую науку (Caucus for new political science), начавшееся в 1967 г., объединяло противников доминирования бихевиорализма в американской политической науке. Движение стало одной из официальных секций ААПН (New Political Science), которая также занялась изданием собственного журнала, New Political Science (издается с 1979 г.), не получившего, впрочем, большого влияния¹.

О том, что Движение за новую политическую науку не добилось существенных успехов, свидетельствует появление Движения за «перестройку» американской политической науки, «perestroika movement». Начало этого движения связано с распространением осенью 2000 г. анонимного письма, которое получило широкий резонанс среди профессионального сообщества, в первую оче-

¹ См.: Druzek J.S. Revolutions Without Enemies: Key Transformations In Political Science // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. № 4. P. 490-491.

редь молодых исследователей и студентов. Письмо, подписанное «господином Перестройка» (Mr. Perestroika) содержало критику в адрес руководства ААПН и выпускаемого при Ассоциации журнала *American Political Science Review*¹. В письме констатировался упадок влияния Ассоциации на целый ряд направлений, критиковалось невнимание Ассоциации к новым подходам и исследованиям, в качестве ключевых выдвигались требования перехода к большому методологическому плюрализму и изменению состава руководства Ассоциации. При этом, хотя статус политической теории не затрагивался в письме, инициированное возникшим движением требование методологического разнообразия было направлено против «математизации» политической науки. Таким образом, новый призыв к борьбе против господства естественно-научных методов в политической науке во многом перекликался с дискурсом 50-летней давности, времен «бихевиоральной революции». Коалиция против математических методов была поддержана представителями других субдисциплин: рассмотрение математических методов как приоритетных вело к снижению статуса таких направлений, как международные отношения и сравнительная политология².

Представители *perestroika movement* подписали письмо с требованиями к руководству ААПН, и оно в свою очередь объявило о шагах навстречу заявленным требованиям, включая:

- * Учреждение нового журнала, *Perspectives on politics*, призванного освещать достижения различных подходов и субдисциплин (первый выпуск состоялся в 2003 г.);

- * Включение представителей движения в состав Совета ассоциации;

- * Анализ программ подготовки политологов (в 2004 г. в ААПН подготовлен соответствующий отчет с рекомендациями для ВУЗов, осуществляющих подготовку по специальности).

Тем не менее, успех второго движения также можно считать относительным. Степень плюрализма в американской политической науке остается обсуждаемым вопросом, а значит, третий этап институционального развития политической теории еще не завершен.

Рассмотрев развитие политической теории как субдисциплины в американской политологии в конце XIX – начале XXI в., мы выделили три этапа изменения ее институционального статуса. На каждом из этапов движущие силы изменений были различны. Вме-

¹ Текст см.: *The Idea. The opening of debate. // Perestroika! The raucous rebellion in political science. New Haven and London., 2005. P. 9-11.*

² См.: *Miller D.W. Storming the Palace of Political Science // The Chronicle of Higher Education, September 21, 2001.*

сте с тем, следует отметить, что изменения всегда были спровоцированы внешними по отношению к субдисциплине факторами, в первую очередь – состоянием самой политической науки. Таким образом, изменения статуса политической теории служили своеобразным отражением состояния американской политической науки на протяжении рассматриваемого периода.

На сегодня политическая теория является одной из обособленных субдисциплин американской политологии. В качестве особого фактора ее институционализации следует выделить глубокую профессионализацию внутри политической науки, которая характерна для американской политологии и, шире, для гуманитарных наук в США. В Европе в ряде случаев круг вопросов, относимых к американской политической теории (а нередко – и политической науке в целом) исследуется в рамках других гуманитарных дисциплин.

Приведенные заключения позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на обладание статусом субдисциплины, политическая теория в американской политологии тесно связана с последней и не может быть названа отдельной, независимой от американской политической науки отраслью гуманитарного знания.

Библиография

1. Ганнел Дж. Политическая теория: эволюция дисциплины // Политическая теория в XX веке: сборник статей Под ред. А.В. Павлова. М., 2008.
2. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М., 2011.
3. Barrow C.W., The intellectual origins of new political science // New political science. 2008. vol. 30, № 2.
4. Caterino B., Shram S.F., Introduction // Making political science matter: debating knowledge, research, and method. N.Y., 2006.
5. De Shalit A. Political philosophy and empirical political science: from foes to friends? // European Political Science. 2009. № 8.
6. Druzek J.S. Revolutions Without Enemies: Key Transformations In Political Science // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. № 4.
7. Easton D. The New Revolution in Political Science // American Political Science Review. 1969. Vol. 63. № 4.
8. Grant R.W., Political Theory, Political Science and Politics // Political Theory. 2002. Vol. 30. № 4.

9. Gunnell J. G. The founding of the American Political Science Association: Discipline, Profession, Political Theory and Politics // American Political Science Review. 2006. Vol.100. № 4.
10. Hauptmann E. From Opposition to Accomodation: How Rockefeller Foundation Grants Redefined Relations between Political Theory and Social Science in the 1950s // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. № 4.
11. Kasza G.J. The Marginalization of Political Philosophy and Its Effects on the Rest of the Discipline // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 3.
12. Kaufman-Osborn T.V. Dividing the Domain of Political Science: On the Fetishism of Subfields // Polity. 2006. Vol. 38. № 1.
13. Kaufman-Osborn T.V. Political Theory as Profession and as Subfield? // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 3.
14. Miller D.W. Storming the Palace of Political Science // The Chronicle of Higher Education, September 21, 2001.
15. The Idea. The opening of debate. // Perestroika! The raucous rebellion in political science. New Haven and London., 2005.
16. White S.K. Pluralism, Platitudes and Paradoxes Fifty Years of Western Political Thought // Political Theory. 2002. Vol. 30. № 4.

*НАРЫКОВА Светлана Петровна,
докторант кафедры философии
и социологии Краснодарского
университета МВД России
gimiit@gimiit.ru*

Особенности современной методологии исследования политической власти / Features of modern methodology of political power research

Аннотация

В статье рассматриваются особенности построения современной методологической модели анализа социальных процессов и явлений в целом и феномена политической власти, в частности. Демонстрируется перспективность и эффективность полипарадигмального характера исследования сложных социальных явлений.

Ключевые слова

Методология; власть; государство; парадигма; метатеория; философия науки.

Annotation

In the article features of modern methodological modeling of social procedure analysis and appearance in tote and political power phenomenon particularly are considered. The article shows availability and effectivity of polyparadigmatic character of difficult social appearance exploration.

Keywords

Methodology; power; the State; paradigm; metatheory; the philosophy of science.

По мере продвижения человеческой мысли к осознанию и постижению социальных процессов появлялись фундаментальные законы, принципы рассмотрения социальных отношений и систем их взаимосвязи. Общество в качестве объективной реальности существовало априори, а, следовательно, «в себе» возможность существования науки об обществе как дисциплины, изучающей объективную реальность, была изначально. Государство как социальный институт, появившийся из естественной потребности в развитии и выживании человечества, развивалось синергетически, реагируя на внешнее воздействие (сил природы и других социальных групп) и внутренние процессы самоорганизации (или разрушения). Неспособность реагировать на внешние и внутренние факторы для государства была фатальной ошибкой, которая вела к кризису и разрушению. Со временем естественным образом выкристаллизовывались основные принципы существования государства и основные формы осуществления власти. Еще до теоретизации этих моментов феномен политической власти стал основанием государственности и существовал объективно.

По сути речь идет о том, что человечество жило и живет одновременно в двух смысловых плоскостях: мир природный и мир социальный, созданный человеком. Однако было бы заблуждением утверждать, что только лишь мир природный (физический) имеет объективные основания происхождения. Мир социальный не в меньшей степени развивался не по субъективному желанию или стремлению отдельных личностей и не благодаря специальным наукам, позволившим изменить общество, а как сфера объективной реальности – за счет принципов самоорганизации и детерминированности основными законами развития. Незнание этих законов не является основанием для того, чтобы они не функционировали, равно как и незнание основных законов физики не отменяет действие закона всемирного тяготения. Вместе с тем знание законов развития общества предполагает возможность оптимизации деятельности и даже изменения социальной действительности.

Так, под влиянием потребности знать реалии мира, в котором живет человек, и воздействовать на него стала развиваться наука. Однако развитие феномена науки говорит вовсе не о том, что все уже открыто, напротив – открываются новые перспективы познания. На каждом этапе человечество накапливает знание и тем самым увеличивает знание о незнании. Вместе с тем процессы и закономерности, скрытые в сфере незнания, все также продолжают существовать и влиять на мир независимо от несуществования их в предметном поле науки. Речь идет о том, что механизмы осу-

ществления фундаментальных законов развития мира, как естественного, так и социального, всегда носят метатеоретический характер. Они существуют независимо от теоретизации и представляют собой объективную данность. В связи с этим возникает необходимость исследования на парадигмальном уровне не только наук естественных, но и социальных. А если уж быть точными, то необходимо произвести обобщение наук естественных и социальных до науки вообще и в дальнейшем исследовать рассматриваемый предмет изучения (политическую власть) на парадигмальном уровне, используя инструментарий философии науки конца XX и начала XXI века. На наш взгляд, именно такой подход позволит адекватным образом актуализировать основные формы осуществления политической власти.

Как таковое исследование политической власти предполагает целостное рассмотрение и сопоставление двух ее важных аспектов – статического и динамического, что, с одной стороны, отражает государственное устройство и основные нормы правовых, экономических и иных отношений в государстве, с другой – их соответствие актуальной сфере социального опыта, результатом которого является нормальное функционирование социальных институтов. Статический аспект в данном случае отражает идеальный образ существования государства, закрепленный на нормативном уровне в законодательстве и одновременно отраженный на уровне целеполагания в осуществлении правления и борьбы за власть политических субъектов. Динамический аспект отражает изменение социальных запросов, в соответствии с которыми реализуется активная деятельность органов власти по сохранению установленного государственного порядка (что связано как с внутренними проблемами и их разрешением, так и с геополитической ситуацией), и одновременно – его видоизменением в соответствии с ситуацией в обществе. Таким образом, политическая власть стремится к сохранению баланса между социальной практикой, зачастую требующей изменений в различных государственных сферах, и структурой государства, в результате чего реализуется как адаптация государства в соответствии с нуждами общества (что проявляется на уровне законодательных изменений, указов и т. д.), так и воздействие на общественные процессы, целью которого является сохранение их соответствия системе государственных норм.

В данном отношении следует отметить, что для различных исторических типов государств характерно различное соотношение между реформационной и подчинительной функциями власти. В значительной мере это связано с типом правления, а также куль-

турной ситуацией в рассматриваемом обществе. Так, например, для традиционных государств, в рамках которых правовая сфера обнаруживает значительную степень связанности с религиозными нормами или устоявшимися традициями, справедливо суждение о незначительной динамике в правовой сфере, вместе с тем можно судить о значительной степени регламентированности общественных отношений существующими нормами. Напротив, для государств, имеющих демократический политический строй, характерным является значительное влияние ситуации в обществе на формирование законодательной базы, являющейся, по сути, отражением актуальных потребностей населения на нормативном уровне. В этой связи рассмотрение факторов динамики политической власти должно учитывать культурную ситуацию и политический строй, как важнейшие факторы, определяющие степень гибкости политической власти в отношении внешних и внутренних условий, не вписывающихся полностью в существующий порядок.

Такое прочтение соответствия между идеальной сферой государства и реализуемой в нем практикой общественных отношений представляет собой одно из важнейших условий успешного функционирования социальных институтов (и власти в частности), что делает согласование этих двух моментов первостепенной задачей носителей власти. Именно на этом уровне проявляется многомерность рассматриваемого вопроса: как было сказано ранее, в значительной мере пути достижения этого соответствия определяются социальным строем и способностью государства к воздействию на социальные процессы и их направленность¹. Однако история знает немало случаев, когда естественный ход развития общества приводил к нарастанию противоречий между существующим на уровне государства набором законов и норм с одной стороны, и актуальными запросами общества – с другой, что приводило порой к разрушению существующей государственной системы в рамках революционной деятельности членов общества. Таким образом, существуют определенные естественные процессы в обществе, которые не поддаются ограничению со стороны государства.

Здесь реализуется, по сути, отношение между объективно существующей социокультурной ситуацией, а также закономерностями развития общества с одной стороны, и государственной моделью, как результатом intersубъективного взаимодействия носителей власти (в частности, их осмысления основных проблем в обществе и попыток разрешения этих проблем) – с другой. Под

¹ Дегтярев А. А. Основы политической теории: учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». М.: Высш. шк., 1998. С. 105–107.

государственной моделью в данном отношении подразумевается набор нормативных элементов (правовые нормы, экономическая политика) и структурных особенностей социальных институтов, посредством реализации которых производится попытка оптимизации общественных отношений. Таким образом, одно из важнейших направлений деятельности акторов политической власти состоит в мониторинге основных социальных проблем с целью их последующего разрешения. В рамках государственной системы происходит непрерывный процесс самоорганизации, в результате которого некоторые социальные взаимодействия происходят на т.н. «естественном» уровне, что зачастую приводит к возникновению социальных противоречий. При этом на уровне власти происходит рефлексия над общественной ситуацией, результатом которой является осознание социокультурных проблем государства и последующая деятельность по их урегулированию. Таким образом, на уровне власти реализуются, с одной стороны, познавательная деятельность, направленная на отслеживание основных тенденций и проблем в рамках общества, с другой стороны – проективная деятельность, направленная на создание такой системы государственных мер и отношений, в рамках которой эти проблемы будут разрешены, и далее – управленческая (или исполнительная) деятельность, направленная на приведение в действие разработанных изменений в государственной структуре. В этом отношении можно судить о проблеме адекватности отражения модели общества на уровне теоретической деятельности по мониторингу основных проблем, что особенно важно с учетом динамического характера общества, и в то же время – о проблеме создания адекватной системы мер. Это означает, что на уровне власти производится создание модели проблемы, и, далее – создание модели ее решения, что знаменует собой двойную проблематичность достижения оптимальной общественной ситуации. С учетом того, что в рамках функционирования власти большое значение приобретает формирование как теоретических (имеющих отношение к формированию теоретической модели развития общества), так и практических (имеющих отношение к разрешению социальных проблем на уровне модификации государственной структуры и принятия соответствующих мер) моделей, в исследовании власти и оптимизации ее деятельности значительную актуальность приобретает парадигмальный подход, раскрывающий проблему адекватности моделей и их динамики. В этом отношении целесообразно и чрезвычайно эффективно использование методологии философии науки, в рамках которой может рассматриваться и успешно решаться пробле-

ма динамики теоретических моделей. В соответствии с этой методологией вполне возможно рассмотрение основных аспектов динамики власти. При этом появляется и возможность рассмотрения специфики проблемы развертывания идеальных моделей государства в ее отношении к практическому аспекту общественной динамики.

Парадигмальный подход имеет значительную историю на уровне развития культуры, а его первоначальное значение состояло в выделении общих структурных особенностей рассматриваемой области, благодаря которому реализовывалось отражение многообразия опыта через конечное количество «парадигм» – образцов, в соответствии с которыми по аналогии производилось рассмотрение сходных явлений¹. Первоначальное применение парадигмального подхода в рамках риторики и лингвистики получило свое последующее развитие на уровне философии науки, где рассмотрение парадигмы как общего теоретического и методологического основания исследования было произведено в рамках философско-научной теории Т. Куна. Особенностью его подхода является рассмотрение в качестве парадигмы предельных оснований теоретической системы знания, общий характер и методология которых рассматриваются в неразрывной связи с исходными предпосылками ее формирования². Рассмотрение политической власти как парадигмы, таким образом, знаменует собой рассмотрение систематического характера государства, и вместе с тем – общих оснований формирования системы в том виде, в котором она имеет место. Вместе с тем применение парадигмального подхода имеет в данном отношении два существенных измерения: с одной стороны, в качестве парадигмы рассматривается теоретическая модель общества в ее предельных основаниях, с другой – система государства, как практической модели, направленной на удовлетворение социальных нужд членов общества. В данном случае приобретает значительную степень актуальности одна из центральных проблем философии науки Т. Куна – проблема соответствия опыта исходным основополагающим установкам парадигмы. Для обоих рассматриваемых нами аспектов в качестве области опыта выступает социальная действительность, однако на уровне рассмотрения адекватности политической теории речь идет о проблеме адекватности рассмотрения существующих проблем и тенденций

¹ Термин парадигма в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 15–32.

² Кун Т. Структура научных революций. М.: ПРОГРЕСС, 1977. 300 с. С. 17–27.

в рамках общества, в то время как на уровне практики осуществления государственной деятельности (что представляет собой формирование системы государственных мер и различных социальных норм) в качестве сферы опыта выступает динамика социальных отношений. Соответственно, в рамках рассмотрения власти в ее практическом аспекте, как парадигмы, в качестве критериев адекватности парадигмы будет рассматриваться, с одной стороны, соответствие применяемых мер существующим на уровне общества проблемам, с другой стороны – возникновение новых социальных проблем в результате осуществления государственной политики, как основание для определения абстрактности реализуемой политической программы.

Исходной точкой постановки вопроса о парадигмах, как теоретических основаниях создания системы знания, является сама по себе постановка вопроса о наличии моделей. Ее противоположностью является представление о естественном поступательном развитии знания, в рамках которого в общем ключе производится уточнение сведений об определенной сфере исследуемой действительности¹. Однако такой подход, по сути, отрицает возможность существования принципиально различных позиций в определенных вопросах, и в частности – проблему исторического развития заблуждений. Этот подход – своеобразное «чистовое» рассмотрение системы знания, отражающее не столько ее исторический аспект развития, сколько конечный результат и вклад в него отдельных исследований. Игнорируя окольные пути развития знания, представители такого подхода, таким образом, уходят от исторического и методологического аспекта развития знания. Напротив, парадигмальный подход в значительной мере способствует детализации и периодизации исторических этапов развития знания, вскрывая их систематический характер. Применяя данное разделение на уровне исследования динамики политической власти и государства в целом мы можем, соответственно, рассматривать ее в качестве непрерывного поступательного развития, представляющего собой естественный и в определенной мере – эклектичный процесс преобразования отдельных элементов общественного устройства. Или же, напротив – рассмотреть проблему в ее систематическом измерении, в рамках которого можно определить общую направленность государственной политики. Таким образом, процесс осуществления политической власти может приобретать двоякий характер: как неразличенное действие,

¹ Дегтярев А. А. Основы политической теории: учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». М.: Высш. шк., 1998. С. 109.

представляющее собой реакцию на разворачивающиеся события, или же как осознанный процесс, в рамках которого производится рассмотрение внутри- и внешнеполитической ситуации в систематическом ключе. В данном аспекте правомерен вопрос: имеет ли место в рамках существующей власти систематичность определения применяемых мер, или же речь в значительной степени также идет о естественных процессах реакции на существующие актуальные общественные проблемы? Ответ на этот вопрос существенно облегчает решение проблемы определения эффективности государственной политики.

Вместе с тем на уровне анализа практико-управленческой деятельности представителей политической власти уже нельзя отрицать наличие определенных социологических моделей, в рамках которых производится обобщение разнообразных данных, отражающих на уровне отдельных фактов и статистических материалов ситуацию в обществе [6]. Кроме того, такое явление, как политическая программа партии или отдельного кандидата, представляет собой не что иное, как модель общественной ситуации и систему предлагаемых мер, направленных на устранение обозначенных в политической программе проблем. На этом уровне следует уточнить вопрос масштабности в рассмотрении парадигм. Парадигмальная позиция предполагает предельно общий характер системы, как ценностного, теоретического и методологического основания развертывания науки на определенном историческом этапе ее развития. В этом отношении в качестве парадигмы следует рассматривать предельно общие основания власти – государственный строй, форму правления и структуру общества, что с одной стороны формируется в качестве результата исторического развития государства, с другой – определяется состоянием общества в целом, на что обратил внимание К. Маркс в своей теории общественных формаций. Данная проблема имеет обширную традицию исследования и восходит еще к трудам Платона и Аристотеля, в рамках которых была произведена классификация типов правления и отражена идея наличия общих закономерностей их смены¹. Однако столь общее применение парадигмальной теории не является его единственно возможным методологическим применением, поскольку, как это впоследствии продемонстрировал сам Т.Кун, методология исследования парадигм может быть применена и на частные области знания в случае, если достаточно хорошо определена их целостная предметность. В данном отно-

1 Лейст О. Э. История политических и правовых учений. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. 688с. С. 48–59.

шении применение парадигмального подхода на уровне рассмотрения политических сил и их направленности знаменует собой более частное приложение данного метода, посредством которого производится рассмотрение не только общества в целом, но также и его политической модели, в рамках которой производится определение наиболее актуальных направлений исследовательски-оценочной и регулятивной деятельности политической власти.

Библиография

1. Дегтярев А. А. Основы политической теории: учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». М.: Высш. шк., 1998. С. 105–107.
2. Термин парадигма в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 15–32.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: ПРОГРЕСС, 1977. 300 с. С. 17–27.
4. Дегтярев А. А. Основы политической теории: учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». М.: Высш. шк., 1998. С. 109.
5. Лейст О. Э. История политических и правовых учений. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. 688с. С. 48–59.

*ЗУБКОВ Сергей Александрович,
доктор философских наук, профессор кафедры
«Политология, история и социальные
технологии» МИИТа,
gimiit@gimiit.ru*

*ЕВЛАЕВ Андрей Николаевич,
кандидат политологических наук,
доцент кафедры «Политология,
история и социальные технологии» МИИТа,
evlaev@my.com*

**Формы и методы научно-экономической политики
современного российского государства / Forms
and methods of scientific and economic policies
of modern Russian state**

Аннотация

Статья посвящена анализу государственной политики и государственной поддержки инновационной деятельности современного российского государства. Детально показано состояния науки и техники в России в конце 1990-х начале 2000-х годов. В статье проведен политический анализ форм и методов научно-технической политики в постперестроечной России.

Ключевые слова

Государственная политика; постсоветская Россия; государственная поддержка инновационной деятельности; приватизация российской отраслевой науки; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года; программа инновационного развития ОАО «РЖД».

Annotation

This article analyzes public policy and state support of innovation activity of the modern Russian state. Condition of

science and technology in Russia in the late 1990s and early 2000s is shown in details. The article gives a political analysis of forms and methods of science and technology policy in the post-reorganization period in Russia.

Keywords

State policy; post-Soviet Russia; government support for innovation; privatization of the Russian branch of science; The strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020; program of innovation development of «Russian Railways».

Радикальные изменения, происходящие в нашей стране, глубоко затронули многие государственные и общественные институты. Коснулись они также форм и методов государственной научно-технической политики. При этом в 90-е и в начале 2000-х годов считалось, что науки в нашей стране слишком много и шел процесс сокращения российского научно-технического потенциала, который представляет собой совокупность кадровых, материально-технических, финансовых и организационных ресурсов, необходимых для выполнения наукой и техникой их социальных функций. О состоянии научно-технического потенциала нашей страны в этот период свидетельствуют данные таблицы.

Таблица

Основные показатели состояния науки и техники в России в период с 1995 по 2003 г.

Показатели	1995	1998	1999	2001	2003
Ассигнования на науку и технику из средств федерального бюджета в процентах к валовому внутреннему продукту	0.54	0.40	0.50	0.54	0.71
Суммарные расходы на науку и технику изо всех источников, в процентах к валовому внутреннему продукту	0.85	0.93	1.06	1.24	1.25
Число исследователей на 10000 населения, человек	60	77	78	78	75

Данные таблицы показывают, что основные показатели развития научно-технического потенциала России в период 1995-2003 гг. являлись низкими. Для сравнения: в среднем для стран ОЭСР доля расходов на НИОКР в ВВП составляла в этот период около 2%,

а доля расходов промышленности в общих расходах на науку и разработки – 62,3%¹. По показателям результативности НИОКР (патентная активность, цитирование и др.) Россия отставала от стран-лидеров в 5 – 10 раз².

Переход к рыночной экономике в нашей стране сопровождался стремительным сокращением государственных расходов на исследования и разработки. Это повлекло за собой значительный отток кадров из науки: если в 1989 году на 10 000 экономически активного населения в России приходилось 130 исследователей, то к 1995 году этот показатель упал до 60³.

Особенно в тяжелых условиях оказались организации РАН, сохранившие свой государственный статус. Многие из них не смогли адаптироваться к стремительным темпам рыночных преобразований и существовали за счет единичных эффективно работающих лабораторий и научных групп, а также ненаучных доходов (таких, например, как сдача помещений в аренду). Попытки руководителей РАН расширить представление о функциях науки, показать, для чего она нужна нашему обществу, преподносились представителями власти чуть ли ни как ее «антирыночный саботаж». Их обвиняли в стремлении сохранить неприкосновенным доставшийся от советских времен потенциал фундаментальной науки.

Так, Салтыков Б.Г., министр науки и технической политики Российской Федерации в 1993—1995 гг., писал: «А может быть, все-таки пора понять, что Россия на пороге веков – это (увы) не Америка, что наша экономика ближе, например, к португальской и что надо строить эффективную сферу НИОКР в расчете на те ресурсы, которые общество может сегодня реально в нее инвестировать? ... В ближайшее десятилетие страна может позволить себе совсем другую (весьма отличную от советской) науку – компактную, гибкую, частично ушедшую непосредственно в промышленность, частично слившуюся с образованием. С одной стороны, только такая наука выживет в жесткой конкурентной среде, лишенной безответственного бюджетного патернализма, а с другой – только такая наука может помочь нашей стране выстоять в международных экономических баталиях наступающей глобализации».

В этих словах Б.Г. Салтыкова можно отметить его точку зрения на интеграцию науки и образования как на процесс простого «перено-

¹ Наука России в цифрах: 1996. – Статистический сборник. – М.: ЦИСН, 1996, С.34, 85.

² Гапанович В.А. Инновационная деятельность Российских железных дорог // Евразия. Вести, 2011, № 9, с. 4-5.

³ Дежина И.Г. Основные направления реформ в российской науке: цели и результаты // Информационное общество, 2006, вып. 1, с. 50-56

са» отечественной науки, в том числе и академической, в вузы, который представляет заимствование западной формы ее организации¹.

При этом явно недооценивается то, что у нас исторический опыт возникновения и организации науки совершенно другой, чем на Западе. К тому же вузовская наука у нас переживает не лучшие времена, поскольку доценты и профессора «вынуждены крутиться», зарабатывая на жизнь разными способами, и на исследования у них не остается времени.

Недооценивается и мнение многих ученых о том, что западная наука эффективна не благодаря, а вопреки тому, что она развивается в университетах, поскольку преподавание поглощает немало времени.

Обосновывая недофинансирование деятельности организаций РАН (более чем вдвое), Б.Г. Салтыков писал: «Фундаментальные исследования – это исследования, выполняемые для всего мира; как мы шутим, такие страны «топят вселенную этими исследованиями». Государство никакой отдачи от них не имеет, потому что их результаты открыто публикуются, и они становятся достоянием всего мира». Очень характерные для него также следующие высказывания: «... Фундаментальные исследования как феномен – это виртуальная реальность», «... фундаментальные исследования – это удел очень богатых экономик вообще», «... в РАН примерно 40 % работ не являются фундаментальными, и это скорее заслуга – реализуется выход в практику»².

Под руководством Б.Г. Салтыкова была начата приватизация отраслевых НИИ, которая нанесла большой ущерб научно-техническому потенциалу нашей страны. Известно, например, что численность КБ, приватизированных в начале 90-х г., быстро сокращалась – с 513 в 1996 г. до 228 в 2003 г. Численность занятых в этих организациях также падала – со 114 тыс. чел. (1996) до 42 тыс. чел. (2003).

Оправдывая такие результаты деятельности Министерства науки и технической политики Российской Федерации, Б.Г. Салтыков писал: «Проведенная поспешно и с ошибками приватизация отраслевых научно-технических организаций, тем не менее, открыла путь к созданию нормальной для рыночной экономики «внутрифир-

¹ Евлаев А.Н. Взаимодействие бизнеса и государства в современной России: на примере железнодорожной отрасли: диссертация. – М., 2010. -167 с.

² Рекомендации по разработке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий. Утверждены решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 3.08.2010 г., протокол № 4. // Официальный сайт Правительства РФ.

менной» науки. Появилось много примеров успешно работающих научно-технических структур, практически целиком финансируемых промышленными предприятиями»¹. Вместе с тем факты опровергают утверждения Б.Г. Салтыкова. Проведенные исследования влияния экономического кризиса 2008 г. на научно-техническую деятельность российских компаний дали следующие результаты.

К концу декабря 2008 г. расходы частных компаний на реализацию инновационных проектов сократились почти на 80 % с начала кризиса, бизнес-ангелов — на 50 %, венчурных фондов — на 40 %. По проектам, выполняемым в рамках Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007-2012 годы», компании стали нарушать свои финансовые обязательства, что привело к расторжению ряда контрактов, выполнявшихся совместно с научными организациями (вузами). Обязательства по внебюджетному финансированию проектов НИОКР в рамках ФЦП были выполнены на 60-70 %. Характерно, что сокращение собственных подразделений НИОКР в компаниях не привело к более активному сотрудничеству компаний с организациями государственного сектора науки. Компании в целом негативно оценивали опыт сотрудничества с организациями государственного сектора науки².

К 2011 году в среде российских политиков и руководителей народного хозяйства сложилось единодушное понимание базового принципа реформирования национальной экономики, которое сводится к инновационному пути развития. Это послужило основой существенного обновления форм и методов научно-технической политики, что нашло выражение в ряде стратегических документов. В соответствии с ними сейчас осуществляются меры по стимулированию инновационного поведения госкомпаний и естественных монополий, происходит наращивание расходов на софинансирование частных инновационных проектов, расширение поддержки институтами развития.

В результате такой поддержки в 2012 г. разработку и внедрение технологических инноваций осуществляли 9,9% предприятий промышленного производства (9,6% в 2011 г. и 9,3% в 2010 г.). Наивысшие значения индикатора инновационной активности характер-

¹ Салтыков Б.Г. Реформирование российской науки: анализ и перспективы // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 25-41.

² Дежина И.Г. Российская научная политика в условиях кризиса // Социология науки и техники, 2010, Т.1, №1, с.67-88. 4. Егоров С.В., Юшин В.П. Будущее российской науки в работах перестроечных авторов – взгляд через 20 лет // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 7-19.

ны для высокотехнологичных секторов. В 2012 г. соответствующая величина достигла 30,1%, приближаясь к среднеевропейским показателям. Выпуск инновационной продукции промышленных предприятий достиг в 2012 г. 2,5 трлн. руб., что на 25% выше, чем в предыдущем году. В общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг ее доля достигла 7,8%. Это самая большая величина за весь период наблюдения инновационной активности в экономике с середины 1990-х годов.

Среди форм и методов научно-технической политики, которые сейчас активно использует российское государство, особое место занимает административно-правовое регулирование инновационной деятельности госкорпораций, а также компаний со 100% государственным участием. Это выражается в том, что по инициативе Правительства РФ крупнейшие из данных компаний реализуют программы инновационного развития. Цель инициативы в том, чтобы направить компании в первую очередь на ускорение собственного технологического развития. Кроме того, через госкомпании как субъекты экономики государство на правах собственника стремится реализовать возможность развития национальной инновационной системы и субъектов инновационной среды (вузов, малых и средних инновационных предприятий). О том, что это не абстрактная, а вполне реальная возможность, свидетельствует анализ процесса разработки и реализации программы инновационного развития компании со 100% государственным участием ОАО «РЖД».

Программа инновационного развития РЖД реализует 12 стратегических направлений, среди которых можно выделить следующие:

1. система управления перевозочным процессом и транспортная логистика;
2. высокоскоростное движение и инфраструктура;
3. корпоративная система управления качеством;
4. повышение энергетической эффективности основной деятельности;
5. внедрение инновационных спутниковых и геоинформационных технологий¹.

Крайне важная роль в программе отводится развитию высокоскоростного железнодорожного транспорта, которое придаст дополнительный импульс научно-техническому развитию и совершенствованию технологий практически во всех смежных отраслях от машиностроения до интеллектуальных вычислительных систем,

¹ Фомичев О. Реализация стратегии инновационного развития в 2013 году. - В кн. «Новая экономика. Инновационный портрет России». - М.: НП «Центр стратегического партнерства», 2013, с. 37-41.

обеспечивая дальнейшее стимулирование научно-технического и интеллектуального потенциала страны, в первую очередь, за счет размещения на отечественных предприятиях заказов на создание новых образцов техники мирового уровня. Данное приоритетное направление программы будет реализовываться с учетом перспективы формирования проекта «Высокоскоростной интеллектуальный железнодорожный транспорт», инициированное компанией.

Важным направлением программы инновационного развития РЖД является энергосбережение и повышение энергоэффективности. В этой связи главными задачами программы определены:

1. надежное энергетическое обеспечение всех сфер деятельности компании;
2. коренное улучшение структуры управления энергетическим комплексом ОАО «РЖД» на основе современных информационных технологий, систем учета и мониторинга топливоэнергопотребления, взаимовыгодных отношений с производителями и поставщиками энергоресурсов;
3. значительное снижение энергоемкости перевозочного процесса;
4. оптимизация энергетических затрат в стационарной энергетике;
5. снижение рисков в энергообеспечении железнодорожного транспорта;
6. минимизация техногенного воздействия железнодорожной энергетики на окружающую среду.

Планы энергосбережения и повышения энергоэффективности, сформулированные в программе инновационного развития РЖД до 2015 г., являются продолжением и конкретизацией «Энергетической стратегии ОАО «РЖД». В ее рамках с 2005 года энергоемкость производственных процессов снижена более чем на 22%. Повышению энергоэффективности холдинга способствует переход в автономной тяге на газовые технологии, газотурбовозы и газотепловозы, с созданием инфраструктуры газоснабжения, а в последующем – переход на топливные элементы и другие альтернативные виды энергоресурсов.

Одним из самых эффективных направлений энергосбережения является работа по переводу пассажирских поездов на энергооптимальные графики. В 2011 году была завершена реализация программы внедрения энергооптимальных расписаний на основных пассажирских направлениях. Только за 1 полугодие 2011 г. экономия от реализации энергосберегающих мероприятий с при-

менением систем автоведения и энергооптимальных графиков составила 8,9 млн. кВт/ч.

Основой для реализации программы инновационного развития является дальнейшее укрепление научно-технического сотрудничества с высшими учебными заведениями. Важная роль отводится такому направлению, как формирование и обеспечение непрерывного процесса образования для подготовки кадров и воспитание молодежи.

Работа компании по взаимодействию с отраслевыми вузами проводится в соответствии со Стратегией развития кадрового потенциала ОАО «РЖД» на период до 2015 г. Для совершенствования этой работы в 2010 году создан Координационно-методический совет по вопросам подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием.

Основной акцент в подготовке будущих работников компании сделан на подготовку специалистов (т.е. обучение по 5-летним программам). В настоящее время совместно с учебными заведениями разработаны и реализуются программы подготовки магистров, общее количество которых в 2012 г. составило 10 человек. В 2010 году в целом по очной форме обучения на условиях целевой подготовки по направлению РЖД обучались в вузах 17,2 тыс. чел.

Одним из важнейших направлений сотрудничества является взаимодействие компании и вузов в области научных исследований и представительство вузов в научно-техническом совете ОАО «РЖД». Участие вузов в реализации плана научно-технического развития ОАО «РЖД» можно охарактеризовать следующим образом: с 2008 года вузами железнодорожного транспорта выполнено работ на сумму более 375 млн. рублей. В 2011 году финансирование отраслевых вузов по плану научно-технического развития ОАО «РЖД» планировалось более чем на 190 млн. рублей.

Наряду с привлечением вузов к реализации плана научно-технического развития ОАО «РЖД», учреждены гранты для молодых ученых на проведение научных исследований, результаты которых могут быть внедрены в ОАО «РЖД». Молодые ученые вузов, занимающиеся научной работой, принимают активное участие в конкурсах. Научно-исследовательские работы, поступающие на конкурс грантов, рассматриваются Экспертной комиссией, в состав которой входят проректоры по научной работе ряда вузов.

В рамках реализации постановления Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по

созданию высокотехнологичного производства» МИИТ при поддержке ОАО «РЖД» выполняет работу «Инновационная ресурсосберегающая производственно-транспортная система, обеспечивающая безопасную и быструю перевозку грузов с конкурентным уровнем затрат на эксплуатацию и ремонт основных средств железнодорожного транспорта (на полигоне Рыбное – Челябинск)».

Указанный проект направлен на создание интеллектуальных методов организации перевозки и ремонта объектов железнодорожного транспорта, предусматривающих поэтапный отказ от планово-предупредительных видов работ с жесткими нормативами в направлении активного использования прогнозных систем, средств моделирования и заблаговременного обнаружения «узких мест» в организации перевозочного процесса. В соответствии с условиями договора с Министерством образования и науки Российской Федерации финансирование работы на период 2010-2012 годов из федерального бюджета планировалось в сумме 98 млн. рублей. В рамках выполнения принятых компанией обязательств РЖД в течение трех лет планировало направить на реализацию проекта порядка 416 млн.руб.

Управление процессом реализации программы опирается на созданную корпоративную систему управления инновациями ОАО «РЖД», которая представляет собой единую комплексную систему воздействия на инновационный процесс с целью получения технологий и продуктов, наиболее адекватных рыночным условиям для покрытия потребности подразделений компании в современной технике и технологиях и обеспечивающую проведение единой инновационной политики.

Данная система последовательно выполняет следующие функции:

1. прогнозирование научно-технического развития отрасли;
2. стратегическое планирование инноваций;
3. мониторинг и контроллинг инновационных процессов;
4. бюджетирование инновационных процессов.

Задачей прогнозирования научно-технического развития отрасли является получение научно обоснованных вариантов развития железнодорожного транспорта. На основе полученных прогнозных тенденций осуществляется разработка стратегических планов, которые реализуются в виде крупных проектов по созданию, освоению и распространению технологий, способствующих кардинальным изменениям в технологическом базисе экономики, а также развитию фундаментальных исследований, научно-техническому обеспечению социальных программ, программ международного сотрудничества.

Реализация функции мониторинга и контроллинга инноваций базируется на системе пороговых экономических индикаторов развития инновационной среды, которая позволяет также отслеживать изменение отраслевого научно-технического потенциала. Пороговое значение индикатора соответствует величине, при которой обеспечивается минимально допустимый уровень экономической безопасности ОАО «РЖД».

В содержание функции бюджетирования входит определение источников финансового обеспечения научно-технической деятельности, которое основывается на его целевой ориентации. Целевая ориентация финансирования предполагает, во-первых, выделение средств для сохранения и развития стратегического ядра научно-технического потенциала и, во-вторых, финансовую поддержку приоритетных направлений научно-технического развития.

Управление инновационным развитием РЖД централизовано в Корпоративном центре и его территориальных (региональных) филиалах, в дирекциях, дочерних и зависимых обществах (ДЗО). При этом в Корпоративном центре эти функции выполняются Департаментом технической политики, Департаментом экономической конъюнктуры и стратегического развития, Центром инновационного развития, Центром технического аудита, Управлением по вопросам интеллектуальной собственности и Центром научно-технической информации и библиотек.

Также создан Объединенный ученый совет, который включил в себя ведущих представителей российской науки, в том числе академической. В его задачи входит выработка направлений научно-технического развития, формирование научных приоритетов и предложений по решению прорывных задач, организация проектного управления приоритетными научными исследованиями.

Подводя итоги политического анализа форм и методов научно-технической политики в постперестроечной России, следует отметить, что их применение в 90-е годы и в начале 2000-х годов было направлено на сокращение научно-технического потенциала, доставшегося нашей стране от Советского Союза. Этим целям служило недофинансирование академического и приватизация отраслевого секторов НИОКР.

С 2011 года происходит наращивание государственных расходов на софинансирование частных инновационных проектов. По инициативе Правительства РФ крупнейшие компании с государственным участием реализуют программы инновационного развития. В результате внебюджетное финансирование НИОКР в 2012 г. росло опережающими темпами по сравнению с увеличением их финан-

сирования за счет бюджетных средств (в номинальном выражении 79,4 против 57,7%, в реальном выражении – 57,5 против 38,4%). Объемы патентования выросли на 17,5%, а выручка от продаж инновационной продукции – в 2,1 раза в номинальном выражении (с 250,1 млрд. до 500,3 млрд. руб.) и в 1,9 раза в реальном выражении.

Библиография

1. Гапанович В.А. Инновационная деятельность Российских железных дорог // Евразия. Вести, 2011, № 9, с. 4-5.

2. Дежина И.Г. Основные направления реформ в российской науке: цели и результаты // Информационное общество, 2006, вып. 1, с. 50-56.

3. Дежина И.Г. Российская научная политика в условиях кризиса // Социология науки и техники, 2010, Т.1, №1, с.67-88. 4. Егерев С. В., Юшин В. П. Будущее российской науки в работах перестроенных авторов — взгляд через 20 лет // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 7-19.

4. Наука России в цифрах: 1996. – Статистический сборник. - М.: ЦИСН, 1996, С.34, 85.

5. Программа инновационного развития ОАО «Российские железные дороги» на период до 2015 года. Утверждена советом директоров ОАО «РЖД» (протокол № 13 от 24.06.2011).

6. Рекомендации по разработке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий. Утверждены решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 3.08.2010 г., протокол № 4. // Официальный сайт Правительства РФ.

7. Салтыков Б. Г. Реформирование российской науки: анализ и перспективы // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 25-41.

8. Евлаев А.Н. Взаимодействие бизнеса и государства в современной России: на примере железнодорожной отрасли: диссертация. -М., 2010. -167 с.

9. Фомичев О. Реализация стратегии инновационного развития в 2013 году. В кн. «Новая экономика. Инновационный портрет России». – М.: НП «Центр стратегического партнерства», 2013, с. 37-41.

10. Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020годы». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2013 г. N0 426.

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*ГАЙКАЛОВ Сергей Иванович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Сервис и туризм»
Московского государственного университета
путей сообщения
gimiit@gimiit.ru*

Оценка стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР накануне Великой Отечественной войны/ Evaluation of the strategic deployment of the Armed Forces of the USSR on the eve of the Great Patriotic War

Аннотация

Статья посвящена событиям накануне Великой Отечественной войны. В работе рассмотрены мероприятия военно-политического руководства Советского Союза по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил, которые во многом предопределили ход и исход военных действий на советско-германском фронте как летом и осенью 1941 г, так и Великой Отечественной войны в целом.

Ключевые слова

История; Великая Отечественная война; СССР; военная стратегия.

Annotation

The article is devoted to events on the eve of the Great Patriotic War. The paper discusses the events of military and political leadership of the Soviet Union for the strategic deployment of the Armed Forces, which largely determined the course and outcome of hostilities on the Soviet-German front in the summer and autumn of 1941 and the Great Patriotic War in total.

Key words

History; The Great Patriotic War; the USSR; military strategy.

Минуло более 70-ти лет с начала самой кровопролитной войны в истории нашего народа, а как среди историков, специалистов, так и в широких слоях общественности не стихают споры, высказываются, порой, полярные мнения относительно правомерности принятия решения советским военно-политическим руководством о стратегическом развертывании Вооруженных Сил СССР к июню 1941 г.

Исходя из прогнозирования реальной возможности ведения войны Советским Союзом на два фронта, а именно: на Западе – против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией (примерно 233 дивизии), и на Востоке – против Японии (до 50 дивизий), главным театром обоснованно признавался Западный, на котором и сосредоточивались основные усилия Вооруженных Сил СССР. В этой связи в пяти западных приграничных военных округах на 22 июня 1941 г. было развернуто от 48 процентов стрелковых (мотострелковых) дивизий до 100 процентов артиллерийских бригад ПТО. С учетом же выделенных соединений из внутренних военных округов в стратегический резерв на Западном театре военных действий предполагалось развернуть 138 стрелковых (мотострелковых) дивизий (69 процентов от общего их числа), а также две стрелковые бригады (67 процентов), 7 кавалерийских дивизий (54 процента), 49 танковых дивизий (81,5 процента), 24 механизированные дивизии (79 процентов), 12 воздушно-десантных бригад (75 процентов), 10 артиллерийских бригад ПТО (100 процентов), 45 артиллерийских полков РКК (61 процент), 31 зенитно-артиллерийский полк ПВО (53,5 процента). В общей сложности это составляло около 70 процентов всех сил Красной Армии.

Как следует из данных таблицы 1, еще большее усиление группировки войск на Западе могло быть осуществлено либо за счет ослабления группировок, развернутых на Дальнем Востоке против Японии и юге против Турции, либо за счет дополнительного передислоцирования соединений из внутренних военных округов на Запад.

Таблица 1

Группировки войск Красной Армии на 22 июня 1941 г.

Объединения и соединения	Всего	В западных округах	В южных округах	В дальневосточных округах	Во внутренних округах	
					всего	В т.ч. стр. рез.
Общевойсковые армии	23	11	-	5	7	7
в %	100	48	-	22	30	30
Стрелковые (мотострелковые) дивизии	198	96	14	23	66	42
в %	100	48	7	12	33	21
Стрелковые бригады	3	2	-	1	-	-
в %	100	67	-	33	-	-
Кавалерийские дивизии	13	7	5	1	-	-
в %	100	54	38,5	7,5	-	-
Танковые дивизии	61	39	4	4	14	10
в %	100	65	6,5	6,5	22	16,5
Механизированные дивизии	31	19	2	3	6	5
в %	100	61	6	0	20	16
Воздушно-десантные бригады	16	12	-	1	3	-
в %	100	75	-	6	19	-
Артиллерийские бригады ПТО	10	10	-	-	-	-
в %	100	100	-	-	-	-
Артиллерийские полки РГК	74	41	5	14	14	4
в %	100	55,5	6,5	19	19	5,5
Зенитно-артиллерийские полки ПВО	58	27	10	5	16	4
в %	100	46,5	17	8,5	28	7

В этой связи необходимо отметить, что заключенный 13 апреля 1941 г. между правительствами СССР и Японии пакт о нейтралитете не давал полной гарантии безопасности дальневосточных рубежей страны. Поэтому советское военно-политическое руководство обоснованно вынуждено было содержать на Дальнем Востоке группировку, способную сдерживать развязывание войны милитаристской Японией и, при необходимости, отразить агрессию с ее стороны.

Анализ данных таблицы 2 позволяет сделать вывод, что развернутые в дальневосточных округах силы и средства могли не только гарантированно отразить вторжение войск противника, но и при необходимости перенести боевые действия на его территорию. В случае же оставления за дальневосточной группировкой советских войск только оборонительных задач, на наш взгляд, представлялось возможным передислоцировать оттуда на Запад около пяти стрелковых, двух танковых, двух механизированных и шести авиационных дивизий. Однако расчеты показывают, что такое решение позволило бы усилить западную группировку советских войск по стрелковым дивизиям лишь на 2,5 процента, танковым – на 3 процента, механизированным – на 6 процентов, авиационным – на 7,5 процентов.

Таблица 2

Соотношение сил и средств группировок войск СССР и Японии на 22 июня 1941 г.

Силы и средства	СССР	Япония	Соотношение
дивизии*	44	50	1:1,1
танки	3793	1200	3,2:1
самолеты	3700	3000	1,2:1

*-Без учета одной стрелковой и одной воздушно-десантной бригад.

Аналогичные расчеты по группировке советских войск на Южном театре позволяют предположить, что советское командование могло высвободить для усиления группировки войск на Западе еще около трех стрелковых (1,5 процента от их общего числа), двух кавалерийских (15 процентов), двух танковых (3 процента), одной механизированной (3 процента) и одной авиационной (1 процент) дивизий. Но и это усиление войск западных приграничных военных округов не могло коренным образом изменить соотношение в силах и средствах на Западе.

В целом же, учитывая характер и реальные итоги военных действий в начальном периоде Великой Отечественной войны, можно с большой долей уверенности утверждать, что выделение дополнительных сил в первый стратегический эшелон на Западе за счет Дальневосточного и Южного направлений, с одной стороны, не могло оказать существенного влияния на повышение возможностей советских войск по отражению фашистской агрессии, а с другой – увеличивало риск потери большого количества кадровых соединений Красной Армии уже в первые недели войны, на что и рассчитывало гитлеровское руководство. К этому следует добавить, что ослабление группировок войск на Дальнем Востоке и южных границах могло спровоцировать столь нежелательное для СССР вступление в войну на стороне фашистской Германии Японии и Турции, а, следовательно, и перспективы ведения войны на два, а то и на три фронта.

Таким образом, вариант усиления войск западных приграничных военных округов за счет группировок на Дальневосточном и Южном театрах военных действий к лету 1941 г. представляется нецелесообразным и, более того, опасным.

Рассмотрим вариант усиления группировки Вооруженных Сил СССР на Западе за счет соединений из внутренних военных округов.

Как следует из данных таблицы 1, в них, исключая силы, выделенные в стратегический резерв, оставалось 12 стрелковых дивизий (11 процентов от их общего числа), четыре танковых дивизий (6,5 процентов), одна механизированная дивизия (3 процента), три воздушно-десантные бригады (19 процентов), 13 авиационных дивизий (16,5 процентов) и две авиационные бригады (40 процентов). При этом следует заметить, что эти соединения содержались по штатам мирного времени и были укомплектованы вооружением и техникой в основном старого образца. Учитывая же факт срыва с началом войны планового отмобилизования войск, дивизии из внутренних военных округов без проведения всеобщей мобилизации были не способны существенно усилить группировку советских войск на Западе.

Если все же предположить вариант их заблаговременной передачи в состав западных приграничных военных округов, то результат, по нашему мнению, оказался бы следующий. Во-первых, значительно большие потери кадровых соединений Красной Армии в ходе первых операций. Во-вторых, резкое снижение возможностей по увеличению численности Вооруженных Сил СССР за счет мобилизационных ресурсов. В-третьих, более негативные последствия исхода начального периода войны и всей летне-осен-

ней кампании 1941 г. Суть проблемы в том, что соединения внутренних военных округов с началом Великой Отечественной войны явились, по существу, основным источником мобилизационного развертывания Вооруженных Сил СССР¹.

Таким образом, решая проблему распределения сил и средств по театрам военных действий, советское командование, на наш взгляд, приняло вполне целесообразное решение, адекватное реально складывающейся военно-политической обстановке на Западе, Востоке и Юге страны. Опыт показал, что с началом войны именно на основе сил из внутренних, а также дальневосточных и южных военных округов, советскому руководству удалось в самые критические моменты летне-осенней кампании 1941 г. сформировать и привлечь к отражению фашистской агрессии сильные и подготовленные стратегические резервы. В то же время, ни милитаристская Япония, ни Турция не решились развязать войну против Советского Союза.

Относительно распределения войск и сил на Западе по стратегическим направлениям важно, на наш взгляд, отметить следующее.

С развертыванием главных сил к югу от Брест-Литовска военным командованием СССР реализовывалась идея создания наступательно-оборонительной группировки. Ее суть заключалась в том, что войска Юго-Западного фронта во взаимодействии с частью сил Западного фронта должны были нанести мощный удар во фланг и тыл главной наступательной группировке противника, тем самым отрезать Германию от Балканских стран и лишить ее важнейших экономических баз. Одновременно предполагалось, что на минском направлении войска Западного фронта, ведя активную оборону, смогут противостоять удару главных сил противника.

По второму варианту, с развертыванием главных сил к северу от Брест-Литовска, замысел сводился к тому, чтобы в первые три недели войны активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления, а в последующем войсками Западного и Северо-западного фронтов перейти в наступление, нанести решительное поражение главным силам противника и овладеть Восточной Пруссией. Одновременно войсками Юго-Западного фронта, прикрывая частью сил Западную Украину и Бессарабию, нанести поражение южной группировке противника.

На практике к началу войны был реализован первый вариант – главные силы Красной Армии развертывались к югу от Брест-

¹ Так, с 22 июня по 1 декабря 1941 г. из резерва Ставки в действующую армию было направлено 97 кадровых дивизий, сыгравших немаловажную роль в срыве гитлеровского блицкрига.

Литовска. При этом ярко выраженного сосредоточения основных усилий при создании группировок войск по направлениям не отмечалось. Так, реальные показатели соотношения сил и средств на юго-западном направлении к 22 июня 1941 г. только по танковым дивизиям, танкам и самолетам оказались несколько выше, чем на Западном направлении. В то же время оперативные плотности сил и средств в полосе Белорусского особого военного округа были несколько выше, нежели на Юго-Западном направлении.

Отсюда в качестве основополагающих выводов правомерно отметить:

Вопреки устоявшимся мнениям о якобы допущенных просчетах советского командования в определении направления главного удара противника, оценка разработанных в 1940-1941 гг. планов наглядно свидетельствует, что Генеральный штаб группировку войск противника на минском направлении однозначно расценивал как главную.

Показатели соотношения сил и средств и их оперативные плотности на Западном и Юго-Западном стратегических направлениях были примерно одинаковые и лишь на Северо-Западе они были несколько ниже.

Оценивая различные варианты распределения сил и средств по направлениям, возможность и целесообразность сосредоточения основных усилий Красной Армии на центральном участке советско-германского фронта, важно учитывать намерение советского военно-политического руководства громить агрессора в ходе решительных наступательных действий и более надежно прикрыть важное в военно-экономическом отношении Юго-Западное направление.

Таким образом, в целом отмечая целесообразность официально принятых взглядов на стратегическое развертывание Вооруженных Сил СССР накануне Великой Отечественной войны, необходимо признать, что при создании группировки войск на Западном театре военных действий были допущены некоторые просчеты относительно возможного варианта начала будущей войны. Однозначная установка советского политического руководства вести войну исключительно «малой кровью на чужой территории» в значительной мере сковала инициативу военного командования и не позволила ему, имея в целом достаточное количество сил и средств, создать оптимальные оборонительно-наступательные группировки войск, которые могли бы гарантированно отразить вторжение противника, а в последующем решительными наступательными действиями разгромить его.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

*ВОРОНОВ Виктор Васильевич,
доктор социологических наук,
Институт социальных исследований
Даугавпилсского Университета, Латвия
viktor.voronov@du.lv*

*АХМЕДЗЯНОВА Рузиля Маратовна.
кандидат социологических наук,
Тюменский государственный университет,
кафедра «Менеджмента, маркетинга и логистики»
r.akhmedzyanova@gmail.com*

Отечественные и зарубежные розничные торговые сети: некоторые особенности продвижения и деятельности/ Domestic and foreign retail chains: some features of the promotion and activities

Аннотация

В статье представлен анализ изменений, которые произошли на рынке розничной торговли, представленной отечественными и иностранными розничными торговыми сетями, выявлены особенности их деятельности по ассортименту потребительских товаров, ценовой политике, стимулированию сбыта. Эти особенности обусловлены ростом конкуренции и необходимостью соблюдения определенных формальных и неформальных правил в современной деятельности участников рынка розничной торговли.

Ключевые слова

Розничные торговые сети; потребительские рынки; рыночная экспансия.

Annotation

The paper presents an analysis of the changes that have occurred in the retail market, represented by domestic and

foreign retail chains, the peculiarities of their activities related to the range of consumer goods, pricing, sales promotion. These features are due to increased competition and the need to comply with certain formal and informal rules in the modern aspects of market retailers.

Keywords

Retail chains; consumer markets; market expansion

Российский рынок розничной торговли (“retail” – “ритейл”) быстро развивается, а население все интенсивнее посещает гипер-, супермаркеты и другие форматы магазинов сети розничной торговли. Обычно розничные сети обвиняются в дискриминации отечественных производителей, на них пытаются переложить ответственность за рост цен на продовольственные и другие товары. Поэтому изучение реальной ситуации и особенностей развития ритейла в России является актуальной и значимой научной задачей. В российском научном сообществе проблемы розничных торговых сетей исследовались разными авторами. Р.М. Ахмедзянова показала в региональном аспекте особенности развития розничных торговых сетей на потребительских рынках¹. Н.В. Кондратова установила зависимость между эффективностью функционирования розничных торговых сетей и качеством социального капитала: чем выше социальный капитал, тем успешнее работа розничной торговой сети². З.В. Котельникова представила типологию российских розничных сетей, провела обзор факторов их формирования в региональном аспекте и сделала вывод об их адаптационной стратегии развития³. В.В. Радаев раскрыл тенденции развития торговых сетей, которые обусловлены экспансией иностранного ритейла⁴. Среди зарубежных ученых можно выделить мнение Н.Флигстина, который не разделяет опасений о том, что экспансия глобальных торговых сетей на национальные рынки разрушит идентичность национальных предприятий и существую-

¹ Ахмедзянова Р.М. Социология потребительских рынков. // Власть. 2013. № 4. С.147-150.

² Кондратова Н.В. Профессиональное сообщество розничных торговых сетей и его стратификационные характеристики.// Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия «Социально-экономические науки». 2010. №4. С. 54-61.

³ Котельникова З.В. Особенности развития розничных сетей и торговых форматов в продовольственном секторе российской торговли в 2000-х годах (региональный аспект).// Мир России. 2009. № 3. С.151-172.

⁴ Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.

щие концепции контроля над их деятельностью¹. Наоборот, Г. Хэ-милтон и М. Петрович считают, что «революция» ритейла в эпоху глобальной конкуренции преобразует не только формы международной розничной торговли, но и экономическое развитие стран, затронутых этой революцией, а также мир товаров и практику их потребления². По их мнению, это привело к тому, что экономическая активность и власть на многих рынках оказалась на стороне розничных компаний – сетей, которые потеснили крупных производителей и заняли место локомотивов роста в глобальной экономике. «Революция» ритейла привела к метаморфозе рынка: фазы *обмена (обращения) и потребления* как моменты общественного воспроизводства стали приоритетными («первичными») по отношению к базовым фазам *производства и распределения* материального производства в силу большей гибкости функционирования и близости к конечному потребителю.

Вышесказанное позволяет сформулировать *исследовательскую задачу*, которая состоит в рассмотрении социально-экономических возможностей и ограничений развития российского рынка розничных торговых сетей (РТС) в современных условиях. Возможности определяются продолжающейся дифференциацией потребительского спроса по различным критериям: доход, статус, кредитоспособность, регион и другим. Ограничения связаны с разорением многих российских предприятий разных отраслей, производивших потребительские товары повседневного и длительного пользования. Их место занял товарный импорт, осуществляемый конкурирующими между собой зарубежными и отечественными РТС. Отечественные РТС проигрывают зарубежным в ценовой и ассортиментной политике по разным объективным и субъективным причинам (технологическим, финансовым, кадровым, коррупционным и другим).

Исследование динамики развития в последние годы российских и зарубежных РТС показывает активную интернационализацию крупных предприятий розничной торговли. В ситуации растущей конкуренции действующие участники рынка вырабатывают свои стратегии рыночных взаимодействий, на основании которых можно рассмотреть динамику развития РТС.

¹ Fligstein N. *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

² Hamilton G., Petrovic M. *Retailers as Market Makers* / Hamilton G., Petrovic M., Senauer B. (eds.). *The Market Makers: How Retailers are Reshaping the Global Economy*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 125–137.

Вероятность захвата территории крупными зарубежными РТС подталкивает российские РТС к рыночной экспансии не только в центральные, но и в отдаленные регионы страны. Одни участники рынка интенсивно выходят за пределы локальных территорий, другие, не преследуя цель территориального расширения, придерживаются стратегии укрупнения бизнеса через слияние, поглощение или образование закупочных союзов.

В целом в стране реализуется тенденция развития розничной торговли по опыту западноевропейских стран, то есть через укрупнение предприятий торговых сетей (все другие розничные точки: небольшие магазины, павильоны, киоски, торговые палатки, лавки и т.п. занимают до 4 процентов рынка). При этом сокращение числа малых и средних розничных торговых предприятий можно объяснить устойчивым ростом разнообразных современных торговых форматов: супермаркетов и гипермаркетов (магазины самообслуживания, где реализуются продовольственные, бытовые и другие товары, площадью от трехсот до пяти тысяч квадратных метров и выше). Проанализируем потребительские предпочтения в выборе торговых форматов на российском потребительском рынке на основе исследования «Обзор розничной торговли», проведенного компанией «Эрнст энд Янг» в 2011г.¹ Участникам исследования был задан вопрос, в каких торговых форматах они предпочитают покупать продукты питания, бытовую технику и электронику. Результаты опроса показали, что 55 процентов потребителей покупают бытовую технику и электронику в супермаркетах, 10 процентов – посредством интернет-магазинов, около 10 процентов – в небольших специализированных магазинах рядом с домом, а от 1 до 7 процентов используют для покупок гипермаркеты, рынки, торговые палатки, павильоны, дискаунтеры. Торговые форматы, популярные среди потребителей в России для покупок продуктов питания, отличаются от форматов, популярных для бытовой техники и электроники своим консерватизмом. Приобретая продукты питания, потребители отдают предпочтение традиционным торговым форматам, а именно небольшим магазинам «у дома» (36 процентов), рынкам, киоскам, павильонам (23 процентов), их основным преимуществом является удобное территориальное расположение. Предпочтение супермаркетам отдают 21 процент потребителей, гипермаркетам – 10 процентов, дискаунтерам – 3 процента, интернет-магазинам – 1 процент. Хотя бытовую технику и электронику предпочитают покупать в современных торговых форматах,

¹ Розничная торговля (рынок России). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>

а именно, супермаркетах, тем не менее, 21 процент респондентов приобретают там же и продукты питания. Скорее всего это связано с тем, что основными факторами, оказывающими влияние на выбор торговой точки, является ее расположение и стоимость товара. К перспективным форматам розничных торговых сетей эксперты консалтинговой компании, исследующие развитие крупных торговых сетей в Европе и в России, относят и дискаунтеры (магазины самообслуживания с низкими ценами, площадью от 500 до 1500 квадратных метров)¹. Поляризация потребительского рынка по торговым форматам будет продолжаться и в ближайшие годы.

Крупные сетевые структуры в розничной торговле обладают большими возможностями для организационно-технической модернизации торговли: реализации собственных крупных проектов, корпоративного инвестирования новых разработок, привлечения иностранных партнеров для осуществления инновационных проектов. При этом РТС в России функционируют в условиях весьма сложного конкурентного окружения, высокого уровня рисков, неопределенности и динамичности социально-экономической среды.

Российские РТС представляют все основные сегменты потребительского рынка (продовольственный, непродовольственный, комбинированный), которые имеют разные перспективы развития². Два основных сегмента представлены в структуре товарооборота отрасли следующим образом: продовольственные (46,5 процентов) и непродовольственные товары (53,5 процентов). При этом в последние годы проявляется тенденция роста доли непродовольственного сегмента и снижение доли продовольственного³. Перспективным современным направлением развития розничных сетей является Интернет-торговля. Ее уровень в России по сравнению с европейскими странами пока невысок, и к основным причинам этого эксперты относят неразвитость системы электронных платежей, проблемы с логистикой, низкую степень проникновения Интернета в ряд отдаленных регионов. Эксперты отмечают растущую тенденцию к совмещению электронной торговли с традиционными форматами со стороны крупных розничных сетей. В развитии интернет-магазинов, в первую очередь, заинтересованы представители непродовольственного сегмента потребительского рынка.

¹ Ритейл в Европе - результаты исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.retail.ru/article/all_retail/retail_europe/

² Розничная торговля (рынок России). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>

³ Оборот розничной торговли в РФ вырос в 2012 году на 5,9% [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/business/2013/01/25/1085915.html>

Электронную коммерцию планируют развивать 43 процента компаний непродуктового сегмента и только 25 процентов компаний, реализующих продовольственные товары¹. Согласно проведенному опросу среди участников исследования также можно отметить очень низкий уровень продаж интернет-магазинов в этих товарных сегментах, порядка 10 процентов от общего числа опрошенных потребителей. Формат интернет-магазинов еще не успел зарекомендовать себя на региональном рынке. Электронной торговле достаточно тяжело конкурировать с традиционными торговыми форматами в сегменте товаров повседневного спроса. В регионах функционирует большое количество супермаркетов и гипермаркетов, которые привлекают своими ценовыми стратегиями, и небольших магазинов «у дома», чьим преимуществом является удобное расположение.

Стратегии территориального расширения розничных сетей приводят к росту конкуренции между иностранными, федеральными и региональными торговыми сетями. Сейчас на потребительском рынке России представлены девять крупных РТС: шесть отечественных сетей («Х5 Ритейл Групп», «Магнит», «Дикси», «Лента», «Седьмой Континент», «О'Кей Групп») и три иностранных («Auchan», «ИКЕА», «Metro Group»). Прогнозируется устойчивый рост иностранных розничных торговых сетей на основе инвестиций в новое строительство и крупного формата их магазинов, и вытеснение региональных российских торговых компаний с их территориями влияния и продаж.

Крупные российские розничные торговые сети вынуждены продвигаться в отдаленные регионы посредством приобретения локальных компаний. При этом основной стратегией развития торговых сетей становится движение из крупных городов в средние и малые, а также из хорошо освоенных центральных регионов на Урал, в Сибирь и Дальний Восток². Вместе с тем, следует отметить, что темпы роста розничных торговых сетей замедлились до менее 6 процентов в 2012-2013 годах. Причины данной тенденции различны. К ним можно отнести неблагоприятные общие экономические условия развития страны (низкий рост ВВП, уменьшение населения, снижение его реальных доходов из-за несбалансированной структуры спроса и предложения на рынке труда и существующей политики потребительского кредитования, устойчивый

¹ Розничная торговля (рынок России). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>

² Розничная торговля (рынок России). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>

рост издержек в производстве и логистике). Налоговое администрирование и антимонопольное регулирование продолжают вполне оправданную политику вмешательства государства в деятельность розничных торговых сетей (снижение нормативного уровня индивидуального доминирования ритейлеров на рынке с 35 процентов до 15, государственное регулирование розничных цен на социально значимые товары). В настоящее время в розничных торговых сетях не в полной мере обеспечены необходимые условия по привлечению и удержанию высококвалифицированных сотрудников, поэтому имеется определенный недостаток квалифицированного персонала¹. В крупных городах России преобладают розничные сети уровней «масс-маркет» и «мидл-маркет» (низких и средних цен), а в крупных городах ЕС, наоборот, торговые сети уровней класса «люкс» и «премиум» (высоких цен)². Вместе с тем, невысокая динамика экономического роста в странах ЕС стимулирует зарубежные РТС выходить на российский рынок, где долгосрочные арендные ставки торговых площадей ниже, чем в ЕС, тогда как перспективы роста розничных продаж выше. Несмотря на относительный спад, российский рынок бытовой техники продолжает считаться самым перспективным и быстрорастущим в европейском пространстве. Многие зарубежные РТС ставят свое развитие на российском рынке в приоритеты своего расширения, открывая все новые производства своей продукции и логистические центры в России. Так, более 90 процентов РТС, входящих в список самых популярных в Европе, уже работают на российском рынке. Первые зарубежные РТС («IKEA», «Metro», «Auchan») появились в России в начале 2000-х годов, а уже к 2008 году почти все формы розничной торговли через строительство или покупку магазинов разных форматов: гипер- и супермаркетов, дискаунтеров и других, осуществлялись зарубежными РТС. В итоге происходило вытеснение местных небольших магазинов и внемагазинных форм торговли, следовательно, и местных товаропроизводителей. Те же тенденции характерны и для российского потребительского рынка. Самой распространенной схемой входа на российские рынки остается франшиза – иностранные сети приобретают торговые площадки и начинают работать с российскими покупателями с помощью локальных посредников, но после нескольких лет большинство из них продолжают работать на российском рынке

¹ Ахмедзянова Р.М. Социология потребительских рынков. // Власть. 2013. № 4. С.147-150.

² Ритейл в Европе - результаты исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.retail.ru/article/all_retail/retail_europe/

напрямую с потребителями без посредников. Подобная экспансия сопровождается неблагоприятными последствиями для российской экономики. Продолжающийся кризис обострил отношения между участниками рынка по всей цепочке товародвижения и в более выгодном положении оказываются компании, объединяющие функции производителя, поставщика и торговой точки. Крупные международные розничные сети начинают продвигать собственные бренды, обходясь без услуг российских производителей, часто заказывая продукцию напрямую из Азии. Такая ситуация не отвечает интересам политики импортозамещения в экономике России, которая выступает одним из средств ее инновационного развития. Вводимые в настоящее время санкции западных стран на поставку многих потребительских товаров в Россию (и ответные санкции самой России), могут ускорить позитивную для экономики политику импортозамещения.

Многие международные розничные торговые сети представлены на потребительском рынке России в формате гипермаркетов. Этот формат деятельности позволяет им входить в список крупнейших сетей розничной торговли при наличии от 5 до 50 филиалов. Активная экспансия международных сетей в регионы России усиливает конкуренцию среди иностранных и отечественных агентов в торговой отрасли и создает силовой вызов российским сетям, требуя от них внедрения инновационных методов управления, автоматизации операционных процессов, расширения ассортимента, повышения качества обслуживания, гибкой ценовой политики и других методов роста эффективности деятельности на потребительском рынке. При этом, несмотря на замораживание роста реальных располагаемых денежных доходов населения, домашние хозяйства будут сохранять интерес к приобретению компьютеров, телевизоров, электробытовой техники, легковых автомобилей. В целом склонность к потреблению товаров импортного производства остается на достаточно высоком уровне – 33-35 процентов. В 2011-2012 годах на динамику оборота розничной торговли заметное влияние оказало изменение потребительского (инвестиционного) поведения населения, сопровождающееся снижением норм сбережения и увеличением объема потребительского кредитования. Изменения в потребительском поведении населения России выявили следующие тенденции российского потребительского рынка на ближайшие пять лет, которые необходимо учитывать при развитии отечественных РТС. Потребители обращают внимание на удобную упаковку товаров, здоровое питание, эффективное соотношение «качество и полезность» (для товаров высокого ценового

класса «премиум» и «люкс»), «цена-качество» (для товаров среднего и низкого ценовых уровней «масс-маркет» и «мидл-маркет»)¹. В последние годы из-за устойчивого роста конкуренции крупные российские торговые сети начинают осваивать потребительские рынки постсоветских стран и способны соперничать с зарубежными РТС. Так, российская компания «Евросеть» уже несколько лет работает на потребительских рынках стран СНГ и Прибалтики, компания находится на втором месте по объему выручки и является бесспорным лидером по количеству магазинов среди всех торговых сетей, действующих в России².

В условиях растущей конкуренции и постоянно меняющейся среды бизнеса участники рыночных взаимодействий вынуждены адаптироваться и вырабатывать свои стратегии эффективного взаимодействия. В первую очередь это связано с выбором торгового формата и территории покрытия. Современные торговые форматы РТС предоставляют населению не только продукты питания и услуги в регионах России, но и новое общественное благо, формирующее поведенческие и ценностные установки для производства (и воспроизводства) среднего класса. На международном и отечественном потребительских рынках наблюдается тенденция укрупнения торговых форматов и расширения территории деятельности. В связи с чем возникает проблема сосуществования зарубежных и отечественных РТС в регионах страны. С одной стороны происходит совершенствование технологий продаж и расширение товарного ассортимента, с другой – экономический капитал и финансовые ресурсы крупных западных операторов способны вытеснить местные розничные сети. В таких условиях отечественные РТС вынуждены осваивать более отдаленные регионы или искать свободные рыночные ниши. Зарубежные и отечественные РТС, работающие в сегменте низких и средних цен («масс-маркет» и «мидл-маркет»), будут стабильно развиваться в ближайшие годы, так как потребители продолжают находиться под прессом высоких налогов, невысоких зарплат и неопределенности. Административные и антимонопольные регулирующие меры на потребительских рынках государств Европы и России будут сдерживать рост РТС в период их адаптации к таким мерам. Надо отметить, что российский

¹ Российский рынок FMCG: стратегии развития в условиях меняющегося потребительского поведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rb.ru/article/euromonitor-international-seminar-dlya-igrokov-rossiyskogo-rynka/6937677.html>

² Евтюгина А.А. Международный опыт развития торговых сетей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.do.gendocs.ru/docs/index-228697.html>

рынок розничной торговли развивается по западным стандартам, в том числе и со стороны регуляторов. Как показали сравнительные исследования, на рынке розничной торговли Великобритании вмешательства со стороны государственных регуляторов, начиная с 1996 года, были весьма схожи с законодательными вмешательствами со стороны государственных регуляторов России¹. К ним можно отнести следующее. Создание определенных проблем для ритейлеров, которые хотели бы открыть розничный торговый формат на новом незастроенном месте. Ограничения в планировании новых крупных предприятий розничной торговли в наиболее выгодных городских кварталах. Регламентация работы с поставщиками, регламентация времени работы магазинов и другое. РТС, столкнувшись с законодательными ограничениями на внутреннем рынке, как правило, ищут возможности экспансии на рынки, где действует менее суровое законодательство, или в те регионы, где местные власти активно поддерживают розничные сети.

Сделаем некоторые выводы. Основные инструменты развития потребительских рынков – объемы торговли и инвестиций. Избирательное их использование остается важной задачей отечественных и зарубежных РТС и будет способствовать дальнейшей поляризации потребительского рынка и усилению конкуренции на нем за лучшие места. Происходящие изменения в потребительском поведении населения России потребуют от бизнеса большего учета ментальных и культурных интересов российских потребителей, что может выступить значимым инструментом конкурентной борьбы в пользу российских РТС.

Библиография

1. Ахмедзянова Р.М. Социология потребительских рынков. // Власть. 2013. № 4. С.147-150.
2. Евтюгина А.А. Международный опыт развития торговых сетей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.do.gendocs.ru/docs/index-228697.html>
3. Кондратова Н.В. Профессиональное сообщество розничных торговых сетей и его стратификационные характеристики.// Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия «Социально-экономические науки». 2010. №4. С. 54-61.
4. Котельникова З.В. Особенности развития розничных сетей и торговых форматов в продовольственном секторе российской

¹ Akhmedzyanova R., Davydenko V. Formation and Maintenance of Partnerships in the Retail Sector. // Journal of Economic Sociology, 2013. P.84-98.

торговли в 2000-х годах (региональный аспект).// Мир России. 2009. № 3. С.151-172.

5. Оборот розничной торговли в РФ вырос в 2012 году на 5,9% [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.rosbalt.ru/business/2013/01/25/1085915.html>

6. Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

7. Ритейл в Европе - результаты исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.retail.ru/article/all_retail/retail_europe/

8. Розничная торговля (рынок России). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>

9. Российский рынок FMCG: стратегии развития в условиях меняющегося потребительского поведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rb.ru/article/euromonitor-international-seminar-dlya-igrokov-rossiyskogo-rynka/6937677.html>

10. Akhmedzyanova R., Davydenko V. Formation and Maintenance of Partnerships in the Retail Sector.// Journal of Economic Sociology, 2013. P.84-98.

11. Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

12. Hamilton G., Petrovic M. Retailers as Market Makers / Hamilton G., Petrovic M., Senauer B. (eds.). The Market Makers: How Retailers are Reshaping the Global Economy. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 125–137.

АСПЕКТЫ

*КОЧЕТКОВ Егор Евгеньевич,
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры «Политология, история
и социальные технологии»
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет путей сообщения»
gimiit@gimiit.ru*

Проблемы адаптации асимметричного федерализма в современной России/ Adaptation problems of asymmetric federalism in modern Russia

Аннотация

В статье речь идет о путях преодоления диспропорций развития и становления российских регионов как самостоятельных субъектов федерации в 1990-е – начале 2000-х гг. По мнению автора, решению возникающих политико-экономических противоречий способствует асимметричный федерализм как институциональный инструмент политического компромисса.

Ключевые слова

Россия; асимметричный федерализм; адаптация; субъект; регионы; федеральные округа; центр.

Annotation

The article focuses on how to overcome imbalances of development and formation of the Russian regions as independent subjects of the federation in the 1990s - early 200's. According to the author, for emerging political and economic contradictions' decision promotes asymmetrical federalism as an institutional tool of political compromise.

Keywords

Russia; asymmetrical federalism; adaptation; subject; regions; federal district; center.

Российский федерализм с первых лет своего существования отличался сильными различиями между субъектами федерации в их взаимоотношениях с центром. Эти различия предопределялись прежде всего политическим весом региональных лидеров, а также особым статусом автономных республик по сравнению с обычными областями и краями. Такую ситуацию принято называть асимметрией. Она противоречит классическому федерализму; широко принято считать, что ее присутствие – это порок федеративного устройства. Неудивительно, что почти все исследователи текущей политической истории России, притом как отечественные, так и зарубежные, давно и безоговорочно убеждены в том, что асимметрия стала «родовой травмой» новорожденного российского федерализма. Есть специалисты, которые даже сомневаются в том, можно ли считать российский государственный строй полноценным федерализмом при таком размахе асимметрии, поскольку «идеальная федерация – это симметричное государство, где в основу устройства кладется объединение субъектов федерации, однородных по природе и равных по статусу»¹, а «допускаемая конституционная или институциональная асимметрия является чрезвычайно дестабилизирующим фактором»².

Между тем Российская Федерация была задумана как сугубо симметричная и воплощена в Конституции именно как таковая. Согласно Основному закону страны 1993 года все составные части асимметричной федерации стали отдельными субъектами, одинаково представленными в структуре федеральных органов (в Верхней палате парламента – Совете Федерации), при этом прежние названия сохранились (республики, автономные области, автономные округа, края и т.д.)³.

В борьбе с республиканским сепаратизмом начала 90-х годов идея асимметричности постоянно была очень актуальной, однако для центра главный сюжет подобной борьбы сводился как раз к тому, чтобы сохранить симметрию федеративных отношений де-юре, делая уступки де-факто – и в этом центр явно преуспел. Замысел Б. Ельцина и его команды был именно таков: если давление республиканских лидеров оказывается непреодолимым, его можно снижать уступками де-факто, но только в рамках текущей полити-

¹ Жидких В.А. Федерализм в России. Эволюция, проблемы, перспективы. / Под ред. Л.Н. Алисовой. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 43.

² Hughes J. Managing Secession potential in the Russian Federation / Regions in Conflict: Ethnicity and Territory in the Former Soviet Union L., 2001.

³ Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. М.: Издательство МНИМП, 1997. С. 21.

ки, всеми силами охраняя симметрию де-юре, то есть в рамках институтов и права, потому что при сохранности правовой симметрии все уступки политического свойства неминуемо имеют временный характер и могут быть, так сказать, отозваны в свое время.

Ход политического развития России показал, что расчет Б. Ельцина оказался правильным. Лавируя, делая громкие заявления в духе «берите независимости, сколько сможете проглотить», идя на тактические уступки, Б. Ельцин сумел избежать обострения сепаратистских тенденций, так и не поступившись симметричностью Основного закона страны, и передал своему преемнику государство, в котором этого обострения уже не чувствовалось.

Самым первым и ярким свидетельством такой асимметрии считается Федеративный договор, который был воспроизведен в новой Конституции России. В нем (а затем и в новой Конституции) различные субъекты федерации были поименованы по-разному (ст. 65 Конституции России), основные законы республик назывались конституциями, а обычных областей и краев – уставами (ст. 66), главы республик именовались президентами, как и глава Российской Федерации, тогда как руководители обычных областей и краев – главами администрации (кое-где губернаторами, но президентами – нигде). Так что в тексте Основного закона России асимметричность просто бросается, казалось бы, в глаза.

Однако дальше этих различий в именовании Конституция не пошла. И. Умнова, современный специалист по юридическим вопросам федерализма, считает это логической ошибкой, но факт остается фактом: разным наименованиям не были приданы разные полномочия (кроме незначительных исключений вроде права республик устанавливать свои государственные языки, ст. 68, ч. 2)¹. Это позволяет с уверенностью говорить о том, что Конституция России выстраивает федерализм на принципе строгой симметрии прав субъектов федерации, а различия в наименованиях этих субъектов есть лишь дань исторической традиции.

Другой признак асимметрии – это двусторонние договоры центра и субъектов федерации. Их заключение началось в марте 1994 года и проводилось каждый раз с немалой помпой – как правило, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, в присутствии Президента России и главы соответствующего субъекта федерации, на глазах многочисленных представителей прессы и телевидения. Более того, первые договоры подавались как сво-

¹ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. Учебно-практическое пособие. / Науч. ред.: Гаджиев Г.А. М.: Дело, 1998.

его рода привилегии, которые центр давал тем субъектам федерации, чьи руководители заслужили такую привилегию. Тем самым асимметрия оказывалась двойной: договоры заключались далеко не с каждым регионом, а как бы по выбору центра, а по самому содержанию они очень сильно отличались друг от друга.

Те, кто видит в этом асимметрию российского федерализма, упускают из виду одно коренное свойство этих договоров: они заключались только между исполнительными ветвями власти. Каждый раз, когда вставал вопрос о том, не пригласить ли законодательные собрания регионов к разработке и заключению двусторонних договоров, Б. Ельцин решительно возражал. Аналогичным образом не соглашался он и с тем, чтобы эти договоры проходили своего рода ратификацию в Совете Федерации. Причина была в следующем: Б. Ельцин считал участие законодательных органов в этом процессе признаком того, что договоры получают гораздо более высокий правовой статус, сопоставимый с конституционным, и неизбежно придадут всей государственной конструкции резко асимметричный облик, поскольку они сильно отличались друг от друга по размаху взаимного обмена прерогативами. Если же договор подписывают представители только исполнительных ветвей власти, он приобретает сугубо рабочий характер чисто тактического документа. Со временем договоры были заключены с каждым субъектом федерации, так что они лишились качества асимметричной привилегии. Стоит напомнить, что договоры заключались на определенный срок. При новом Президенте их перестали пролонгировать, и вскоре они вообще прекратили свое действие по факту невозможности обновления.

Третий довод – это асимметрия фискального федерализма, которая выражается в том, что федеральный бюджет оказывает разным субъектам федерации разную по размерам помощь. Это действительно так, и различия тут достигают огромного размаха, особенно в пересчете на душу населения (чтобы не загромождать данный текст цифрами, можно отослать читателя к детальным расчетам В. Попова). Однако квалификация этого явления как асимметрии – явное недоразумение. Распределение этой помощи основано как раз на стремлении выровнять бюджетную обеспеченность субъектов федерации. Система налоговой базы региональных бюджетов в России такова, что субъекты оказываются в крайне неравноправном положении из-за громадных различий в специализации их хозяйства. Разумеется, размах неравенства намного превышает возможности федерального бюджета, и о полном выравнивании бюджетной обеспеченности не идет и речи,

однако главная цель федеральной помощи регионам заключается именно в этом. Тем самым фискальный федерализм в 1990-х годах не только не стал источником асимметричности, но, напротив, служил целям выравнивания прав субъектов (в данном случае – прав на равную бюджетную обеспеченность).

Таким образом, можно констатировать, что асимметрия если и присутствовала в российском федерализме на первых порах, то по ходу его развития неуклонно уменьшалась. Когда же к власти пришел новый Президент страны и в России началась быстрая централизация управления, она стала проходить в русле еще более строгой симметрии. В главных реформах В. Путина относительно федерализма не было сделано никаких различий между субъектами разного формального статуса. А ведь предлогов для этого было предостаточно. Взять хотя бы изменение правил формирования верхней палаты парламента – Совета Федерации: замена региональных руководителей сенаторами стала несомненным и сильным ударом по престижу этих руководителей, особенно в глазах их сограждан в регионах, поэтому напрашивалось решение – для президентов республик можно было сделать исключение, чтобы не рисковать их лояльностью. Однако ничего подобного не произошло. Аналогично, то есть безо всякого учета формального статуса субъектов, были проведены и остальные реформы: отмена выборности глав регионов населением, отмена выборов по одномандатным округам. Тем самым принцип симметричности в российском федерализме снова восторжествовал.

Так, указ В. Путина от 13.05.2000 г. о федеральных округах¹ положил начало путинским реформам федерализма, однако это была «старая новость». Первые проекты создания федеральных округов появились в Кремле еще в 1994 г. и полным ходом разрабатывались с 1995 г. Правда, число таких округов было гораздо больше – в одном из проектов 34, в другом 25, – но сама идея хорошо знакома кремлевским старожилам и тем, кто следил за их работой в то время.

И в прошлом, и на этот раз речь шла о новой форме организации только федеральных ведомств, а вовсе не о том, чтобы «построить» региональные или местные власти. Это было прежде всего упорядочение федеральных органов на местах, где находятся 90% федеральных служащих. Общая их численность в России составляла в то время примерно 410 тыс. человек, из них в Москве находились всего 30 тыс., а 380 тыс. размещались по федераль-

¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosfinnadzor.ru/page/index/1494/page/7305/>

ным органам в регионах (кстати, суммарная численность служащих всех субъектов федерации была вдвое меньше – всего 190 тыс.). Эта огромная армия «федералов» существовала как бы бесхозно. Федеральные органы в регионе были крайне слабо связаны друг с другом, а их подчиненность своему московскому ведомству постоянно входила в противоречие с влиянием властей данного субъекта федерации. Ведь Москва, как правило, платила своим региональным филиалам только зарплату, а все остальные расходы (оплата помещений, автотранспорта и т. п.) брал на себя губернатор по некоему неписаному согласию с Москвой. В результате федеральные филиалы оказывались в сильной практической зависимости от губернатора. К тому же их сотрудники, будучи местными жителями, вполне естественно сочувствовали своему региону, если его интересы расходились с интересами федеральных властей, которых эти сотрудники были призваны представлять в регионе. Во многих случаях руководители федеральных органов на местах были вовлечены в региональные политические интриги, притом нередко по разные стороны баррикад, враждуя между собой в составе противоборствующих групп. Тут уж было не до отстаивания интересов федерации.

В 1997 году руководителю управления по делам представителей Президента России – Антону Федорову удалось протолкнуть президентский указ, согласно которому представители наделялись полномочиями возглавлять в каждом регионе т. н. федеральные коллегии. В них входили руководители всех федеральных органов, расположенных в данном субъекте, и представитель Президента должен был координировать их деятельность. Указ оказал сильное положительное воздействие на ситуацию. Однако состав представителей был к тому времени уже весьма разношерстным, и дело пошло только у самых активных из них, а таковых оказалось не слишком много, потому что большинство уже давно срослось по своим интересам с губернаторами, будучи порою прямыми их ставленниками.

Новый указ стал еще одним шагом в этом направлении, и шагом очень широким. Прежде всего, это был отрыв федеральных ведомств от негласного подчинения губернаторам – хотя бы потому, что федеральные округа гораздо больше субъектов федерации. Во-вторых, это резко усилило присутствие Президента в регионах. Когда счет представителям шел на десятки, политический вес каждого из них был невелик, а когда их число сократилось до семи, то слова «полномочный представитель Президента в федеральном округе» стали звучать почти как «вице-президент» (именно в этом

качестве их восприняли многие зарубежные специалисты по российскому федерализму). Каждый член этой «великолепной семерки» превращался в некое региональное воплощение Президента России, и его воздействие на ход политики и экономики подведомственных субъектов федерации неизбежно возрастало во много раз.

Именно поэтому Указ об образовании федеральных округов¹ произвел сильнейшее впечатление на общественность страны и на политические элиты. Его влияние вышло далеко за пределы официального текста и быстро утратило с ним связь. В указе увидели много того, что в нем не содержалось и чего не намечалось провозвести, – реформы административно-территориального деления, например, или превращения представителей в подобие царских генерал-губернаторов, которым будут со временем подчинены губернаторы и президенты субъектов федерации. Государственная статистика была быстро перестроена по федеральным округам, преподавание географии России в школе – тоже. Почти все главы региональных властей поспешили выразить свое удовлетворение указом и стали выказывать свою готовность воспринять представителя в качестве своего непосредственного начальника.

Для такого восприятия были свои основания. В приложении к указу, где эти полномочия прописаны официально, не было особых новшеств по сравнению с теми указами, по которым работали до тех пор представители Президента в регионах. Это по-прежнему в основном контрольные и связные функции, координация работы федеральных ведомств на местах, участие в работе с федеральными кадрами. Однако эти полномочия были прописаны более грозно, со многими загадочными деталями. Чего стоит, например, упоминание о том, что полномочный представитель имеет право «направлять своих заместителей и сотрудников своего аппарата для участия в работе органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления».

Формулировка главной задачи нового периода региональной политики была озвучена в Указе Президента России: «организация работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства»². Здесь нет различия между органами федеральными и остальными,

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2000 n 849 (ред. от 09.09.2000) О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/zkrf/8766>.

² Там же.

а это могло означать, что представитель должен «организовывать» и работу субфедеральных властей.

Столь широкое толкование смысла этой меры общественностью и элитами привело к тому, что новому институту были как бы навязаны прерогативы, которыми он не обладал формально. Поэтому представители в округах с первых шагов столкнулись с противоречием между ожиданиями граждан и элит, видевших в представителе некую эманацию всесильного Президента, и своими реальными возможностями, которые сводились, как и раньше, в основном к функциям наблюдения, информации и в лучшем случае координации деятельности властей (подобная координация – одна из прерогатив Президента России по ст. 81 Конституции РФ). С течением времени ограниченность возможностей президентских представителей стала проступать все явственнее, гипертрофированные представления об их роли уступали более трезвым, и в результате влияние их на ход регионального развития оказалось весьма незначительным.

Учреждение семи федеральных (а в последствии девяти) округов было крайне эффективным шагом со стороны Центра. Представители сыграли свою политическую роль, ознаменовав начало федеральных реформ. В целом они справились с той задачей, которую им поставил Президент в качестве первой: привести региональное законодательство в соответствие с федеральным. Полного успеха в этом деле добиться не удалось, но самые вопиющие расхождения были устранены, а сама практика игнорирования федеральных рамок в региональном законотворчестве была искоренена.

Главный политический смысл указа был мало связан с его формальным текстом. Этот смысл вовсе не в переустройстве административно-территориального деления, а прежде всего в разрыве нового Президента с губернаторами, в разрыве той традиции, которая прочно сложилась при Президенте прежнем. Б. Ельцин всегда видел в губернаторах опору своей власти, он ревностно следил за крепостью их личной унии с ним и, надо признать, умел с ними управляться. Новый Президент показал своим указом, что намерен единолично править страной и не только не намерен общаться с губернаторами с ельцинской частотой, но, наоборот, вставляет в структуру государства институт своих территориальных наместников, которые будут отгораживать его от региональных лидеров. Это очень сильный удар по престижу этих политиков. Вчера «ближние бояре», вершащие вместе с Президентом судьбы страны, они превращались в политиков сугубо регионального масштаба.

Сам по себе институт полномочных представителей Президента в федеральных округах заслуживает того, чтобы его развивать дальше. Ему трудно найти аналоги в других федеративных государствах, но в российском контексте он выглядит вполне уместным, если учитывать громадные размеры нашей страны. Главной заботой представителей должно стать исполнение той прерогативы Президента, которая прописана в части 2 ст. 80 нашей Конституции: «...обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти»¹. В состав таких органов, как известно, входят и федеральные власти, и власти субъектов федерации, и в этом свете Президент России выглядит как лицо, стоящее как бы над этими органами и обязанное координировать их работу. Здесь перед его представителями в округах открывается обширное поле деятельности, на котором они пока что проявляли себя весьма слабо, несмотря на насущную нужду наших государственных органов на местах в подобном «согласованном взаимодействии и функционировании».

Очевидно, что государственный строй при федерализме должен располагать специальными механизмами, для того чтобы гасить тенденции; именно адаптированный асимметричный федерализм учит нас существовать в ситуации различия интересов и даже в обстановке потенциального конфликта и при этом находить разумные компромиссы.

Библиография

1. Бахлов И.В. Российский федерализм: теоретические основы, специфика становления и политико-правовой организации: монография / И.В. Бахлов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 49.
2. Жидких В.А. Федерализм в России. Эволюция, проблемы, перспективы. / Под ред. Л.Н. Алисовой. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 43.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/cons/>
4. Указ Президента РФ от 13.05.2000 n 849 (ред. от 09.09.2000) О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/zkrf/8766>.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/cons/>

5. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. Учебно-практическое пособие. / Науч. ред.: Гаджиев Г.А. М.: Дело, 1998. 280 с.

6. Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. М.: Издательство МНИМП, 1997. С. 21.

7. Hughes J. Managing Secession potential in the Russian Federation/Regions in Conflict: Ethnicity and Territory in the Former Soviet Union. L., 2001.

*ДАНИЛОВ Сергей Владимирович,
соискатель кафедры
менеджмента, маркетинга и логистики,
старший преподаватель кафедры
менеджмента, маркетинга и логистики
Института права, экономики и управления
Тюменского государственного университета
danilow.sv@yandex.ru*

Инновационная политика государства в сфере обеспечения жильем молодых семей как фактор институционализации ипотеки региона / Innovation policies in the area of housing for young families as a factor of the institutionalization of the mortgage in the region

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы доступности жилья и особенности экономического поведения молодых семей на ипотечном рынке на примере города Тюмени. Приведен анализ возможности участия молодых семей в социальных государственных программах. Сравниваются условия положительных решений по ипотечному кредиту в региональных банках. Сделан вывод о доступности жилья для молодых семей в регионе с учетом средних цен за кв. м и максимального количества кв. м.

Ключевые слова

Доступность жилья; ипотека; социальные государственные программы; молодые семьи.

Annotation

The article deals with the problem of housing affordability and features of the economic behavior of young families in the mortgage market, the example of the city of Tyumen. The analysis of the possible participation of young families in the social state programs. Compares the conditions for positive solutions on a mortgage in

regional banks. It is concluded that the availability of housing for young families in the region, taking into account the average price per square meter. m and the maximum number m. m.

Keywords

Housing affordability; mortgages; social government programs; young families.

Стабилизация российского общества невозможна без решения таких важнейших социально-экономических задач, как повышение доступности жилья для населения, увеличение доли собственников жилья и т.д. Для их решения необходимо создание определенной рыночной системы, объединяющей всех субъектов ипотечного рынка, регулируемой и поддерживаемой государственными программами, которая позволит удовлетворять платежеспособный спрос населения на жилье.

На конец 2011 года жилищный фонд в Российской Федерации составил 3290 млн. кв. метров. В частной собственности находится около 86% жилищного фонда, из которого 82% перешло в частную собственность граждан в результате приватизации.

Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя в 2011 г., в Российской Федерации составила 23 кв. метра (см. табл.1)¹. По отношению к 2000 г. она выросла на 18%. Однако рост ее вызван не только объемами ввода жилья, но и сокращением численности населения на 2,3% по сравнению с 2000 годом.

В 2011 г. средний размер введенных в России квартир составил 79,3 кв. метра общей площади, что на 2,7% меньше, чем в предыдущем году (см. табл.2)². Это говорит об увеличении строительства доступного жилья. В последние годы наряду с ростом цен на жилье имеет место и рост среднего размера квартиры во вновь построенном жилье. Например, в 1995 г. средний размер квартиры составлял 68,2 кв. метра, в 2000 г. – 81,1 кв. метра, в 2008 г. – 83,4 кв. метра, в 2009 г. средний размер квартиры в построенном жилье составил 85,3 кв. метра. С одной стороны, это свидетельствует о росте комфортности вновь вводимого жилья, а с другой –

¹ Основные показатели жилищных условий населения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/jil-f/jkh39.htm

² Жилищные условия. Официальная статистика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/#

о снижении его доступности по причине роста площади квартиры при одновременном росте цены 1 кв. метра. Лишь в 2010г. средний размер квартиры в построенном жилье снизился на 4,5% и составил 81,5 кв. метра, а в 2011г. снизился еще на 2,7%.

Таблица 1.

Основные показатели жилого фонда России и его динамика по видам квартир, количеству и среднему размеру

Жилые помещения	2007	2008	2009	2010	2011
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года) - всего, кв. м.	21,5	22	22,4	22,6	23
из нее:					
в городской местности	21,3	21,7	22,1	22,1	22,4
в сельской местности	22,3	22,7	23,1	23,9	24,5
Число квартир - всего, млн. ед.	58,6	59	59,5	60,1	60,8
из них:					
однокомнатных	13,6	13,7	13,9	14,1	14,3
двухкомнатных	23,6	23,6	23,7	23,9	24,1
трехкомнатных	17,1	17,2	17,3	17,4	17,6
четырекомнатных и более	4,3	4,5	4,6	4,7	4,8
Средний размер одной квартиры, кв. м.	51,3	51,8	52,4	52,9	53,3
однокомнатной	32,6	32,9	33,3	33,4	33,6
двухкомнатной	46,2	46,5	46,9	47,2	47,4
трехкомнатной	61,9	62,3	62,8	63,4	63,7
четырекомнатной и более	95,5	97,5	100	101,9	103,8

Основная роль государства в становлении системы ипотечного жилищного кредитования заключается в создании необходимой правовой и нормативной базы, условий для развития институциональной инфраструктуры, надзора и регулирования деятельности участников, а также в создании понятной и прозрачной системы повышения доступности ипотечных кредитов для граждан.

В то же время посредством решения вышеназванных задач государство и само получает ряд значимых социально-экономических преимуществ: трудоспособное население страны получает возможность самостоятельно, без финансовой помощи государ-

ства, улучшить свои жилищные условия; строительный комплекс получает дополнительный импульс для увеличения объемов жилищного строительства за счет возросшего платежеспособного спроса со стороны покупателей жилья; банковский сектор существенно расширяет операции по ипотечному жилищному кредитованию, создавая для себя устойчивый и перспективный рынок финансовых услуг, предоставляемых населению; инвесторы (пенсионные фонды, страховые и инвестиционные компании, другие юридические и физические лица) получают возможность инвестировать свободные денежные средства в новые надежные долгосрочные финансовые инструменты, создаваемые на основе долгосрочных жилищных кредитов, обеспеченных ипотекой¹.

Таблица 2.

Число построенных квартир в период 1995-2011 гг.
и их средний размер, кв. м. общей площади

Год	Число построенных квартир, тысяч	Средний размер, кв. м. общей площади
1995г.	602	68,2
2000г.	373	81,1
2005г.	515	84,5
2006г.	609	83,1
2007г.	722	84,7
2008г.	768	83,4
2009г.	702	85,3
2010г.	717	81,5
2011г.	786	79,3

По словам премьер-министра России Д.А. Медведева, сейчас приблизительно 50% россиян не удовлетворены условиями, в которых они живут, при этом только четверть могут приобрести жилье, а развитие строительства жилья экономкласса должно стать одним из способов его удешевления. Для этого необходимо разработать типовые строительные проекты, а также модернизировать производство стройматериалов, чтобы обеспечить реализацию таких проектов. Глава правительства отметил, что по экспертным

¹ Основы ипотечного кредитования / Науч. ред. и рук. авт. колл. Н.Б. Косарева. Москва: Фонд «Институт экономики города»: ИНФРА-М, 2007. 576 с.

оценкам уменьшение стоимости жилья на 20% сделает ипотеку доступной для более, чем 1 млн. семей, которые сейчас не могут себе ее позволить¹. Важным фактором, влияющим на уровень доступности жилья гражданам, является изменение цен на жилье как на первичном, так и на вторичном рынках (см. рис.).

Рис. Динамика цен на жилую недвижимость на первичном и на вторичном рынках в период 2006-2011 гг.

Сегодня Госстрой и Агентство по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК) представляют новую программу доступного жилья, которая предполагает, что в течение пяти лет запустят строительство 25 млн. кв. м жилья, которое по доступной цене продадут для 360 тысяч семей. Преимущественно это будут молодые семьи, состоящие, как правило, из трех человек (муж, жена, ребенок), где родители находятся в возрасте от 25 до 40 лет, имеют постоянную работу, постоянную регистрацию по месту жительства, совокупный доход 36000-44000 руб. в месяц и сбережения на первоначальный взнос не менее 10% стоимости квартиры. Цена для них будет фиксированной — порядка 30 тыс. руб. за 1 кв. м.² Однако,

¹ Б. Ляув, Е. Письменная. Новая программа доступного жилья работать сможет лишь при фактически бесплатной ипотеке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/4882881/formula_medvedeva#ixzz28y2NxNQS.

² Там же.

например, по данным Федеральной службы государственной статистики, в Тюменской области средняя цена 1 кв. метра типового жилья по итогам 2011 года в 1,5 раза превышает запланированный по программе показатель стоимости как на первичном, так и на вторичном рынках, не говоря уже о квартирах улучшенной планировки (см. табл. 3)¹.

Таблица 3.

Средние цены на первичном и вторичном рынках жилья в Тюменской области, руб. /кв. м.

	2007	2008	2009	2010	2011
<i>Первичный рынок жилья</i>					
Все квартиры	43171	44757	43706	44306	45111
в том числе:					
типовые	39764	43360	41769	41608	46011
улучшенной планировки	44185	44097	42943	44077	43546
элитные	47306	51686	51150	53637	50258
<i>Вторичный рынок жилья</i>					
Все квартиры	50899	49652	45957	47151	47168
в том числе:					
низкого качества	48105	45912	42376	38217	41643
типовые	50427	49756	44729	47177	45749
улучшенной планировки	51890	50048	49322	49121	49829
элитные	58909	55215	51424	58777	...

В настоящее время планируется внедрить программу в ряде пилотных регионов, где, возможно, ситуация иная, но как быть, если программа будет реализована в Тюменском регионе? За счет чего государственные структуры прогнозируют снижение стоимости квадратного метра жилья?

Прежде всего – это предоставление бесплатных земельных участков, бесплатное подключение к сетям, получение льготных кредитов госбанков на строительство и создание базы типовых проектов жилья экономкласса.

¹ Тюменская область в цифрах: Краткий статистический сборник в 4-х частях. Ч.1. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2012. С. 217.

Таким образом, реализации важнейшей социальной задачи будет подчинено взаимодействие всех субъектов ипотечного рынка: государство, финансовые структуры, посредники и, конечно, сами выгодоприобретатели, которые должны обладать рядом необходимых для участия в программе характеристик.

Для ежегодного кредитования строительства 5 млн. кв. м жилья в год необходимо 120 млрд. руб., еще 135 млрд. руб. — на ипотеку¹. Таким образом, необходимо подключать институты развития к кредитованию строительства жилья. АИЖК и Внешэкономбанк (ВЭБ) уже вовлечены в эти процессы, в дальнейшем также предполагается участие Сбербанка, банка ВТБ и Газпромбанка.

По ряду причин, рядом аналитиков предлагаемая программа подвергается критике. Так, «Ведомости» попробовали соотнести программу с жизнью. Исходя из названных выше цифр на семью придется в среднем 69 кв. м. При цене 1 кв. м 30000 руб. квартира будет стоить 2,07 млн. руб. Если первоначальный взнос — 10%, значит, необходим кредит в 1,86 млн. руб. Ипотечный калькулятор «Дельтакредита» предлагает выплачивать по такому кредиту 22792 руб. в месяц, «Сбербанка» — 22389 руб. в месяц. Это вряд ли возможно для семьи с доходом даже 44000 руб.²

По мнению И. Пяткова, директора департамента Промсвязьбанка, маловероятно, что с такими показателями банки смогут выдавать ипотечные кредиты, потому что при сегодняшних условиях семье придется тратить около 20 тысяч руб. на обслуживание кредита, а это пограничные показатели. Коммерчески оправдана возможность кредитования, если будет почти полностью субсидироваться государством процентная ставка³.

В целом, решение такой глобальной проблемы как обеспечение населения доступным жильем посредством реализации государственных федеральных и региональных инновационных программ, требует очень тщательного и продуманного подхода. Такие меры государственного регулирования позволят институционализировать ипотеку в регионах, укоренить ее и сделать более доступной. А результаты подобных институциональных изменений можно будет проследить только по прошествии определенного количества лет. Но значимым показателем эффективности является уже то, что правительство определяет приоритет этой социальной задачи,

¹ Ляув Б., Письменная Е. Новая программа доступного жилья работать сможет лишь при фактически бесплатной ипотеке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/4882881/formula_medvedeva#ixzz28y2NxNQS.

² Там же.

³ Там же.

и другие субъекты ипотечного рынка также поддерживают и предлагают свои схемы взаимодействия на нем.

Библиография

1. Ляув Б., Письменная Е.. Новая программа доступного жилья работать сможет лишь при фактически бесплатной ипотеке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/4882881/formula_medvedeva#ixzz28y2NxnQS

2. Жилищные условия. Официальная статистика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/#

3. Основы ипотечного кредитования / Науч. ред. и рук. авт. колл. Н.Б. Косарева. Москва: Фонд «Институт экономики города»: ИНФРА-М, 2007. 576 с.

4. Основные показатели жилищных условий населения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/jil-f/jkh39.htm

5. Тюменская область в цифрах: Краткий статистический сборник в 4-х частях. Ч.1. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2012. 257 с.

*ФЕДЯКИН Иван Владимирович,
кандидат политических наук,
доцент кафедры «Политология, история
и социальные технологии»
Московского государственного
университета путей сообщения (МИИТ)
314524@miit.ru*

**Политика формирования и развития городов
и мегаполисов в дореволюционной России: особенности
отечественной традиции/ Policy of formation and
development of towns and megacities in pre-revolutionary
Russia: peculiarities of the national tradition**

Аннотация

В статье анализируются основные этапы становления и эволюции отечественной политики формирования и развития городов и мегаполисов в дореволюционный период российской истории. Обобщаются основные подходы к оценке ее результатов, представленные в научной литературе.

Ключевые слова

Город, мегаполис, агломерация, Древняя Русь, Московское государство, Российская империя.

Annotation

The article analyzes the main stages of evolution of national policy of formation and development of towns and megacities in the pre-revolutionary period in Russian history. The main approaches to the estimation of its results presented in the scientific literature are summarized.

Keywords

Town, megacity, Metropolitan area, Ancient Russia, Muscovy, Russian Empire.

На протяжении более чем 1150-летней истории российской государственности отечественные города развивались неоднородно. В досоветский период в стране существовало несколько крупных столичных городов, однако лишь к концу XIX столетия Санкт-Петербург стал настоящим мегаполисом, поскольку численность населения города превысила 1 млн. человек. Чуть позже к числу мегаполисов присоединилась и Москва. Однако учитывая исторические реалии, важность крупных российских городов как политических, экономических, культурных и т.д. центров, позволяет говорить о том, что уже в древние времена происходит резкое размежевание «главных» и «второстепенных» городов России. Последующий их рост, непосредственное участие политической власти в процессах функционирования крупных городов, дают основание утверждать, что уже в досоветский период в стране существовала политика формирования и развития «протомегаполисов» (хотя корректней будет называть их крупными городами).

Становление и развитие мегаполисов в России напрямую коррелирует с эффективностью городского самоуправления¹. Последнее имеет глубокие исторические корни, его генезис и эволюция – циклический характер. Реформирование этого института в России в условиях децентрализации власти и либерализации общественных отношений сменялось периодами контрреформ, происходивших на фоне усиления исполнительной вертикали и огосударствления общественных структур. Исходя из политико-правового статуса и корпоративной сущности городской общины, можно выделить три исторических этапа становления и развития городов в дореволюционной России: общинный – территориально-корпоративный, сословно-корпоративный и общественно-корпоративный².

Темпы урбанизации России были различными в тот или иной исторический период. В сборнике «Пространство циклов: Мир – Россия – регион» коллектив авторов на основе пространственно-временного анализа процесса возникновения и развития системы городов делает вывод о наличии пяти больших циклов процесса формирования и развития сети городов России³.

¹ Евлаев А.Н. Развитие малых городов с помощью применения механизмов государственно-частного партнерства в железнодорожной отрасли / Научный журнал «ПОИСК». М.: научно-издательский центр «Академика». 2014. № 2(43). С. 84-92.

² Пересада А.В. Политический потенциал городского самоуправления в современной России // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы». Тезисы докладов. Москва, 20-22 ноября 2009 г. М.: РАПН, 2009. С. 328-329.

³ Пространство циклов: Мир – Россия – регион / Под ред. В.Л. Бабурина,

Первый цикл длился около 200 лет и завершился в середине XI в. В этот период, который характеризовался консолидацией Древнерусского государства и заселением славянами центральных и северо-западных регионов исторической России, вследствие урбанистических инноваций возникла первичная сеть поселений из 19 городов на территории около 1 млн. кв. км.

Второй цикл общей продолжительностью около 450 лет завершился в начале XVI в. В его временных рамках инновационные волны не только уплотнились, провоцируя нарастание раздробленности и создавая более густую сеть поселений на прежних территориях, но и сформировали новую сеть городов на вновь осваиваемых пространствах (прежде всего на Европейском Севере и западе Урало-Камской земли). В течение всего периода пространственные масштабы первично-вторичной урбанизации охватывали территорию 1,3-1,7 млн. кв. км. Особо выделяется в этот цикл период с конца XIV до начала XVI в., когда происходит геополитическая и урбанистическая инновационная волна, связанная с формированием Русского централизованного государства.

Третий цикл урбанизации охватывает три столетия (с первой половины XVI до первой половины XIX в.). Этот период характеризуется беспрецедентным расширением границ Российского государства (до 4,5 млн. кв. км к концу XVI в. и до более 9 млн. кв. км – к концу XVIII в.). С конца XVII – начала XIX вв. разворачиваются петровские и екатерининские реформы, а характер урбанизации меняется на модернизационный: появляются новые города, развивается интенсивная урбанизация на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Четвертый цикл, имеющий длительность порядка 150-200 лет, начинается во второй половине XIX столетия. Данный цикл совпадает с фазой индустриального развития России, для него характерен взрывной рост численности населения старых и новых городов. Резкая урбанизация наблюдается в Московском регионе, что связано с бурным развитием промышленности и транспорта в агломерации.

Наконец, пятый цикл – это цикл будущего, связанный с развитием постиндустриальной цивилизации. Можно сказать, что на сегодняшний день Россия сохраняет все основные пространственные особенности расположения городских инновационных волн, зафиксированные в их территориальной структуре к 1550 г.¹

П.А. Чистякова. М.: ЛКИ, 2007. С. 115-120.

¹ Пространство циклов: Мир – Россия – регион / Под ред. В.Л. Бабурина, П.А. Чистякова. М.: ЛКИ, 2007. С. 121.

Формирование и развитие относительно крупных древнерусских городов во многом зависело от таких объективных обстоятельств, как природно-климатические условия, географическое положение, наличие внешних угроз, состояние транспортных артерий и т.п.

Так или иначе, крупные русские города в начале Средних веков сильно выделялись на фоне сельских поселений еще и спецификой их устройства. Киев, Новгород, Псков, Суздаль, Ростов представляли собой своего рода первые «протомегаполисы», территориально концентрируя политическую власть и экономические ресурсы.

Древнерусские города не смогли обрести широкой автономии самоуправления наподобие западноевропейских, поскольку этому помешало татаро-монгольское иго. Новгород, Псков и Полоцк лишь отчасти демонстрировали самоорганизацию.

Административно крупные города Древней Руси были соединены с сельским округом и пригородами транспортными коммуникациями. Города формировались путем взаимодействия самоуправляющихся районов¹. Древнерусские «протомегаполисы» являлись культурными и религиозными центрами: в них обитали главные сановники церкви, в подчинении которых находились духовные лица волости. Точно так же в крупных городах располагались главные храмы.

Особое место в контексте рассматриваемой проблематики занимает вопрос о политической организации крупных городов Древней Руси. Главным образом органами власти выступали народное собрание-вече, князь – верховный правитель, который также избирался на вече, совет знати².

Итак, первые русские крупные города IX-X вв. строились на родоплеменной основе, а в конце X – начале XI вв. такая система организации города рушится, на смену ей приходит новая фаза развития городов России: они формируются в ходе складывания городских волостей, образуемых из главного города с пригородами и деревнями. Можно сказать, что это создало зачатки агломерационной модели городского устройства.

Развитие крупных городов Московской Руси регламентировалось античным знанием. Как отмечает В.Л. Глазычев, через византийские переложения древнеримские правила обустройства новых территорий были оформлены на Руси в так называемой Кормчей книге, которые соблюдались практически повсюду³. Все опера-

¹ См.: Арциховский А.В. Городские концы в Древней Руси. Л.: Исторические записки, 1945. С. 16.

² См.: Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 17.

³ См.: Глазычев В.Л. Урбанистика. Ч. 1. М.: Европа, 2008. С. 35-36.

ции и процедуры по территориальному освоению были выстроены в некоторую систему, которую с полным основанием можно определить как алгоритм. Строительство городов не было стихийным, но не было, естественно, и самоцелью. Целью был контроль над ресурсами, включая людские ресурсы. Соответственно, весь процесс был делом государевым, осуществлялся на основе тщательных расчетов объема работ, по смете одного из Приказов.

На конкретном историческом этапе развитие городов исключительно в европейской части территории страны стало явно недостаточным. Это было связано с процессом создания централизованного государства, ликвидацией пережитков феодальной раздробленности, победой над монголо-татарским игом, необходимостью укрепления границ, расширения своих территорий, поиска новых экономических ресурсов, а также с другими объективными историческими причинами. По мнению ряда исследователей, экспансия государства на Восток являлась органическим процессом, этносоциальным архетипом, была предзадана всем ходом отечественной истории. «Русские веками шли на Северо-Восток. Славянская волна катилась по Евразийскому континенту, пока не добралась до Америки. Каждая новая ступень освоения усугубляла ощущение Севера в российской истории и географии. Поморские земли, Урал, наконец, Сибирь»¹.

Активизация продвижения российских колонизаторов на Восток и Северо-Восток связана прежде всего с активной внешней политикой Ивана IV, который успешно присоединил воинствующие Казанское и Астраханское ханства к территории Российского государства, значительно расширив его границы и одновременно обезопасив, нейтрализовав довольно опасных в прошлом врагов. В дальнейшем можно увидеть значительный рост и укрепление данных городов, включая их сегодняшнее позиционирование как мегаполисов на карте России.

Пространственно-географическая экспансия имела одним из своих следствий появление новых городов. В 1586 г. на берегу реки Туры была построена крепость, позже названная Тюменью. А уже в 1587 г. на берегу Иртыша, рядом с устьем реки Тобол был возведен город Тобольск, который впоследствии в течение долгого времени считался столицей Сибирской России. Важной вехой явилось и строительство Сургута, который стал опорным пунктом царской власти в Приобье. В 1604 г. был основан город Томск на берегу реки Томь. К началу XVII в. Томск был самым восточным городом Российского государства. Таким образом, к началу XVII в.

¹ Вайль П., Генис А. Мир советского человека. М., 1996. С. 80.

почти вся территория Западной Сибири от Обской губы на севере до Тары и Кузнецка на юге стала составной частью России. Выросли крупные административные центры: Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тара, Тобольск, Сургут, Нарым, Томск, Кузнецк и др. Многие из них в дальнейшем стали центрами сформировавшихся уездов.

Освоение пространств в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке способствовало возникновению новых городов. Наиболее важным представляется строительство Иркутского острога в 1661 г., который стал главным административным центром и важным торговым пунктом всей Восточной Сибири.

Начиная с XVIII в. акценты в урбанизационной политике меняются: происходит переход от количественного к качественному развитию, к выстраиванию системы управления и хозяйствования во вновь создаваемых городах. Начало трансформации было положено в царствование Петра I, при котором изучение и освоение Сибири было возведено в ранг важнейшего государственного приоритета, а его осуществление было поручено людям, имевшим соответствующую профессиональную подготовку.

Продолжалось строительство городов, которым позже было суждено стать крупными центрами. В первой половине XVIII в. были основаны опорные пункты Курган, Омск, Челябинск, Семипалатинск. На них опирались засечные линии (Ишимская и Сибирская). Середина XVIII в. ознаменована основанием Оренбурга, Троицка, Петропавловска. Чуть позже появились Пермь, Екатеринбург, Ялуторовск. Таким образом, Урал из пограничного региона постепенно превратился во внутреннюю периферию Российской империи.

18 декабря 1708 г. Петр I подписал «Указ об учреждении губерний и о росписании к ним городов»¹. Этот документ заложил основу масштабным преобразованиям в городской сфере. Согласно указу, вся территория России была разделена на 8 губерний во главе с губернаторами. Главной функцией губернатора была, как и у ратуш, фискальная. Петр I сделал попытку ввести в строй губернского управления коллегиальное и избирательное начала. При губернаторе был образован совет «ландратов» (8-12 советников), который должен был избираться местным дворянством. Однако жизнь обратила названное начинание Петра в нечто прямо противоположное тому, о чем мечтал реформатор. Ландраты не избирались, а назначались из дворянства Сенатом или губернатором (последний подбирал нужных себе людей). Окружение губернатора ландратским советом не создавало никакого выигрыша для рус-

¹ См.: Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 4. М., 1986. С. 166-169.

ского провинциального самоуправления. Ландраты просуществовали не более пяти лет и в итоге были ликвидированы. Губерния не стала самоуправляющимся общественным союзом.

В этих условиях ратуши становились ненужными. Существование ратуши как центрального учреждения можно проследить до 1710 г. Прямого указа об ограничении ведомства ратуши не было издано, и совершилось это ограничение по этапам. В 1709 г. всем воеводам, бурмистрам и приказам было предписано составить окладные книги денежных и хлебных податей и всяких других окладных сборов и доставить их непосредственно губернаторам. С 1710 г. подлинные окладные книги передаются в канцелярию Сената; ратуша обязывается доставить туда же ведомость о сборах таможенной пошлины со времени ее учреждения до 1711 г. В 1714 г. всем приказам, канцеляриям, ратуше, губерниям, денежным дворам, солянному сбору в приходах и расходах было приказано отчитываться в Ближней канцелярии. В этом указе ратуша была поставлена в один ряд с любым приказом и даже с соляным сбором, недавно ей подведомственным.

В 1721 г. Петр I учреждает Главный магистрат, обязанностью которого было формирование во всех городах магистратов, полиции, контроль за соблюдением правосудия и увеличение числа мануфактур. Однако, инструкция городским магистратам, по которой нужно было устроить в российских городах магистраты по образцу петербургского, появилась только в 1724 г. Магистратская реформа вводила принципиально новое соотношение магистратов и городских сообществ. Магистрат не заменял выборных властей города, старшин и старост, а становился над ними, будучи наделенным новыми полномочиями, включая судебные и административные. В инструкции 1724 г. члены магистрата прямо были названы «действительными начальниками» граждан.

С опорой на древнеримский опыт осуществлялось при Петре I и развитие территорий. Достаточно указать на перенос столицы, т.е. по сути переформатирование всего политического пространства страны. Осуществлялось оно и при его преемниках – с одной стороны, вполне успешная политика привлечения переселенцев из Европы в Новороссию и в Поволжье, с другой стороны, печально известные попытки заселить запустевшие земли с помощью солдатских поселений, названных Аракчеевскими, хотя их автором был Александр I, почерпнувший идею из чтения римских классиков.

Включение римских законов, распространившихся на Руси вместе с церковными книгами, в Кормчую книгу послужило своего рода универсальным руководством для политики формирования новых

городов и развития уже существующих. Так, например, «чин» (порядок) закладки новых городов существовал в неизменном виде вплоть до петровских времен. Такой прядок включал в себя и ряд архитектурно-планировочных аспектов. Например, среди прочего он содержал систему «прозоров» или разрывов между соседними домами в крупных городах. Если в византийских текстах этот принцип давал право домовладельцу наблюдать морской пейзаж¹, то в «русском» варианте такая градостроительная практика должна была способствовать защите от возможных пожаров. Несмотря на это, Петр I ввел правило плотной застройки («сплошной фасадаю») на европейский манер.

Эпоха Возрождения в Италии и Северной Европе оказала существенное влияние и на политику развития крупных городов в России. Это выразилось главным образом в архитектурно-планировочной практике. Так, просвещенная Европа смогла отчасти преодолеть стереотипы дворянской знати, сформировав новый подход к градостроению. Начиная с XVII столетия, он выразился прежде всего в геометризации города и, соответственно, выработке плана. Надо отметить, что таким инновациям способствовала и модернизация вооружения: прогресс артиллерии потребовал новую систему фортификации. Теперь смысла в постройке каменных и кирпичных крепостей не было.

В России эти новшества привели к тому, что военный инженер стал главным авторитетом при формировании политики градостроения. Колоссальные площади за Волгой были хозяйственно освоены, а земные насыпи обеспечивали растущим городам защиту от нападений с Юга.

В тот же период генеральный план города становится проектом его структуры, а не графическим описанием уже существующей инфраструктуры. Одним из «первопроходцев» в данном случае выступил Санкт-Петербург. Впоследствии Екатерина II использовала генеральные планы при массовой перепланировке крупнейших российских городов.

В XVIII столетии впервые в российской практике планировки крупных городов стали использовать так называемую Гипподамову систему. Древнегреческому архитектору-градостроителю V в. до н.э. Гипподаму Милетскому принадлежит изобретение регулярной сетки городских улиц и кварталов. Грандиозная перестройка российских городов, предпринятая Екатериной II и продолженная ее наследниками, стала примером воспроизведения Гипподамовой решетки, в столичных и губернских городах оживля-

¹ См.: Глазычев В.Л. Урбанистика. Ч. 1. М.: Европа, 2008. С. 29.

емой трехлучиями или неожиданностью круглых в плане, овальных или трапециевидных площадей. Генеральные планы городов утверждались лично государем, правила застройки регулировались едиными полицейскими правилами, хотя в реальности соблюдались далеко не всегда¹.

В дореволюционной России происходило несколько вех урбанизации, которые тесным образом были связаны с различными циклами и витками общей модернизации. Надо отметить, что и такая модернизация во многом была обусловлена не внутренними причинами, а внешними факторами, свидетельствовавшими об отставании страны от своих европейских соседей. Разумеется, такое отставание, особенно в экономической и военной областях, могло стать угрозой национальной безопасности.

Так, например, по мнению В.В. Алексеева и И.В. Побережникова, «западная» модернизация являлась результатом внутреннего развития европейских государств. В России же использовался опыт других стран, причем не всегда удачно из-за жесткого авторитаризма власти. Несмотря на это, именно государство всегда выступало инициатором модернизации, поскольку только оно являлось самой активной и мощной социально-политической структурой².

Важным этапом в городском развитии Российской империи стала административная реформа 1775-1785 гг. Ее результатом было формирование целой системы городов – административных центров губернского и уездного уровня, охватившей всю территорию страны. Развитию городов способствовал и законодательный акт, изданный 21 апреля 1785 г. Екатериной II, – «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», известная также под названием «Жалованная грамота городам 1785 г.»³. Согласно документу, были определены новые выборные городские учреждения, расширился круг избирателей. Грамота следующим образом регламентировала основы городского самоуправления: в городах раз в три года созывалось собрание «градского общества», в которое входили лишь наиболее состоятельные горожане. Постоянно функционировавшим органом становилась «общая градская дума», состоявшая из городского головы и шести гласных. Судебными выборными учреждениями в городах являлись магистраты – органы сословного городского самоуправления, отдельно избира-

¹ См.: Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразование в России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 109.

² См.: Алексеев В.В., Побережников И.В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. Сборник. М., 2000.

³ См.: Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 170-175.

лись суды для дворян и для городского населения. Вместе с тем, с определением основ городского самоуправления документом закрепился и единый сословный статус всего населения городов вне зависимости от профессиональных занятий и родов деятельности.

В 1830 – 1840-е гг. новым фактором градообразования становится начавшийся промышленный переворот, обусловивший развитие в сельской местности крупных промышленных производств. Однако возникшие на их основе, а также на месте старых центров кустарных промыслов новые поселения с трудом получали официальный городской статус, даже несмотря на достигнутые относительно крупные размеры. Город для государства с авторитарными институтами власти был в первую очередь инструментом управления территорией (в военно-административном, финансово-экономическом, социальном и других отношениях)¹.

В последней трети XIX в. в России начался новый этап в развитии городов, связанный в том числе с отменой крепостного права, судебной и земской реформами, демократизацией университетского образования и др. Были приняты «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (1864), по которому органы местного самоуправления стали избираться по сословной системе, от землевладельцев, городских жителей и крестьян; «Городовое положение» (1870), по которому выборные городские думы получали значительные права.

В ходе городской реформы 1870 г. было введено бессословное городское управление. Основой представительства в выборных учреждениях городского управления стал принцип единого имущественного ценза. Вместе с тем, деятельность городских управ была ограничена сферой городского хозяйства, а сами управы оказались в подчинении губернатора.

Вовлечение России в мировой рынок со второй половины XIX в. способствовало проникновению в страну западных ценностей, капиталов, заимствованию политических и общественных институтов, выкристаллизовыванию общественных элит и социально активных категорий населения, что, безусловно, влияло на урбанизационный процесс в целом и на характер изменений в жизни отдельных городов.

Абсолютистское государство XVIII – XIX вв. определяло единство логики городского развития во всех частях империи, воплощавшееся в инициировании процессов градообразования и зависимости траекторий и темпов эволюции городов от приоритетов

¹ См.: Сенявский А.С. Российская урбанизация // История. 1997. № 24.

центральной власти. Как правило, в градообразовании или в числе функций городов присутствовала в качестве ведущей административная: чем выше был административный статус, тем относительно (на данной территории) крупнее был город¹.

Чем выше плотность населения региона, тем более многочисленными были города. Зависимость была двусторонней: больший административный статус, как правило, придавался более крупному по числу жителей городскому поселению (которые позже эволюционировали в мегаполисы), а более высокий статус способствовал росту численности населения и функциональному разнообразию. В 1856 г. из 701 города Российской империи (без Польши и Финляндии) было 62 губернских и 498 уездных городов, т.е. почти 80% городов имели административные функции².

Таким образом, роль государства в городском развитии в феодальный период была определяющей. Но и со становлением рынка, началом индустриализации роль административной функции в урбанизационном процессе снижается крайне медленно при постепенном возрастании значения в первую очередь промышленных функций. В 1910 г. в России было 775 городов, из них 77 губернских, 541 уездных и 157 заштатных, т.е. функции при некотором росте числа городов в целом оставались прежними (около 80%).

Второй исторический период отечественной урбанизации был напрямую связан с промышленной революцией и социально-экономическими и политическими преобразованиями эпохи Александра II, прежде всего отменой крепостного права. По сути, именно тогда в России начался так называемый «урбанизационный переход» или «переход к городскому обществу», связанный с обретением городом ключевой роли в общественном развитии. Причем речь идет не только о постоянном росте числа городских жителей, равно как и об увеличении числа городов. Речь идет прежде всего об изменении места и роли города в социальной динамике, о распространении городского образа жизни, о влиянии города на сельский быт и т.д.³

К середине XIX в. функциональная структура городов радикально изменилась. Ведущее положение в системе крупных городов заняли промышленные города (43% всех городов), до 10% увеличилась доля торговых городов. В свою очередь города смешанного

¹ См.: Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е гг. Л.: Наука, 1990. С. 26.

² Там же. С. 24.

³ См.: Миронов Б.А. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 234.

типа и особенно аграрные города резко сдали свои позиции: они составляли соответственно 20 и 22% всех городов.

Города различной специализации отличались также уровнем экономического развития, который Б.Н. Миронов оценивает на основании 22 экономических признаков (среди них важнейшими были величина промышленного производства и оборот торговли за год). Если классифицировать города 1850-х гг. по этому признаку на три категории – слаборазвитые, среднеразвитые и высокоразвитые, то окажется, что 74% всех городов были слаборазвитыми, 8% – среднеразвитыми и 18% – высокоразвитыми (сюда относились главным образом мегаполисы – Санкт-Петербург, Москва, отчасти Одесса, Варшава)¹.

Между функциональным типом крупного города и уровнем его экономического развития существовала достаточно тесная связь: 95% аграрных и 92% административно-военных городов являлись слаборазвитыми, в то время как среди торговых таковых насчитывалось 63%, а среди промышленных – только 19%. Не было ни одного аграрного высокоразвитого города, а среди административно-военных их доля составляла всего 8%, в то время как среди торговых и промышленных 30% были высокоразвитыми. Это говорит о том, что специализация города оказывала влияние на общий уровень его развития.

Поступательное развитие мегаполиса в досоветский период было возможно только при условии возникновения и совершенствования промышленной и торговой функций, иначе он либо переживал застой, либо вообще утрачивал статус города.

В пореформенное время в экономической структуре городов произошли новые изменения: уменьшалось число аграрных и административно-военных городов, узкая специализация городов сменилась многофункциональностью, почти во всех городах возник культурный сервис и сфера обслуживания. К концу XIX в. осталось всего 10,8% административно-военных и аграрных городов, зато число городов смешанного типа возросло с 20% до 89%².

В науке довольно распространенной является также классификация, в соответствии с которой выделяются доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные города. Доиндустриальные города выполняют главным образом административную, военную и аграрную функции, индустриальные – промышленную, финан-

¹ См.: Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е гг. Л.: Наука, 1990. С. 301.

² См.: Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983. С. 129.

совую и транспортную функции, постиндустриальные – главным образом сервисную функцию. Из 612 российских городов, существовавших в 1897 г., 219 (35,8%) Б.Н. Миронов классифицирует как доиндустриальные, 390 (63,7%) – как индустриальные и только 3 (0,5% – Санкт-Петербург, Одесса, Киев) – как постиндустриальные. Таким образом, в конце XIX в. одновременно сосуществовали умирившие доиндустриальные города, бурно развивавшиеся индустриальные и зарождавшиеся постиндустриальные города-мегаполисы¹.

Библиография

1. Арциховский А.В. Городские концы в Древней Руси. Л.: Исторические записки, 1945.
2. Глазычев В.Л. Урбанистика. Ч. 1. М.: Европа, 2008.
3. Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е гг. Л.: Наука, 1990.
4. Политическая регионалистика и этнополитология: Теория и практика федеративных отношений, национальной и региональной политики. Антология. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2012.
5. Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. М., 1984.
6. Федякин И.В. Российский опыт и перспективы политики формирования и развития мегаполисов как направления государственной политики. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2013.
7. Евлаев А.Н. Развитие малых городов с помощью применения механизмов государственно-частного партнерства в железнодорожной отрасли / Научный журнал «ПОИСК». М.: научно-издательский центр «Академика». 2014. № 2(43). С. 84-92.

¹ См.: Миронов Б.А. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 289-290.

*ФИРСИН Сергей Анатольевич,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Физическая культура ИЭФ»,
Московский государственный университет
путей сообщения
firsinsa@yandex.ru*

Социологический анализ отношения школьников к физическому воспитанию/ Sociological analysis attitudes of pupils to physical education

Аннотация

В статье объясняется оценка отношений школьников к урокам физической культуры, выясняются факторы, которые существенно влияют на это отношение и определяются пути повышения их позитивного отношения к данным урокам, удовлетворенности их организацией.

Ключевые слова

Физическое воспитания; урок физической культуры; физкультурно–спортивная работа.

Annotation

The article explains assessment of relations students to physical education classes, it turns out the factors that significantly affect this ratio and identifies ways to improve their positive attitude to this lesson, their satisfaction with the organization.

Keywords

Physical education; physical education class; sports and athletic performance.

Включенность школьников в занятия физкультурой и спортом, их активность на этих занятиях (реальное отношение к физкультурно-спортивной деятельности) в первую очередь зависит, осо-

бенно если иметь в виду их свободное время, от субъективного отношения к урокам физкультуры, другим занятиям физкультурой и спортом. Показателями этого отношения являются знания и мнения школьников об уроках физкультуры и физкультурно-спортивной деятельности в целом, оценка их значения, удовлетворенность содержанием и организацией, те эмоции и переживания, которые они вызывают, и соответственно наличие у школьников достаточно высокой мотивации на активное участие в физкультурно-спортивной деятельности (интерес к ней, потребность участия в ней). Для определения путей повышения физкультурно-спортивной активности учащихся школ необходима поэтому достоверная информация о всех этих компонентах субъективного отношения школьников к физкультурно-спортивной деятельности. Но это возможно лишь на основе социологического исследования¹.

Для получения максимально полного социально-педагогического и культурного эффекта от участия школьников в физкультурно-спортивной деятельности необходима достоверная информация о тех наиболее существенных факторах, которые определяют данный эффект. Это также возможно лишь на основе социологического исследования.

Все отмеченное выше определяет актуальность и основные направления проведения комплексного социологического анализа:

- субъективного отношения учащихся к урокам физкультуры и физкультурно-спортивной работе в школе в целом, к формам их организации;
- степени удовлетворенности теми или иными формами;
- уровня реальной физкультурно-спортивной активности школьников, особенно в свободное время;
- ее влияния не только на физическое состояние, но и на другие качества и способности школьников, на весь процесс их социализации;
- тех факторов, которые существенно влияют на отношение учащихся к урокам физкультуры и физкультурно-спортивной работе в школе, к тем или иным способам их организации, на их физкультурно-спортивную активность, ее воздействие на личность и социальные отношения школьников².

¹ Столяров В.И. Спартианские игры в гуманистической системе воспитания и организации досуга студентов. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2011. – 176 с.

² Столяров В.И. Содержание и структура физкультурно-спортивного воспитания детей и молодежи (теоретический анализ). – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2012. – 269 с.

Цель исследования: определить пути модернизации физического воспитания, физкультурно-спортивной работы в общеобразовательных школах на основе получения и анализа комплексной социологической информации об отношении учащихся и учителей физкультуры этих школ к физическому воспитанию, физкультурно-спортивной деятельности, а также тех факторов, которые влияют на это отношение.

Основные задачи:

1) выявить основные показатели отношения школьников к физическому воспитанию, урокам физкультуры, физкультурно-спортивной деятельности, в том числе: – к содержанию физического воспитания; – к формам организации процесса физического воспитания; – к объемам и интенсивности физической нагрузки в реальном процессе физического воспитания; – к структурному построению процесса физического воспитания (в расписании учебных занятий, отдельно от основных уроков, секционная форма занятий с учетом интересов и т. д.); – к организации, привлекательности уроков физкультуры; – к физкультурно-спортивной деятельности в целом.

2) выявить факторы, которые существенно влияют на отношение учащихся к урокам физкультуры и физкультурно-спортивной работе в школе, к тем или иным способам их организации; с этой целью получить социологическую информацию об оснащенности физического воспитания, уроков физкультуры тренажерами и спортивным оборудованием, а также о новых формах организации физкультурно-спортивной работы в школах.

Объектом исследования является социологическая информация, полученная от школьников Саратовской области.

Предметом исследования является оценка значимости и степень актуализации физического воспитания урокам физкультуры и физкультурно-спортивной работе в общеобразовательной школе.

Методы исследования.

В ходе исследования использовались следующие методы: метод анализа документов; социологический опрос (анкетирование); методы анализа эмпирических данных (группировка, классификация); методы математической статистики.

Полученные результаты.

Как показывают результаты опроса, уроки физкультуры в определенной степени привлекательны для большинства респондентов, что определяет их позитивное отношение к данным урокам. Для 68,1% (1412 чел. из 2075 опрошенных) школьников они доставля-

ют удовольствие. 87,7% (1781 чел.) испытывают положительные эмоции на уроках физкультуры¹.

Привлекательными для школьников являются такие аспекты уроков физкультуры, как наличие игр (этот аспект уроков отметило 41,1% респондентов), проведение соревнований (отметили 14,5%), хороший учитель (отметили 31,6%), возможность получить хорошую физическую нагрузку (отметили 35,7%). Указанные аспекты уроков физкультуры нравятся разным группам школьников: 46,1% школьников и 35,5% школьниц особенно привлекает наличие игр; 12,9% школьниц и 16,3% школьников – проведение соревнований; 33,5% школьниц и 38,1% школьников – получение хорошей физической нагрузки; 34,5% школьниц и 28,5% школьников – хороший учитель.

Однако не для всех опрошенных школьников характерно позитивное отношение к урокам физкультуры, достаточно высокая степень удовлетворенности этими уроками. Почти для трети респондентов (31,9%, 663 чел.) уроки физкультуры не пользуются привлекательностью, для 17,7% (367 чел.) они «мало интересны», для 6,2% (129 чел.) – «совсем не привлекательны», 8,0% (167 чел.) затруднились определить свою позицию в данном вопросе. «Большое удовольствие» от уроков физкультуры получает лишь 28,8% (597 чел.). Для школьниц эти уроки менее привлекательны, чем для школьников. Среди них значительно меньше (22,1%) по сравнению со школьниками (36,0%) тех, кому уроки физкультуры доставляют «большое удовольствие», и больше (20,9% по сравнению с 14,2%) тех, для кого они «мало интересны».

Ниже будут рассмотрены лишь те из них, которые могут быть выделены и охарактеризованы на основе проведенного социологического опроса школьников. Эти факторы мы подразделяем на две группы. Первая из них связана с отношением школьников к физкультурно-спортивной деятельности, вторая – с оценкой школьниками уроков физкультуры, положительных и негативных аспектов их организации.

Первая группа факторов. Занятия физическими упражнениями на уроках физкультуры в школе – разновидность (форма) физкультурно-спортивной деятельности. Поэтому их отношение к этой деятельности существенно влияет и на отношение к урокам физкультуры.

Субъективное мнение школьников о занятиях физкультурой и спортом в целом положительное. Согласно данным опроса, по-

¹ Фирсин С.А. Состояние физкультурного воспитания в системе досуга учащейся молодежи // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта №7 (89) 2012. – С. 134-138.

давяющее большинство из них (92,8%, 1884 чел.) признают значимость этих занятий. Только 3,3% (68 чел.) считают, что занятия физкультурой и спортом «не представляют ценности, по крайней мере, существенной». Подавляющее большинство респондентов (93,2%, 1927 чел.) признает и личное значение занятий физкультурой и спортом.

Большинство респондентов интересуется не только физкультурная деятельность, но и спорт. 92,4% респондентов указали на то, что спорт их интересует, и только 7,6% занимают позицию, согласно которой «ничто, связанное со спортом, не интересует». Поскольку важнейшей составной частью спорта являются спортивные соревнования как определенная разновидность соревнований, целесообразно учитывать отношение школьников ко всякому соперничеству (не только в спорте, но также в учебе, науке, искусстве и т.д.). Большинство респондентов (88,8%, 1806 чел.) позитивно относится к соревнованиям. Только 7,1% (144 чел.) указали на то, что они вообще не любят соревнования, а 4,1% (83 чел.) затруднились ответить. Однако среди позитивно относящихся к соревнованиям большинству (62%, 1261 чел.) нравятся не все соревнования. К сожалению, использованная в ходе опроса анкета не позволила уточнить, какие именно соревнования им нравятся, а какие – нет. Среди школьниц больше (9,1%) по сравнению со школьниками (4,8%) тех, кто не любит соревнования.

Таким образом, хотя субъективное мнение школьников о занятиях физкультурой и спортом в целом положительное, но большинство из них не очень высоко оценивают их значение. Поэтому у них не возникает «горячее желание» заниматься физкультурой и спортом, что отражается на реальном поведении, связанном с физкультурно-спортивной деятельностью.

Вторая группа факторов. На частичное или даже полное негативное отношение школьников к урокам физкультуры существенное влияние оказывает то, как они оценивают эти уроки, их организацию, что видят здесь положительного и что отрицательного.

С этой точки зрения, прежде всего, важно отметить, что есть школьники (хотя их и не очень много), которым в уроках физкультуры не нравится все, и потому они не любят эти уроки. Среди учащихся 4-5 класса таких школьников 9,0%, 6-7 класса – 7,8%, 8-9 класса – 7,6% и 10-11 класса – 8,3%. Другим школьникам не нравится в уроках физкультуры, в их организации не все, а какие-то определенные аспекты. При этом важно, что некоторые из этих аспектов не нравятся довольно значительной части школьников. Это, например, неудачное время проведения уроков – после них

приходится идти на математику и другие уроки, требующие внимания, сосредоточенности, интеллекта и т.д. (на это указали 38,9% респондентов); отсутствие условий для того, чтобы привести себя в порядок после занятий (30,4%); содержание уроков – их содержание очень однообразно (26,8%); плохой спортивный инвентарь (22,3%). Некоторые аспекты уроков физкультуры, их организации не нравятся менее значительной части школьников. К их числу относятся: «мало подвижных игр» (17,0%); требование обязательного выполнения норм физической подготовленности (15,0%); методика проведения уроков (13,4%); «мало красоты, эстетики, доброты» (11,9%); «девочки и мальчики занимаются вместе» (11,7%); «переживания (чувство стеснительности) из-за своего телосложения и слабой физической подготовленности» (11,8%); «место проведения уроков» (10,9%); «учитель редко поощряет достижения, чаще ругает» (10,9%); «проводится много соревнований, в которых редко удастся быть победителем» (6,2%).

Но самое главное состоит в том, что практически каждому школьнику какие-то аспекты этих уроков, их организации не нравятся, и это, естественно, служит причиной его не совсем положительного или даже негативного отношения к этим урокам.

Влияние обучения в школе на отношение школьников к урокам физкультуры и физкультурно-спортивной деятельности в целом.

Как показывает полученная от респондентов информация, в процессе обучения в школе по ряду важных показателей не повышается (а иногда снижается) уровень физической грамотности школьников.

Учащиеся старших классов менее высоко, чем учащиеся младших классов оценивают значение занятий физкультурой и спортом. Так, например, среди учащихся 4-5 классов 86,8% считают, что эти занятия имеют «очень большое значение», тогда как среди учащихся 6-7 классов такого мнения придерживаются 73,4%, среди учащихся 8-9 классов – 66,5%, а среди учащихся 10-11 классов – всего лишь 65,6%. И, напротив, мнение о том, что «занятия физкультурой и спортом не представляют ценности, по крайней мере существенной» среди учащихся 4-5 классов разделяют 2,9%, среди учащихся 8-9 класса – 3,7%, а среди учащихся 10-11 класса – уже 4,2%.

У школьников старших классов существенно снижается оценка личного значения занятий физкультурой и спортом. Так, из предложенных вариантов ответа на вопрос о том, как респондент оценивает значение этих занятий для самого себя, учащиеся разных классов выбрали следующие варианты: вариант «они очень важны для меня» – 77,6% учащихся младших классов, 61% – 6-7 класса,

53,9% – 8-9 класса и только 50,8% – 10–11 класса; вариант «они не очень важны для меня» – 16,4% учащихся младших классов, 31,9% – 6-7 класса, 39,9% – 8-9 класса и еще больше (50,8%) – 10-11 класса; вариант «мне они совсем не нужны» – 3,0% учащихся младших классов, 3,5% – 6-7 класса, 3,3% – 8-9 класса и еще больше (5,4%) – 10,11 класса.

Процесс обучения в школе не вносит существенных позитивных изменений и в отмеченное выше ограниченное представление школьников о значимости физкультурно-спортивной деятельности. Оценка позитивного влияния активных занятий физкультурой и спортом на физическое состояние человека, с одной стороны, и его психические, духовно-нравственные качества, с другой, существенно не меняется у школьников старших классов по сравнению с учащимися младших классов. Так, позитивное влияние этих занятий на физическое состояние отметили 94,7% школьников 4-5 класса, 87,8% – 6-7 класса, 83,2% – 8-9 класса и 91,1% – 10-11 класса, а на психические, духовно-нравственные качества, культуру – всего лишь 3,4% школьников 4-5 класса, 3,5% – 6-7 класса, 4,8% – 8-9 класса и 4,0% – 10-11 класса.

Таким образом, данные проведенного социологического опроса школьников выявляют по ряду показателей незначительный позитивный (а по ряду показателей даже негативный) вклад процесса обучения в школе, как на субъективное, так и на реальное отношение учащихся к урокам физкультуры и физкультурно-спортивной деятельности в целом.

В результате проведенного исследования можно сделать несколько принципиальных выводов по обсуждаемой проблеме.

1. При определении роли активных занятий физкультурой и спортом для современного человека школьники делают акцент, прежде всего, на физическое состояние человека и недооценивают значение этих занятий для всестороннего развития личности, а также как мощного фактора социализации и средства воспитания характера, укоренения морально-этических и эстетических ценностей в структуре ценностей российской молодежи.

2. Исследование показало, что в последние годы становятся все более значимыми социокультурные мотивы вовлечения в физкультурно-спортивную деятельность. Почти каждый пятый опрошенный отметил такие мотивы, как «улучшить осанку, походку, телосложение» и «сегодня модно быть спортивным». Для 70% учащихся неважно, как окружающие оценивают их физическое развитие и здоровье.

3. Позитивное отношение к активным занятиям физкультурой и спортом зависит от степени вовлеченности в эти занятия. У учащихся, которые дополнительно занимаются физкультурой и спортом, выше мотивация к спортивной деятельности, более высокая оценка положительного влияния этих занятий, больше амбициозных целей и желания добиться высоких спортивных результатов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Столяров В.И. Спартианские игры в гуманистической системе воспитания и организации досуга студентов. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2011. – 176 с.

2. Столяров В.И. Содержание и структура физкультурно-спортивного воспитания детей и молодежи (теоретический анализ). – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2012. – 269 с.

3. Фирсин С.А. Состояние физкультурного воспитания в системе досуга учащейся молодежи // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта №7 (89) 2012. – С. 134-138.

*НАРБУТ Николай Петрович,
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии РУДН
nparbut@rambler.ru*

*ТРОЦУК Ирина Владимировна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии РУДН
irina.trotsuk@yandex.ru*

Ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере: результаты эмпирического проекта / The expectations and fears of Russian students in the professional field: the results of an empirical study

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования, реализованного в конце 2013 – начале 2014 года методом анкетирования на репрезентативной студенческой выборке в Российском университете дружбы народов. Авторы предложили формат операционализации ценностной проблематики в профессиональной сфере через фиксацию ожиданий и опасений студенчества в данной области. Полученные в ходе анкетирования данные можно расценивать как устойчивые коллективные представления молодежи, поскольку не было выявлено значимых различий в ответах по социально-демографическим характеристикам, и студенты вполне консолидировано продемонстрировали оптимистичный жизненный настрой и приверженность весьма разнохарактерным соображениям, надеждам и опасениям, когда речь заходит о получении высшего образования, нынешних и будущих стратегиях трудоустройства и профессиональной самореализации.

Ключевые слова

Студенчество; молодежь; страхи, надежды и опасения в профессиональной сфере; мотивы и стратегии трудоу-

стройства; эмпирическое исследование; опросный инструментарий.

Annotation

The article presents the results of the survey conducted in late 2013 – early 2014 on a representative sample of the students of the Peoples' Friendship University of Russia. The authors proposed a format of value issues' operationalization in the professional field through identification the basic expectations and concerns of the youth. The results of the survey can be regarded as stable social representations of young generations for we did not reveal significant differences in the responses due to the socio-demographic characteristics. The students showed an optimistic life attitude and commitment to quite diverse motives and reasons, hopes and fears considering the aims of higher education and their present and future strategies for finding a job and professional self-realization.

Keywords

Students; the youth; hopes and fears in the professional field; motives and strategies of employment; an empirical study; questionnaire.

Как показывают данные многочисленных общероссийских опросов, экономические проблемы – как личное благосостояние, так и объективные условия жизни в стране – были, есть и в обозримом будущем останутся главной причиной страхов и опасений россиян: «если в вопросе есть подсказка про экономику, она затмевает все остальное, становится важнее ядерной войны...». Столь пессимистичные настроения вполне объясняются статистическими выкладками, показывающими высокий уровень скрытой безработицы в России, ее сильнейшую региональную дифференциацию, огромные структурные несоответствия в функционировании сферы (прежде всего, высшего) образования в свете требований, запросов и ожиданий рынка труда, снижение в последние годы предпринимательской активности средних и малых масштабов и т.д. Очевидно, что наиболее уязвимой группой на рынке труда является молодежь: с одной стороны, молодые специалисты зачастую не имеют необходимого профессионального опыта и знаний и не вполне понимают возможные векторы и общую логику выстраива-

ния своей трудовой карьеры; с другой стороны, нынешнее общество потребления стимулирует формирование у молодых поколений завышенных ожиданий и все в большей степени превращает труд в инструментальную ценность.

Репрезентативные опросы студенчества, реализованные за последнее десятилетие на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов, неоднократно были сфокусированы на мировоззренческих доминантах молодежи в образовательной, трудовой, семейно-брачной и иных сферах жизни; нередко мы использовали комплексный инструментарий, призванный выявить общую картину ценностных приоритетов российского студенчества. В частности, результаты наших «замеров» показали устойчивость в молодежной среде основных мотивов получения высшего образования (желание обладать знаниями, необходимыми для дальнейшей жизни, стать квалифицированным специалистом и просто получить «корочку»), требований к трудоустройству (высокая оплата труда и интересная работа, чуть менее значимы гарантии карьерного роста и возможности самореализации) и достаточно пессимистично-объективных оценок своих шансов найти работу по специальности.

В 2013 году мы решили несколько иначе «взглянуть» на образовательные и профессиональные ценности студенчества, исходя из неоспоримого на сегодняшний день факта институционализации проблематики социальных страхов в социологии. Они получили внятную и уже апробированную структурную и факторную эмпирическую интерпретацию в рамках социологических исследований, результаты которых позволяют утверждать, что сегодня мы живем в «обществе риска», характеризующемся катастрофическим массовым сознанием и социальной детерминацией большей части страхов современного человека. Иными словами, на эмпирическом уровне страхи и опасения (негативный модус массового сознания), а не только надежды и ожидания (позитивный модус), могут выступать «маркерами» ценностных доминант мировосприятия, даже не будучи актуальными, а просто став общим рутинизированным фоном нашей повседневной жизни благодаря постоянному их нагнетанию и разным форматам «демонстрации» в средствах массовой информации.

Первоначально по результатам вторичного анализа социологических проектов, в той или иной степени фокусирующихся на проблематике страхов, мы сконструировали опросный инструментарий, призванный «измерять» ценностные ориентации студенчества сквозь призму опасений, условно типологизированных сле-

дующим образом: опасения экономической дезадаптации; страх перед определенными социальными субъектами и возможностями ухудшения здоровья; опасения не достичь желаемых целей и/или не избежать нежелательных состояний; страх перед неподконтрольными ситуациями и др. Данный инструментарий был призван выявить смысложизненные приоритеты молодежи и ее ключевые страхи (в том числе в сфере трудоустройства), общий уровень тревожности студенчества и предпочитаемые им стратегии преодоления дискомфортных ситуаций. Результаты анкетирования, проведенного на репрезентативной (по критериям факультета и курса обучения) выборке студентов РУДН, показали, что при декларативно высоком уровне тревожности и восприятии значительного числа социальных угроз как актуальных все же нельзя утверждать, что большинство студентов – пессимисты. Это «противоречие» мы объясняем вполне тривиальным утверждением «молодость – пора надежд», тем более что многие грустные события для молодежи пока не актуальны в силу возраста (скажем, тяжелые болезни и одиночество), а также «нормальностью» многих социальных страхов (их рутинизирует медийный «шум», убеждающий как в их неизбежности, так и в возможности, что «пронесет»), которая «загоняет» большинство россиян в частную сферу жизни (отсюда столь часто фиксируемая социологами политическая апатия и позиция «моя хата с краю»).

Обозначив ценностные предпочтения студенчества сквозь призму страхов, надежд и опасений, мы разработали другой, тематически сфокусированный на профессиональной сфере инструментарий и в конце 2013 – начале 2014 года по аналогичной модели квотной выборки провели в РУДН еще одно анкетирование. В некоторой степени мы рассматривали его как разведывательное, потому что участвовавшие в разработке анкеты студенты третьего курса, фактически выступившие в роли «экспертов», настояли на сложной и «тяжелой» анкете: мы не были уверены, что она работает, и действительно процент отказов от участия в опросе оказался несколько выше, чем обычно, но, с другой стороны, по результатам опроса мы смогли бы упростить и скорректировать инструментарий, исходя из полученных данных. К счастью, наши опасения не подтвердились: проблематика профессионального самоопределения и трудоустройства оказалась столь интересной и актуальной для студентов, что даже на открытые вопросы столь сложной анкеты мы получили порядка 50% ответов, что существенно превышает стандартные для подобного рода массовых исследований показатели.

Наш опросный инструментарий включал в себя несколько условных тематических блоков. Первый имел вводный характер и затрагивал разные аспекты студенческой жизни. Так, распределение ответов на вопрос «Почему ты поступил именно в РУДН?» показало, что основная причина выбора университета (ее указал каждый второй) – его известность и статус престижного вуза. «Содержательные» критерии выбора вуза составили значительно отстающий от «имиджа» блок показателей (их отмечал каждый четвертый): хорошая языковая подготовка, возможности общения с иностранными студентами (видимо, в целях развития коммуникативных навыков на иностранных языках и расширение круга знакомств), качество образования и возможность получения диплома переводчика.

Наши предположения, что в выборе специальности формально-имиджевые соображения отойдут на второй план, в целом подтвердились: каждый второй респондент хочет стать квалифицированным специалистом именно в той области, в которой проходит обучение, у каждого четвертого получаемая специальность была давней мечтой. Вот почему обучение в университете для половины опрошенных – в первую очередь, возможность стать квалифицированным специалистом и получить знания, необходимые для дальнейшей жизни, а каждый третий утверждает, что для него высшее образование – возможность саморазвития и самореализации, т.е. когда речь заходит о причинах выбора конкретной специальности и восприятию обучения в вузе, то прагматичные соображения (получение «корочки», гарантий карьерного роста и высокой заработной платы) уступают позиции более идеалистичным, что совершенно нормально и, наверное, правильно, когда речь идет о молодежи.

Обозначенные доминанты восприятия высшего образования определяют заинтересованность студентов в обучении, даже если их представления о специальности и учебе изменились после поступления (у каждого второго). Каждый пятый студент собирается продолжить обучение в магистратуре (бакалавры) или аспирантуре (магистры) по другой специальности, видимо, сориентировавшись и поняв, что «душа лежит» к другому, либо осознав недостаточность своего образования требованиям рынка по формальным или содержательным критериям.

Второй условный тематический блок анкеты включал в себя вопросы о связанных с будущим опасениях студенчества и необходимых для жизненного успеха личных качествах. В сфере опасений нет явного лидера, но если объединить соответствующие закрытия в группы, то базовых страхов у студентов окажется три: 1) вынужденная профессиональная нереализованность (даже при высоких

заработках); 2) бедность (вследствие низкой зарплаты, болезни или безработицы); 3) личное одиночество, неустроенность (Табл.).

Таблица

Задумываясь о своем будущем,
чего ты опасешься больше всего?

Варианты ответов	%
Работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы	38,7
Оказаться одиноким человеком	31,7
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	28,8
Оказаться безработным	22,8
Заболеть неизлечимой болезнью	22,6
Бедности	20,7
Разочарования в выбранном деле/профессии	20,4
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	19
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться и получить диплом)	18,3
Неудачи в любви	13,2
Не выйти замуж/не жениться	12,3
Оказаться под следствием/в тюрьме	11,8
Публичного унижения/оскорбления	9,6
Стать жертвой преступников	7,5
Пойти служить в армию	3,8
Жизни без компьютера/Интернета	2,4

Отвечая на вопрос о личных качествах, необходимых для жизненного успеха, студенты продемонстрировали большее единодушие, выбирая варианты ответов в списке из 25 закрытий: безусловные лидеры здесь – коммуникабельность, трудолюбие, талант, способности и целеустремленность, т.е. классический набор позитивных личных качеств так называемого «self-made man», которому также пригодится оптимизм, честность и исполнительность (Рис.1).

По-твоему, какие качества сегодня позволяют человеку достичь успеха?

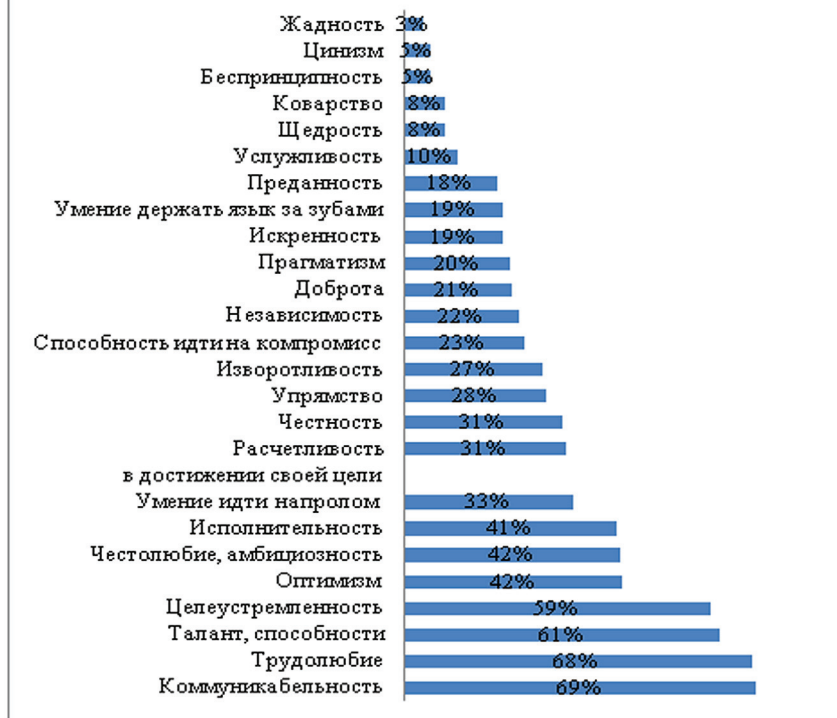

Рис. 1. Качества успешного человека

Третий условный блок анкеты был самым большим по объему и включал в себя вопросы о стратегиях трудоустройства – как реальных, так и планируемых. Порядка 70% студентов не работают, каждый пятый имеет постоянную работу, которая в основном не связана с получаемой специальностью. Основным критерием выбора места работы является возможность ее совмещения с учебой (47%), каждый четвертый хочет получить практические навыки по специальности, видимо, чтобы повысить шансы успешного трудоустройства после окончания вуза, ради заработка работает 15%. Вынужденные совмещать работу и учебу, на что сегодня идет все меньше работодателей, о соблюдении своих трудовых прав сту-

денты не заботятся (каждый второй не оформлен официально), не рассчитывают на высокую оплату труда (каждый второй убежден, что зарабатывает недостаточно – зарплата 45% трудоустроенных не превышает 20 тысяч рублей в месяц) и планируют сменить место работы после завершения учебы (71%).

Неработающие студенты, как правило, аргументируют свое решение тем, что не смогут совмещать работу и учебу; каждый третий из них убежден, что на данный момент жизни следует сосредоточиться на учебе. Впрочем, факт отсутствия опыта работы респондентов не волнует: оценивая перспективы своего трудоустройства после окончания вуза, 91% выразил уверенность, что легко и быстро найдет работу, причем каждый второй – что по специальности. Самые действенные способы трудоустройства, благодаря которым большинство знакомых и друзей студентов уже нашли или планируют найти работу – специализированные сайты (60%) и связи (49%) – последние, видимо, снимают проблему совмещения работы с обучением. Но когда речь заходит о факторах удачного трудоустройства, то наличие связей и знакомств упоминает лишь каждый четвертый, а безусловными лидерами, как и в случае с жизненным успехом, оказались личные качества – знания, умения, профессионализм, знание иностранного языка. Основными требованиями работодателей к молодым специалистам студенты считают, прежде всего, опыт работы (76%) и ответственность (62%), реже упоминались диплом по специальности (54%), готовность работать с максимальной отдачей (49%), пунктуальность, обучаемость и знание иностранных языков (по 42%).

По мнению студентов, основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые специалисты на рынке труда, – отсутствие опыта работы (55%) и нежелание работодателей по этой причине платить им достойную зарплату (47%); каждого третьего волнует перенасыщенность рынка специалистами его профиля, каждого четвертого – гиперэксплуатация молодых специалистов. 43% полагают, что получаемая ими квалификация не вполне соответствует требованиям рынка, поэтому им нужны дополнительные знания по профессии и практика. С другой стороны, половина респондентов уверена, что их знания соответствуют требованиям рынка и позволяют им стать конкурентоспособными специалистами или просто найти работу.

Себя по социально-демографическим характеристикам, как молодых (27%) выпускников вузов (23%), студенты не относят в самую проблемную группу с точки зрения возможностей трудоустройства – более важными ограничениями они считают отсут-

ствии опыта работы (43%) и связей (34%) (Рис.2). Студенты оптимистичны и в оценках своей будущей карьеры: 56% уверены, что получат желаемое место работы после окончания вуза; 61% надеется стать руководителями, причем 39% – собственного бизнеса, а 13% – фрилансерами, работая в свободном режиме или на дому. По мнению опрошенных, идеальная работа – в первую очередь, интересная и высокооплачиваемая (так считает каждый второй); со значительным отрывом от этих характеристик идет возможность приносить пользу людям, расширить круг общения, получить стабильный доход и заниматься престижной работой, оставляющей свободное время.

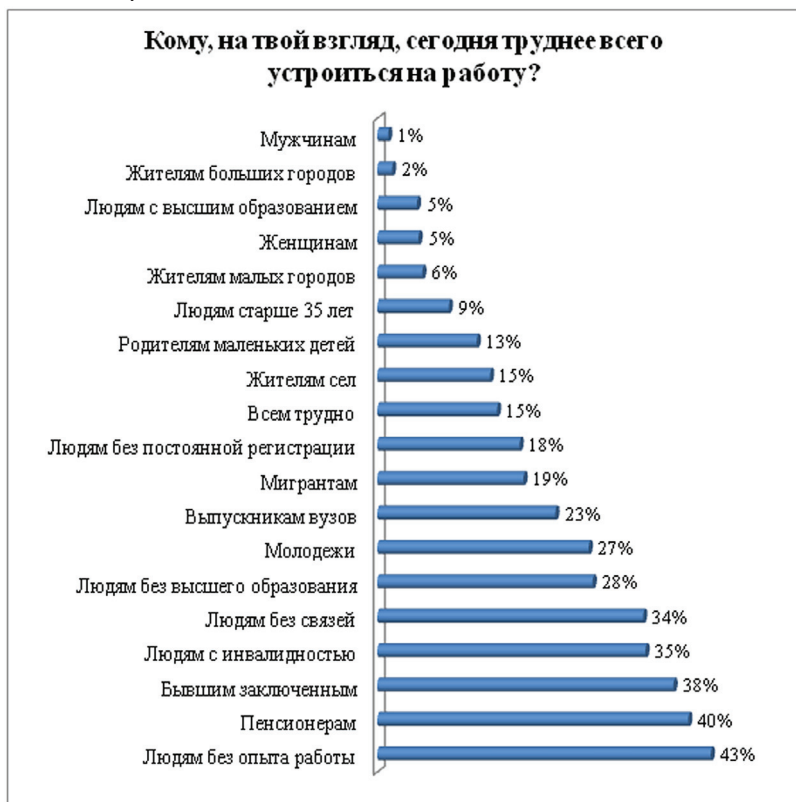

Рис. 2. Самые проблемные по критерию трудоустройства группы

Самыми востребованными профессиями студенты считают инженеров (42%), программистов/ИТ-специалистов (20%), врачей (16%), экономистов (15%) и юристов (10%). По последним двум

позициям вряд ли стоит упрекать студентов в непонимании кризиса «перепроизводства» данных специалистов, о которых постоянно говорит государство, закрывая соответствующие кафедры в непрофильных вузах и направляя все больше бюджетных средств на подготовку специалистов технического профиля: юристы и экономисты оказались лидерами и среди наименее востребованных специальностей, хотя в то же время возглавили список наиболее высоко оплачиваемых профессий.

Последний тематический блок анкеты «диагностировал» общий жизненный настрой студенчества: в будущее респонденты смотрят с оптимизмом (58%) или спокойно, пусть и без особых надежд и иллюзий (28%); считают себя оптимистами (30%), реалистами (35%) или «ситуационистами» (19%); если и испытывают негативные эмоции, то, как правило, в связи с учебой (65%), а не работой/трудоустройством (28%) или родными (29%) и друзьями (32%); довольны своей нынешней жизнью (76%) и предпочитает планировать ее на отдаленную (34%) или ближайшую перспективу (46%); рассчитывают в реализации своих планов на поддержку и помощь родителей и ближайшего социального круга.

Различия по социально-демографическим характеристикам оказались незначительными почти по всем вопросам анкеты, а там, где проявились, были вполне ожидаемыми: например, девушек в целом отличает большая эмоциональность, большие ожидания и большее разнообразие требований к идеальной работе, но на этом фоне для них существенно более важным, чем для юношей, компонентом жизненного успеха выступает семейное благополучие. Это объясняет, почему девушки демонстрируют более высокий уровень тревожности, задумываясь о будущем, что, впрочем, не мешает им быть даже более оптимистично настроенными, чем юноши. Отсутствие значимых различий по большинству вопросов анкеты позволяет говорить о возможности выявления устойчивых коллективных представлениях студенческой молодежи в сфере профессионального становления и трудоустройства через фиксацию надежд, опасений и ожиданий в данной сфере.

Библиография

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Волков Д. Экономика страшнее ядерной войны // URL: <http://www.levada.ru/31-03-2014/ekonomika-strashnee-yadernoi-voiny>.

3. Горшков М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. – 2009. – №7.

4. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2013. – №4.

5. Троцук И.В. Мировоззренческие доминанты молодежи: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов, надежд и опасений // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2013. – №3.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

Конференции по социологии с дедлайном в сентябре 2014 года

XLI Международная научно-практическая конференция «Экономика и современный менеджмент: теория и практика». Окончание срока приема материалов для участия в конференции - 1 сентября 2014 года. Публикации РИНЦ.

Восьмая Международная научно-практическая конференция «Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России» (VIII Сытинские чтения). Для участия в конференции просим направить заявку и резюме доклада не позднее 1 сентября 2014 г. Конференция состоится 25-26 сентября 2014 года в Ульяновске в музее «Симбирская классическая гимназия».

Седьмая всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки». Окончание срока приема заявок – 7 сентября 2014 г. Конференция состоится в г. Иваново 16 – 18 октября 2014 г.

XVI Международная научно-практическая конференция «Наука вчера, сегодня, завтра». Материалы для участия в конференции принимаются до 8 сентября 2014 года.

Всероссийская научно-практическая конференция «Национальный язык в полиэтничной среде: состояние и перспективы развития». Материалы для участия необходимо предоставить в срок до 10 сентября 2014 г. Конференция пройдет 17 октября 2014 года на базе Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан.

XVI Студенческая международная научно-практическая конференция «Молодежный научный форум: общественные и экономические науки». Последний день подачи заявки и оплаты статьи: 10 сентября 2014 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Православная культура в современном обществе: проблемы и перспективы». Для участия в конференции необходимо направить материалы в срок до 11 сентября 2014 г. Состоится 25-26 сентября 2014 года в Ульяновске.

Сборник научных статей «Перспективные направления развития современной науки. Проблемы, технологии, управление». Заявки на публикацию принимаются до 15 сентября 2014 г.

4-я Международная научная конференция «Современные проблемы права и управления». Заявки на конференцию и доклады принимаются до 15 сентября 2014 года. Конференцию проводит 2-3 октября 2014 года Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации.

XXIV Студенческая международная научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов XXI столетия: общественные науки». Конференцию проводит 16 сентября 2014 года в Новосибирске НП «СибАК».

XXIX Международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: инновации в современном мире». Проводится 16 сентября 2014 года Международным центром науки и образования.

XXX Международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». Конференция состоится 18 сентября 2014 года в Москве.

Всероссийская молодежная научно-исследовательская конференция «Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры». Прием заявок на участие в конференции осуществляется до 20 сентября 2014 года. Конференция состоится 27-28 октября 2014 года на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

XVI Международная научно-практическая конференция гуманитарных и общественных наук «Роль культуры и искусства в социальном и гуманитарном развитии современного общества». Материалы для участия необходимо отправить до 23 сентя-

бря 2014 года (включительно). Конференция проводится 24 сентября 2014 года Обществом Науки и Творчества.

XVI Международная научно-практическая конференция «Основные направления развития современной экономической мысли в XXI веке». Материалы для участия необходимо отправить до 26 сентября 2014 года (включительно). Конференция проводится 27 сентября 2014 года Обществом Науки и Творчества.

XLI Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история». Проводит 29 сентября 2014 года НП «СибАК». Публикации РИНЦ.

XXXVII Международная научно-практическая конференция «Инновации в науке». Конференция пройдет 29 сентября 2014 года в Новосибирске. Публикации РИНЦ.

XVI Международная научно-практическая конференция «Современные процессы дифференциации и интеграции наук в XXI веке». Для участия в конференции необходимо отправить материалы до 29 сентября 2014 года (включительно). Конференция пройдет 30 сентября 2014 года в Казани.

РИНЦ Международный научный журнал «SCIENCE TIME». Прием заявок для публикации в выпуске №9 осуществляется до 30 сентября 2014 года включительно.

Всероссийская заочная конференция «Власть и общество: опыт взаимоотношений». Материалы необходимо предоставить по 30 сентября 2014 года. Проводится 22 октября 2014 года кафедрой государственного и муниципального управления Института управления и сервиса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

VII Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире». Срок прием заявок, текстов статей – до 30 сентября включительно. Конференция пройдет 30 сентября 2014 года в Санкт-Петербурге.

Публикация в научном журнале «Национальная безопасность и стратегическое планирование». Статьи в № 3 (7) / 2014 принимаются до 30 сентября 2014 г. Печатная версия журнала рассылается

через 2-3 недели после окончательной даты приема материалов для очередного номера журнала.

Молодежная научная школа «Москва - международный бизнес центр: вчера, сегодня, завтра». Для участия необходимо пройти предварительную регистрацию до 1 октября 2014 г. Материалы (аннотация и научная работа) принимаются до 31 октября 2014 г.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.** Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее **электронная версия.**

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объемом 15—20 строк на русском и английском языках;

— **список 3—4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, **должность, ученая степень, а также** данные для связи с автором — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.journalpoisk.ru/> или <http://www.журналпоиск.рф>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 4 (45)
Август – сентябрь 2014 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный университет путей сообщения»

Издатель

МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информацион-
ных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Сви-
детельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 58210
от 05 июня 2014 года

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: 8 (495)684-28-72

Для простых почтовых отправлений:

127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9

E-mail: red@ journalpoisk.ru

Сайт в Интернете: www.journalpoisk.ru, www.журналпоиск.рф

Сдано в набор 03.09.14. Подписано в печать 18.09.14.
Дата выхода в свет 25.09.14.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».
Тираж 1000 экз. Заказ №
Печать офсетная. Усл. печ. л.

МГУПС (МИИТ)
г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9

Отпечатано с готовых диапозитивов
в МГУПС (МИИТ), г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9